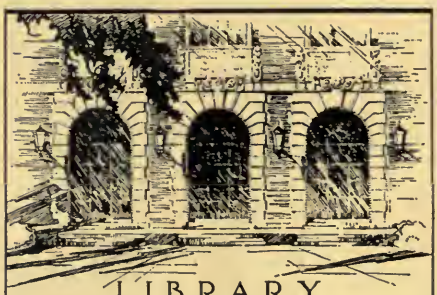

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.73
C41
K1902

Filmed 3 Aug 1989

Filmed

re-
the

The person charging this material is responsible for its return on or before **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

University of Illinois Library

MAY 27 1969

JUL 04 1989

AUG 03 1989

1096

L161—O.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

Антонъ Чеховъ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Мыслитель.—Дочь Альбіона.—На чужбинѣ.—Кухарка женится.—Шило въ мѣшкѣ.—Драма.—Произведеніе искусства.—Орденъ.—Смерть чиновника. — Канитель. — Хирургія.—Винтъ.— Капитанскій мундиръ. — Живая хронологія. — Восклицательный знакъ.—Ну, публика!—Переполохъ.—Налимъ.— Хамелеонъ. — Клевета. — Шведская спичка.—Художество.—Упразднили!—Унтеръ Пришибеевъ. — Анюта. — Въ Москвѣ на Трубной площади.—Лошадиная фамилія.—Трагикъ. — Страдальцы. — Наканунѣ поста.—Житейская мелочь. — Маска. — Переполохъ. — Шуточка. — Писатель. — На Страстной недѣлѣ. — Perpetuum mobile. — Торжество побѣдителя. — Ворона.—Неосторожность.—Хористка.—Страхи.—Послѣ театра. — Ненастье. — Изъ огня да въ полымя.—Бѣглецъ.—Происшествіе.

3-е ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

891.73
C41
K1902

МЫСЛИТЕЛЬ.

Знойный полдень. Въ воздухѣ ни звуковъ, ни движеній... Вся природа похожа на одну очень большую, забытую Богомъ и людьми, усадьбу. Подъ опустившейся листвой старой липы, стоящей около квартиры тюремнаго смотрителя Яшкина, за маленькимъ треногимъ столомъ сидятъ самъ Яшкинъ и его гость, штатный смотритель уѣзднаго училища Пимфовъ. Оба безъ сюртуковъ; жилетки ихъ разстегнуты; лица потны, красны, неподвижны; способность ихъ выражать что-нибудь парализована зноемъ... Лицо Пимфова совсѣмъ скисло и заплыло лѣнью, глаза его посоловѣли, нижняя губа отвисла. Въ глазахъ же и на лбу у Яшкина еще замѣтна кое-какая дѣятельность; повидимому, онъ о чемъ-то думаетъ... Оба глядятъ другъ на друга, молчатъ и выражаютъ свои мученія пыхтѣньемъ и хлопаньемъ ладонями по мухамъ. На столѣ графинъ съ водкой, мочалистая вареная говядина и коробка изъ-подъ сардинъ съ сѣрой солью. Выпиты уже первая, вторая, третья...

— Да-съ!—издаетъ вдругъ Яшкинъ, и такъ неожиданно, что собака, дремлющая недалеко отъ стола, вздрагиваетъ и, поджавъ хвостъ, бѣжитъ въ сторону.—Да-съ! Что̀ ни говорите, Филиппъ Максимычъ, а въ русскомъ языкѣ очень много лишнихъ знаковъ препинанія!

Slavic

— То-есть, почему же-съ? — скромно вопрошаетъ Пимфовъ, вынимая изъ рюмки крылышко мухи.—Хотя и много знаковъ, но каждый изъ нихъ имѣетъ свое значеніе и мѣсто.

— Ужъ это вы оставьте! Никакого значенія не имѣютъ ваши знаки. Одно только мудрованіе... Наставитъ десятокъ запятыхъ въ одной строчкѣ и думаетъ, что онъ умный. Напримѣръ, товарищъ прокурора Мериновъ послѣ каждаго слова запятую ставитъ. Для чего это? Милостивый государь—запятая, посѣтивъ тюрьму такого-то числа—запятая, я замѣтилъ—запятая, что арестанты — запятая... тьфу! Въ глазахъ рябитъ! Да и въ книгахъ то же самое... Точка съ запятой, двоеточіе, кавычки разныя. Противно читать даже. А иной франтъ, мало ему одной точки, возьметъ и натыкаетъ ихъ цѣлый рядъ... Для чего это?

— Наука того требуетъ...—вздыхаетъ Пимфовъ.

— Наука... Умопомраченіе, а не наука... Для форсу выдумали... пыль въ глаза пущать... Напримѣръ, ни въ одномъ иностранномъ языкѣ нѣтъ этого ять, а въ Россіи есть... Для чего онъ, спрашивается? Напиши ты хлѣбъ съ ятемъ или безъ ятя, нешто не все равно?

— Богъ знаетъ, что̀ вы говорите, Илья Мартынычъ!— обижается Пимфовъ.—Какъ же это можно хлѣбъ черезъ *е* писать? Такое говорятъ, что слушать даже непріятно.

Пимфовъ вышиваетъ рюмку и, обиженно моргая глазами, отворачиваетъ лицо въ сторону.

— Да и сѣкли же меня за этотъ ять!—продолжаетъ Яшкинъ. — Помню это, вызываетъ меня разъ учитель къ черной доскѣ и диктуетъ: «Лѣкарь уѣхалъ въ городъ». Я взялъ и написалъ *лѣкарь* съ *е*. Выпоролъ. Черезъ недѣлю опять къ доскѣ, опять пиши: «Лѣкарь уѣхалъ въ городъ». Пишу на этотъ разъ съ ятемъ. Опять пороть. За что же, Иванъ Ѳомичъ? Помилуйте, сами же вы говорили, что тутъ ять нужно! «Тогда, говоритъ, я заблуждался, прочитавъ же вчера

сочиненіе нѣкоего академика о ять въ словѣ *лѣкарь*, соглашаюсь съ академіей наукъ. Порю же я тебя по долгу присяги»... Ну, и поролъ. Да и у моего Васютки всегда ухо вспухши отъ этого ять... Будь я министромъ, запретилъ бы я вашему брату ятемъ людей морочить.

— Прощайте, — вздыхаетъ Пимфовъ, моргая глазами и надѣвая сюртукъ.—Не могу я слышать, ежели про науки...

— Ну, ну, ну... ужъ и обидѣлся! — говоритъ Яшкинъ, хватая Пимфова за рукавъ.—Я вѣдь это такъ, для разговора только... Ну, сядемъ, выпьемъ!

Оскорбленный Пимфовъ садится, выпиваетъ и отворачиваетъ лицо въ сторону. Наступаетъ тишина. Мимо пьющихъ кухарка Ѳеона проноситъ лохань съ помоями. Слышится помойный плескъ и визгъ облитой собаки. Безжизненное лицо Пимфова раскисаетъ еще больше; вотъ-вотъ растаетъ отъ жары и потечетъ внизъ на жилетку. На лбу Яшкина собираются морщинки. Онъ сосредоточенно глядитъ на мочалистую говядину и думаетъ... Подходитъ къ столу инвалидъ, угрюмо косится на графинъ и, увидѣвъ, что онъ пустъ, приноситъ новую порцію... Еще выпиваютъ.

— Да-съ!—говоритъ вдругъ Яшкинъ.

Пимфовъ вздрагиваетъ и съ испугомъ глядитъ на Яшкина. Онъ ждетъ отъ него новыхъ ересей.

— Да-съ!—повторяетъ Яшкинъ, задумчиво глядя на графинъ.—По моему мнѣнію, и наукъ много лишнихъ!

— То-есть, какъ же это-съ? — тихо спрашиваетъ Пимфовъ.—Какія науки вы находите лишними?

— Всякія... Чѣмъ больше наукъ знаетъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ мечтаетъ о себѣ. Гордости больше... Я бы перевѣшалъ всѣ эти... науки... Ну, ну... ужъ и обидѣлся! Экій какой, ей-Богу, обидчивый, слова сказать нельзя! Сядемъ, выпьемъ!

Подходитъ Ѳеона и, сердито тыкая въ стороны своими пухлыми локтями, ставитъ передъ пріятелями зеленыя

щи въ мискѣ. Начинается громкое хлебаніе и чавканье. Словно изъ земли вырастаютъ три собаки и кошка. Онѣ стоятъ передъ столомъ и умильно поглядываютъ на жующіе рты. За щами слѣдуетъ молочная каша, которую Ѳеона ставитъ съ такой злобой, что со стола сыплются ложки и корки. Передъ кашей пріятели молча выпиваютъ.

— Все на этомъ свѣтѣ лишнее! — замѣчаетъ вдругъ Яшкинъ.

Пимфовъ роняетъ на колѣни ложку, испуганно глядитъ на Яшкина, хочетъ протестовать, но языкъ ослабѣлъ отъ хмеля и запутался въ густой кашѣ... Вмѣсто обычнаго «то-есть, какъ же это-съ?» получается одно только мычаніе.

— Все лишнее... — продолжаетъ Яшкинъ. — И науки, и люди... и тюремныя заведенія, и мухи... и каша... И вы лишній... Хоть вы и хорошій человѣкъ, и въ Бога вѣруете, но и вы лишній...

— Прощайте, Илья Мартынычъ! — лепечетъ Пимфовъ, силясь надѣть сюртукъ и никакъ не попадая въ рукава.

— Сейчасъ вотъ мы натрескались, налопались,—а для чего это? Такъ... Все это лишнее... Ѣдимъ, и сами не знаемъ, для чего... Ну, ну... ужъ и обидѣлся! Я вѣдь это такъ только... для разговора! И куда вамъ идти? Посидимъ, потолкуемъ... выпьемъ!

Наступаетъ тишина, изрѣдка только прерываемая звяканьемъ рюмокъ, да пьянымъ покрякиваньемъ... Солнце начинаетъ уже клониться къ западу, и тѣнь липы все растетъ и растетъ. Приходитъ Ѳеона и, фыркая, рѣзко махая руками, разстилаетъ около стола коврикъ. Пріятели молча выпиваютъ по послѣдней, располагаются на коврѣ и, повернувшись другъ къ другу спинами, начинаютъ засыпать...

«Слава Богу,—думаетъ Пимфовъ,—сегодня не дошелъ до сотворенія міра и іерархіи, а то бы волосы дыбомъ, хоть святыхъ выноси...»

ДОЧЬ АЛЬБІОНА.

Къ дому помѣщика Грябова подкатила прекрасная коляска съ каучуковыми шинами, толстымъ кучеромъ и бархатнымъ сидѣньемъ. Изъ коляски выскочилъ уѣздный предводитель дворянства Ѳедоръ Андреичъ Отцовъ. Въ передней встрѣтилъ его сонный лакей.

— Господа дома?—спросилъ предводитель.

— Никакъ нѣтъ-съ. Барыня съ дѣтями въ гости поѣхали, а баринъ съ мамзелью-гувернанткой рыбу ловятъ-съ. Съ самаго утра-съ.

Отцовъ постоялъ, подумалъ и пошелъ къ рѣкѣ искать Грябова. Нашелъ онъ его версты за двѣ отъ дома, подойдя къ рѣкѣ. Поглядѣвъ внизъ съ крутого берега и увидѣвъ Грябова, Отцовъ прыснулъ... Грябовъ, большой, толстый человѣкъ съ очень большой головой, сидѣлъ на песочкѣ, поджавъ подъ себя по-турецки ноги, и удилъ. Шляпа у него была на затылкѣ, галстукъ сползъ на бокъ. Возлѣ него стояла высокая, тонкая англичанка съ выпуклыми рачьими глазами и большимъ птичьимъ носомъ, похожимъ скорѣй на крючокъ, чѣмъ на носъ. Одѣта она была въ бѣлое кисейное платье, сквозь которое сильно просвѣчивали тощія, желтыя плечи. На золотомъ поясѣ висѣли золотые часики. Она тоже удила. Вокругъ обоихъ царила гробовая тишина. Оба

были неподвижны, какъ рѣка, на которой плавали ихъ поплавки.

— Охота смертная, да участь горькая! — засмѣялся Отцовъ.—Здравствуй, Иванъ Кузьмичъ!

— А... это ты? — спросилъ Грябовъ, не отрывая глазъ отъ воды.—Пріѣхалъ?

— Какъ видишь... А ты все еще своей ерундой занимаешься! Не отвыкъ еще?

— Кой чортъ... Весь день ловлю, съ утра... Плохо что-то сегодня ловится. Ничего не поймалъ ни я, ни эта кикимора. Сидимъ, сидимъ и хоть бы одинъ чортъ! Просто хоть караулъ кричи.

— А ты наплюй. Пойдемъ водку пить!

— Постой... Можетъ-быть, что-нибудь да поймаемъ. Подъ вечеръ рыба клюетъ лучше... Сижу, братъ, здѣсь съ самаго утра! Такая скучища, что и выразить тебѣ не могу. Дернулъ же меня чортъ привыкнуть къ этой ловлѣ! Знаю, что чепуха, а сижу! Сижу, какъ подлецъ какой-нибудь, какъ каторжный, и на воду гляжу, какъ дуракъ какой-нибудь! На покосъ надо ѣхать, а я рыбу ловлю. Вчера въ Ханоньевѣ преосвященный служилъ, а я не поѣхалъ, здѣсь просидѣлъ вотъ съ этой стерлядью... съ чертовкой съ этой...

— Но... ты съ ума сошелъ? — спросилъ Отцовъ, конфузливо косясь на англичанку. — Бранишься при дамѣ... и ее же...

— Да чортъ съ ней! Все одно, ни бельмеса по-русски не смыслитъ. Ты ее хоть хвали, хоть брани—ей все равно! Ты на носъ посмотри! Отъ одного носа въ обморокъ упадешь! Сидимъ по цѣлымъ днямъ вмѣстѣ, и хоть бы одно слово! Стоитъ, какъ чучело, и бѣльмы на воду таращитъ.

Англичанка зѣвнула, перемѣнила червячка и закинула удочку.

— Удивляюсь, братъ, я не мало!—продолжалъ Грябовъ.— Живетъ дурища въ Россіи десять лѣтъ, и хоть бы одно

слово по-русски!.. Нашъ какой-нибудь аристократишка поѣдетъ къ нимъ и живо по-ихнему брехать научится, а они... чортъ ихъ знаетъ! Ты посмотри на носъ! На носъ ты посмотри!

— Ну, перестань... Неловко... Что напалъ на женщину?

— Она не женщина, а дѣвица... О женихахъ, небось, мечтаетъ, чортова кукла. И пахнетъ отъ нея какою-то гнилью... Возненавидѣлъ, братъ, ее! Видѣть равнодушно не могу! Какъ взглянетъ на меня своими глазищами, такъ меня и покоробитъ всего, словно я локтемъ о перила ударился. Тоже любитъ рыбу ловить. Погляди: ловитъ и священнодѣйствуетъ! Съ презрѣніемъ на все смотритъ... Стоитъ, каналья, и сознаетъ, что она человѣкъ и что, стало-быть, она царь природы. А знаешь, какъ ее зовутъ? Уилька Чарльзовна Тфайсъ! Тьфу!.. и не выговоришь!

Англичанка, услышавъ свое имя, медленно повела носъ въ сторону Грябова и измѣрила его презрительнымъ взглядомъ. Съ Грябова подняла она глаза на Отцова и его облила презрѣніемъ. И все это молча, важно и медленно.

— Видалъ? — спросилъ Грябовъ, хохоча. — Нате, молъ, вамъ! Ахъ ты, кикимора! Для дѣтей только и держу этого тритона. Не будь дѣтей, я бы ее и за десять верстъ къ своему имѣнію не подпустилъ... Носъ точно у ястреба... А талія? Эта кукла напоминаетъ мнѣ длинный гвоздь. Такъ знаешь, взялъ бы и въ землю вбилъ. Постой... У меня, кажется, клюетъ...

Грябовъ вскочилъ и поднялъ удилище. Леска натянулась... Грябовъ дернулъ еще разъ и не вытащилъ крючка.

— Зацѣпилась!—сказалъ онъ и поморщился.—За камень, должно быть... Чортъ возьми...

На лицѣ у Грябова выразилось страданіе. Вздыхая, безпокойно двигаясь и бормоча проклятья, онъ началъ дергать за лесу. Дерганье ни къ чему не привело. Грябовъ поблѣднѣлъ.

— Экая жалость! Въ воду лѣзть надо.

— Да ты брось!

— Нельзя... Подъ вечеръ хорошо ловится... Вѣдь этакая комиссія, прости Господи! Придется лѣзть въ воду. Придется! А если бы ты зналъ, какъ мнѣ не хочется раздѣваться! Англичанку-то турнуть надо... При ней неловко раздѣваться. Все-таки, вѣдь, дама!

Грябовъ сбросилъ шляпу и галстукъ.

— Миссъ... эээ...—обратился онъ къ англичанкѣ.—Миссъ Тфайсъ! Же ву при... Ну, какъ ей сказать? Ну, какъ тебѣ сказать, чтобы ты поняла? Послушайте... туда! Туда уходите! Слышишь?

Миссъ Тфайсъ облила Грябова презрѣніемъ и издала носовой звукъ.

— Что-съ? Не понимаете? Ступай, тебѣ говорятъ, отсюда! Мнѣ раздѣваться нужно, чортова кукла! Туда ступай! Туда!

Грябовъ дернулъ миссъ за рукавъ, указалъ ей на кусты и присѣлъ: ступай, молъ, за кусты и спрячься тамъ... Англичанка, энергически двигая бровями, быстро проговорила длинную англійскую фразу. Помѣщики прыснули.

— Первый разъ въ жизни ея голосъ слышу... Нечего сказать, голосокъ! Не понимаетъ! Ну, что мнѣ дѣлать съ ней?

— Плюнь! Пойдемъ водки выпьемъ!

— Нельзя, теперь ловиться должно... Вечеръ... Ну, что ты прикажешь дѣлать? Вотъ комиссія! Придется при ней раздѣваться...

Грябовъ сбросилъ сюртукъ и жилетъ и сѣлъ на песокъ снимать сапоги.

— Послушай, Иванъ Кузьмичъ, — сказалъ предводитель, хохоча въ кулакъ.—Это ужъ, другъ мой, глумленіе, издѣвательство.

— Ее никто не проситъ не понимать! Это наука имъ, иностранцамъ!

Грябовъ снялъ сапоги, панталоны, сбросилъ съ себя бѣлье и очутился въ костюмѣ Адама. Отцовъ ухватился за животъ. Онъ покраснѣлъ и отъ смѣха, и отъ конфуза. Англичанка задвигала бровями и замигала глазами... По желтому лицу ея пробѣжала надменная, презрительная улыбка.

— Надо остынуть, — сказалъ Грябовъ, хлопая себя по бедрамъ.—Скажи на милость, Ѳедоръ Андреичъ, отчего это у меня каждое лѣто сыпь на груди бываетъ?

— Да полѣзай скорѣй въ воду или прикройся чѣмъ-нибудь! Скотина!

— И хоть бы сконфузилась, подлая!—сказалъ Грябовъ, полѣзая въ воду и крестясь. — Брр... холодная вода... Посмотри, какъ бровями двигаетъ! Не уходитъ... Выше толпы стоитъ! Хе-хе-хе... И за людей насъ не считаетъ!

Войдя по-колѣна въ воду и вытянувшись во весь свой громадный ростъ, онъ мигнулъ глазомъ и сказалъ:

— Это, братъ, ей не Англія!

Миссъ Тфайсъ хладнокровно перемѣнила червячка, зѣвнула и закинула удочку. Отцовъ отвернулся. Грябовъ отцѣпилъ крючокъ, окунулся и съ сопѣньемъ вылѣзъ изъ воды. Черезъ двѣ минуты онъ сидѣлъ уже на песочкѣ и опять удилъ рыбу.

НА ЧУЖБИНѢ.

Воскресный полдень. Помѣщикъ Камышевъ сидитъ у себя въ столовой за роскошно сервированнымъ столомъ и медленно завтракаетъ. Съ нимъ раздѣляетъ трапезу чистенькій, гладко-выбритый старикъ французикъ m-r Шампунь. Этотъ Шампунь былъ когда-то у Камышева гувернеромъ, училъ его дѣтей манерамъ, хорошему произношенію и танцамъ, потомъ же, когда дѣти Камышева выросли и стали поручиками, Шампунь остался чѣмъ-то въ родѣ бонны мужского пола. Обязанности бывшаго гувернера не сложны. Онъ долженъ прилично одѣваться, пахнуть духами, выслушивать праздную болтовню Камышева, ѣсть, пить, спать— и больше, кажется, ничего. За это онъ получаетъ столъ, комнату и неопредѣленное жалованье.

Камышевъ ѣстъ и, по обыкновенію, празднословитъ.

— Смерть!—говоритъ онъ, вытирая слезы, выступившія послѣ куска ветчины, густо вымазаннаго горчицей. — Уфъ! Въ голову и во всѣ суставы ударило. А вотъ отъ вашей французской горчицы не будетъ этого, хоть всю банку съѣшь.

— Кто любитъ французскую, а кто русскую...—кротко заявляетъ Шампунь.

— Никто не любитъ французской, развѣ только одни

французы. А французу что ни подай — все съѣстъ: и лягушку, и крысу, и таракановъ... брр! Вамъ, напримѣръ, эта ветчина не нравится, потому что она русская, а подай вамъ жареное стекло и скажи, что оно французское, вы станете ѣсть и причмокивать... По-вашему, все русское скверно.

— Я этого не говорю.

— Все русское скверно, а французское—о, сэ трэ жоли! По-вашему, лучше и страны нѣтъ, какъ Франція, а, по-моему... ну, что такое Франція, говоря по совѣсти? Кусочекъ земли! Пошли туда нашего исправника, такъ онъ черезъ мѣсяцъ же перевода запроситъ: повернуться негдѣ! Вашу Францію всю въ одинъ день объѣздить можно, а у насъ выйдешь за ворота — конца краю - не видно! Ѣдешь, ѣдешь...

— Да, monsieur, Россія громадная страна.

— То-то вотъ и есть! По-вашему, лучше французовъ и людей нѣтъ. Ученый, умный народъ! Цивилизація! Согласенъ, французы всѣ ученые, манерные... это вѣрно... Французъ никогда не позволитъ себѣ невѣжества: во-время дамѣ стулъ подастъ, раковъ не станетъ ѣсть вилкой, не плюнетъ на полъ, но... нѣтъ того духу! Духу того въ немъ нѣтъ! Я не могу только вамъ объяснить, но, какъ бы это выразиться, во французѣ не хватаетъ чего-то такого этакого... (говорящій шевелитъ пальцами) чего-то такого... юридическаго. Я помню, читалъ гдѣ-то, что у васъ у всѣхъ умъ пріобрѣтенный, изъ книгъ, а у насъ умъ врожденный. Если русскаго обучить, какъ слѣдуетъ, наукамъ, то никакой вашъ профессоръ не сравняется.

— Можетъ быть...—какъ бы нехотя говоритъ Шампунь.

— Нѣтъ, не можетъ быть, а вѣрно! Нечего морщиться, правду говорю! Русскій умъ—изобрѣтательный умъ! Только, конечно, ходу ему не даютъ, да и хвастать онъ не умѣетъ... Изобрѣтетъ что-нибудь и поломаетъ, или же дѣтишкамъ

отдастъ поиграть, а вашъ французъ изобрѣтетъ какую-нибудь чепуху и на весь свѣтъ кричитъ. Намедни кучеръ Іона сдѣлалъ изъ дерева человѣчка: дернешь этого человѣчка за ниточку, а онъ и сдѣлаетъ непристойность. Однакоже, Іона не хвастаетъ. Вообще... не нравятся мнѣ французы! Я про васъ не говорю, а вообще... Безнравственный народъ! Наружностью словно какъ бы и на людей походятъ, а живутъ какъ собаки... Взять хоть, напримѣръ, бракъ. У насъ коли женился, такъ прилѣпись къ женѣ и никакихъ разговоровъ, а у васъ чортъ знаетъ что. Мужъ цѣлый день въ кафе сидитъ, а жена напуститъ полный домъ французовъ и давай съ ними канканировать.

— Это неправда! — не выдерживаетъ Шампунь, вспыхивая. — Во Франціи семейный принципъ стоитъ очень высоко!

— Знаемъ мы этотъ принципъ! А вамъ стыдно защищать. Надо безпристрастно: свиньи, такъ и есть свиньи... Спасибо нѣмцамъ за то, что побили... Ей-Богу, спасибо. Дай Богъ имъ здоровья...

— Въ такомъ случаѣ, monsieur, я не понимаю,—говоритъ французъ, вскакивая и сверкая глазами, — если вы ненавидите французовъ, то зачѣмъ вы меня держите?

— Куда же мнѣ васъ дѣвать?

— Отпустите меня, и я уѣду во Францію!

— Что-о-о? Да нешто васъ пустятъ теперь во Францію? Вѣдь вы измѣнникъ своему отечеству! То у васъ Наполеонъ великій человѣкъ, то Гамбетта... самъ чортъ васъ не разберетъ!

— Monsieur!—говоритъ по-французски Шампунь, брызжа и комкая въ рукахъ салфетку.—Выше оскорбленія, которое вы нанесли сейчасъ моему чувству, не могъ бы придумать и врагъ мой! Все кончено!!

И сдѣлавъ рукой трагическій жестъ, французъ манерно бросаетъ на столъ салфетку и съ достоинствомъ выходитъ.

Часа черезъ три на столѣ перемѣняется сервировка и прислуга подаетъ обѣдъ. Камышевъ садится за обѣдъ одинъ. Послѣ предобѣденной рюмки у него является жажда празднословія. Поболтать хочется, а слушателя нѣтъ...

— Что дѣлаетъ Альфонсъ Людовиковичъ?—спрашиваетъ онъ лакея.

— Чемоданъ укладываютъ-съ.

— Экая дуррында, прости Господи!.. — говоритъ Камышевъ и идетъ къ французу.

Шампунь сидитъ у себя на полу среди комнаты и дрожащими руками укладываетъ въ чемоданъ бѣлье, флаконы изъ-подъ духовъ, молитвенники, помочи, галстуки... Вся его приличная фигура, чемоданъ, кровать и столъ такъ и дышатъ изяществомъ и женственностью. Изъ его большихъ голубыхъ глазъ капаютъ въ чемоданъ крупныя слезы.

— Куда же это вы?—спрашиваетъ Камышевъ, постоявъ немного.

Французъ молчитъ.

— Уѣзжать хотите?—продолжаетъ Камышевъ.—Что жъ, какъ знаете... Не смѣю удерживать... Только вотъ что странно: какъ это вы безъ паспорта поѣдете? Удивляюсь! Вы знаете, я вѣдь потерялъ вашъ паспортъ. Сунулъ его куда-то между бумагъ, онъ и потерялся... А у насъ насчетъ паспортовъ строго. Не успѣете и пяти верстъ проѣхать, какъ васъ сцарапаютъ.

Шампунь поднимаетъ голову и недовѣрчиво глядитъ на Камышева.

— Да... Вотъ увидите! Замѣтятъ по лицу, что вы безъ паспорта, и сейчасъ: кто таковъ? Альфонсъ Шампунь! Знаемъ мы этихъ Альфонсовъ Шампуней! А не угодно ли вамъ по этапу въ не столь отдаленныя!

— Вы это шутите?

— Съ какой стати мнѣ шутить! Очень мнѣ нужно! Только смотрите, условіе: не извольте потомъ хныкать и письма

писать. И пальцемъ не пошевельну, когда васъ мимо въ кандалахъ проведутъ!

Шампунь вскакиваетъ и, блѣдный, широкоглазый, начинаетъ шагать по комнатѣ.

— Что вы со мной дѣлаете?!—говоритъ онъ, въ отчаяніи хватая себя за голову.—Боже мой! О, будь проклятъ тотъ часъ, когда мнѣ пришла въ голову пагубная мысль оставить отечество!

— Ну, ну, ну... я пошутилъ!—говоритъ Камышевъ, понизивъ тонъ.—Чудакъ какой, шутокъ не понимаетъ! Слова сказать нельзя!

— Дорогой мой! — взвизгиваетъ Шампунь, успокоенный тономъ Камышева.—Клянусь вамъ, я привязанъ къ Россіи, къ вамъ и къ вашимъ дѣтямъ... Оставить васъ для меня такъ же тяжело, какъ умереть! Но каждое ваше слово рѣжетъ мнѣ сердце!

— Ахъ, чудакъ! Если я французовъ ругаю, такъ вамъ-то съ какой стати обижаться? Мало ли кого мы ругаемъ, такъ всѣмъ и обижаться? Чудакъ, право! Берите примѣръ вотъ съ Лазаря Исакича, арендатора... Я его и такъ, и этакъ, и жидомъ, и пархомъ, и свинячье ухо изъ полы дѣлаю, и за пейсы хватаю... не обижается же!

— Но то вѣдь рабъ! Изъ-за копейки онъ готовъ на всякую низость!

— Ну, ну, ну... будетъ! Пойдемъ обѣдать! Миръ и согласіе!

Шампунь пудритъ свое заплаканное лицо и идетъ съ Камышевымъ въ столовую. Первое блюдо съѣдается молча, послѣ второго начинается та же исторія, и такимъ образомъ страданія Шампуня не имѣютъ конца.

КУХАРКА ЖЕНИТСЯ.

Гриша, маленькій, семилѣтній карапузикъ, стоялъ около кухонной двери, подслушивалъ и заглядывалъ въ замочную скважину. Въ кухнѣ происходило нѣчто, по его мнѣнію, необыкновенное, доселѣ не виданное. За кухоннымъ столомъ, на которомъ обыкновенно рубятъ мясо и крошатъ лукъ, сидѣлъ большой, плотный мужикъ въ извозчичьемъ кафтанѣ, рыжій, бородатый, съ большой каплей пота на носу. Онъ держалъ на пяти пальцахъ правой руки блюдечко и пилъ чай, причемъ такъ громко кусалъ сахаръ, что Гришину спину подиралъ морозъ. Противъ него на грязномъ табуретѣ сидѣла старуха нянька Аксинья Степановна и тоже пила чай. Лицо у няньки было серьезно и въ то же время сіяло какимъ-то торжествомъ. Кухарка Пелагея возилась около печки и видимо старалась спрятать куда-нибудь подальше свое лицо. А на ея лицѣ Гриша видѣлъ цѣлую иллюминацію: оно горѣло и переливало всѣми цвѣтами, начиная съ краснобагроваго и кончая смертельно-блѣднымъ. Она, не переставая, хваталась дрожащими руками за ножи, вилки, дрова, тряпки, двигалась, ворчала, стучала, но въ сущности ничего не дѣлала. На столъ, за которымъ пили чай, она ни разу не взглянула, а на вопросы, задаваемые нянькой, отвѣчала отрывисто, сурово, не поворачивая лица.

— Кушайте, Данило Семенычъ!—угощала нянька извозчика.—Да что вы все чай, да чай? Вы бы водочки выкушали!

И нянька придвигала къ гостю сороковушку и рюмку, причемъ лицо ея принимало ехиднѣйшее выраженіе.

— Не потребляю-съ... нѣтъ-съ...—отнѣкивался извозчикъ.— Не невольте, Аксинья Степановна.

— Какой же вы... Извозчики, а не пьете... Холостому человѣку невозможно, чтобъ не пить. Выкушайте!

Извозчикъ косился на водку, потомъ на ехидное лицо няньки, и лицо его самого принимало не менѣе ехидное выраженіе: нѣтъ, молъ, не поймаешь, старая вѣдьма!

— Не пью-съ, увольте-съ... При нашемъ дѣлѣ не годится это малодушество. Мастеровой человѣкъ можетъ пить, потому онъ на одномъ мѣстѣ сидитъ, нашъ же братъ завсегда на виду въ публикѣ. Не такъ ли-съ? Пойдешь въ кабакъ, а тутъ лошадь ушла; напьешься ежели—еще хуже: того и гляди, уснешь, или съ козелъ свалишься. Дѣло такое.

— А вы сколько въ день выручаете, Данило Семенычъ?

— Какой день. Въ иной день на зелененькую выѣздишь, а въ другой разъ такъ и безъ гроша ко двору поѣдешь. Дни разные бываютъ-съ. Нониче наше дѣло совсѣмъ ничего не стоитъ. Извозчиковъ, сами знаете, хоть прудъ пруди, сѣно дорогое, а сѣдокъ пустяковый, норовитъ все на конкѣ проѣхать. А все жъ, благодарить Бога, не на что жалиться. И сыты, и одѣты, и... можемъ даже другого кого осчастливить... (извозчикъ покосился на Пелагею)... ежели имъ по сердцу.

Что дальше говорилось, Гриша не слышалъ. Подошла къ двери мамаша и послала его въ дѣтскую учиться.

— Ступай учиться. Не твое дѣло тутъ слушать!

Придя къ себѣ въ дѣтскую, Гриша положилъ передъ собой «Родное Слово», но ему не читалось. Все только-что

видѣнное и слышанное вызвало въ его головѣ массу вопросовъ.

«Кухарка женится... думалъ онъ.—Странно. Не понимаю, зачѣмъ это жениться? Мамаша женилась на папашѣ, кузина Вѣрочка—на Павлѣ Андреичѣ. Но на папѣ и Павлѣ Андреичѣ, такъ и быть ужъ, можно жениться: у нихъ есть золотыя цѣпочки, хорошіе костюмы, у нихъ всегда сапоги вычищенные; но жениться на этомъ страшномъ извозчикѣ съ краснымъ носомъ, въ валенкахъ... фи! И почему это нянькѣ хочется, чтобъ бѣдная Пелагея женилась?»

Когда изъ кухни ушелъ гость, Пелагея явилась въ комнаты и занялась уборкой. Волненіе еще не оставило ея. Лицо ея было красно и словно испуганно. Она едва касалась вѣникомъ пола и по пяти разъ мела каждый уголъ. Долго она не выходила изъ той комнаты, гдѣ сидѣла мамаша. Ее, очевидно, тяготило одиночество и ей хотѣлось высказаться, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь впечатлѣніями, излить душу.

— Ушелъ!—проворчала она, видя, что мамаша не начинаетъ разговора.

— А онъ, замѣтно, хорошій человѣкъ, сказала мамаша, не отрывая глазъ отъ вышиванья. — Трезвый такой, степенный.

— Ей-Богу, барыня, не выйду!—крикнула вдругъ Пелагея, вся вспыхнувъ.—Ей-Богу не выйду!

— Ты не дури, не маленькая. Это шагъ серьезный, нужно обдумать хорошенько, а такъ, зря, нечего кричать. Онъ тебѣ нравится?

— Выдумываете, барыня!—застыдилась Пелагея.—Такое скажутъ, что... ей-Богу...

«Сказала бы: не нравится!»—подумалъ Гриша.

— Какая ты, однако, ломака... Нравится?

— Да онъ, барыня, старый! Гы-ы!

— Выдумывай еще!—окрысилась на Пелагею изъ другой

комнаты нянька. — Сорока годовъ еще не исполнилось. Да на что тебѣ молодой? Съ лица, дура, воды не пить... Выходи, вотъ и все!

— Ей-Богу, не выйду!—взвизгнула Пелагея.

— Блажишь! Какого лѣшаго тебѣ еще нужно? Другая бы въ ножки поклонилась, а ты — не выйду! Тебѣ бы все съ почтальонами да лепетиторами перемигиваться! Къ Гришенькѣ лепетиторъ ходитъ, барыня, такъ она объ него всѣ свои глазищи обмозолила. У, безстыжая!

— Ты этого Данилу раньше видала? — спросила барыня Пелагею.

— Гдѣ мнѣ его видѣть? Первый разъ сегодня вижу, Аксинья откуда-то привела... чорта окаяннаго... И откуда онъ взялся на мою голову!

За обѣдомъ, когда Пелагея подавала кушанья, всѣ обѣдающіе засматривали ей въ лицо и дразнили ее извозчикомъ. Она страшно краснѣла и принужденно хихикала.

«Должно быть, совѣстно жениться... думалъ Гриша. — Ужасно совѣстно!»

Всѣ кушанья были пересолены, изъ недожаренныхъ цыплятъ сочилась кровь и, въ довершеніе всего, во время обѣда изъ рукъ Пелагеи сыпались тарелки и ножи, какъ съ похилившейся полки, но никто не сказалъ ей ни слова упрека, такъ какъ всѣ понимали состояніе ея духа. Разъ только папаша съ сердцемъ швырнулъ салфетку и сказалъ мамашѣ:

— Что у тебя за охота всѣхъ женить да замужъ выдавать! Какое тебѣ дѣло? Пусть сами женятся, какъ хотятъ.

Послѣ обѣда въ кухнѣ замелькали сосѣдскія кухарки и горничныя, и до самаго вечера слышалось шушуканье. Откуда онѣ пронюхали о сватовствѣ — Богъ вѣсть. Проснувшись въ полночь, Гриша слышалъ, какъ въ дѣтской за занавѣской шушукались нянька и кухарка. Нянька убѣждала, а кухарка то всхлипывала, то хихикала. Заснувши послѣ

этого, Гриша видѣлъ во снѣ похищеніе Пелагеи Черноморомъ и вѣдьмой...

Съ другого дня наступило затишье. Кухонная жизнь пошла своимъ чередомъ, словно извозчика и на свѣтѣ не было. Изрѣдка только нянька одѣвалась въ новую шаль, принимала торжественно-суровое выраженіе и уходила куда-то часа на два, очевидно для переговоровъ... Пелагея съ извозчикомъ не видалась, и когда ей напоминали о немъ, она вспыхивала и кричала:

— Да будь онъ трижды проклятъ, чтобъ я о немъ думала! Тьфу!

Однажды вечеромъ въ кухню, когда тамъ Пелагея и нянька что-то усердно кроили, вошла мамаша и сказала:

— Выходить за него ты, конечно, можешь, твое это дѣло, но, Пелагея, знай, что онъ не можетъ здѣсь жить... Ты знаешь, я не люблю, если кто въ кухнѣ сидитъ. Смотри же, помни... И тебя я не буду отпускать на ночь.

— И Богъ знаетъ, что выдумываете, барыня!—взвизгнула кухарка. — Да что вы меня имъ попрекаете? Пущай онъ сбѣсится! Вотъ еще навязался на мою голову, чтобъ ему...

Заглянувъ въ одно воскресное утро въ кухню, Гриша замеръ отъ удивленія. Кухня биткомъ была набита народомъ. Тутъ были кухарки со всего двора, дворникъ, два городовыхъ, унтеръ съ нашивками, мальчикъ Филька... Этотъ Филька обыкновенно трется около прачешной и играетъ съ собаками, теперь же онъ былъ причесанъ, умытъ и держалъ икону въ фольговой ризѣ. Посреди кухни стояла Пелагея въ новомъ ситцевомъ платьѣ и съ цвѣткомъ на головѣ. Рядомъ съ нею стоялъ извозчикъ. Оба молодые были красны, потны и усиленно моргали глазами

— Ну-съ... кажись, время... началъ унтеръ послѣ долгаго молчанія.

Пелагея заморгала всѣмъ лицомъ и заревѣла... Унтеръ взялъ со стола большой хлѣбъ, сталъ рядомъ съ нянькой и

началъ благословлять. Извозчикъ подошелъ къ унтеру, бухнулъ передъ нимъ поклонъ и чмокнулъ его въ руку. То же самое сдѣлалъ онъ и передъ Аксиньей. Пелагея машинально слѣдовала за нимъ и тоже бухала поклоны. Наконецъ, отворилась наружная дверь, въ кухню пахнулъ бѣлый туманъ и вся публика съ шумомъ двинулась изъ кухни на дворъ.

«Бѣдная, бѣдная! — думалъ Гриша, прислушиваясь къ рыданьямъ кухарки.—Куда ее повели? Отчего папа и мама не заступятся?»

Послѣ вѣнца до самаго вечера въ прачешной пѣли и играли на гармоникѣ. Мамаша все время сердилась, что отъ няньки пахнетъ водкой и что изъ-за этихъ свадебъ некому поставить самоваръ. Когда Гриша ложился спать, Пелагея еще не возвращалась.

«Бѣдная, плачетъ теперь гдѣ-нибудь въ потемкахъ! — думалъ онъ.—А извозчикъ на нее: цыцъ! цыцъ!»

На другой день утромъ кухарка была уже въ кухнѣ. Заходилъ на минуту извозчикъ. Онъ поблагодарилъ мамашу и, взглянувъ сурово на Пелагею, сказалъ:

— Вы же, барыня, поглядывайте за ней. Будьте замѣсто отца-матери. И вы тоже, Аксинья-Степанна, не оставьте, посматривайте, чтобъ все благородно... безъ шалостевъ... А также, барыня, дозвольте рубликовъ пять въ счетъ ейнаго жалованья. Хомутъ надо купить новый.

Опять задача для Гриши: жила Пелагея на волѣ, какъ хотѣла, не отдавая никому отчета, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего явился какой-то чужой, который откуда-то получилъ право на ея поведеніе и собственность! Гришѣ стало горько. Ему страстно, до слезъ захотѣлось приласкать эту, какъ онъ думалъ, жертву человѣческаго насилія. Выбравъ въ кладовой самое большое яблоко, онъ прокрался на кухню, сунулъ его въ руку Пелагеѣ и опрометью бросился назадъ.

ШИЛО ВЪ МѢШКѢ.

На обывательской тройкѣ, проселочными путями, соблюдая строжайшее инкогнито, спѣшилъ Петръ Павловичъ Посудинъ въ уѣздный городишко N., куда вызывало его полученное имъ анонимное письмо.

«Накрыть... Какъ снѣгъ на голову... мечталъ онъ, пряча лицо свое въ воротникъ.—Натворили мерзостей, пакостники, и торжествуютъ, небось, воображаютъ, что концы въ воду спрятали... Ха-ха... Воображаю ихъ ужасъ и удивленіе, когда въ разгаръ торжества послышится: «а подать сюда Тяпкина-Ляпкина!» То-то переполохъ будетъ! Ха-ха...»

Намечтавшись вдоволь, Посудинъ вступилъ въ разговоръ со своимъ возницей. Какъ человѣкъ, алчущій популярности, онъ прежде всего спросилъ о себѣ самомъ:

— А Посудина ты знаешь?

— Какъ не знать! ухмыльнулся возница.—Знаемъ мы его!

— Что же ты смѣешься?

— Чудное дѣло! Каждаго послѣдняго писаря знаешь, а чтобъ Посудина не знать! На то онъ здѣсь и поставленъ, чтобъ его всѣ знали.

— Это такъ... Ну, что? Какъ онъ, по-твоему? Хорошъ?

— Ничего... зѣвнулъ возница.—Господинъ хорошій, знаетъ свое дѣло... Двухъ годовъ еще нѣтъ, какъ его сюда прислали, а ужъ надѣлалъ дѣловъ.

— Что же онъ такое особенное сдѣлалъ?

— Много добра сдѣлалъ, дай Богъ ему здоровья. Желѣзную дорогу выхлопоталъ, Хохрюкова въ нашемъ уѣздѣ увольнилъ... Конца краю не было этому Хохрюкову... Шельма былъ, выжига, всѣ прежніе его руку держали, а пріѣхалъ Посудинъ—и загудѣлъ Хохрюковъ къ чорту, словно его и не было... Во, братъ! Посудина, братъ, не подкупишь, нѣ-ѣтъ! Дай ты ему хоть сто, хоть тыщу, а онъ не станетъ тебѣ пріймать грѣхъ на душу... Нѣ-ѣтъ!

«Славу Богу, хоть съ этой стороны меня поняли,—подумалъ Посудинъ, ликуя.—Это хорошо».

— Образованный господинъ...—продолжалъ возница,—не гордый... Наши ѣздили къ нему жалиться, такъ онъ словно съ господами: всѣхъ за ручку, «вы, садитесь»... Горячій такой, быстрый... Слова тебѣ путемъ не скажетъ, а все—фыркъ! фыркъ! Чтобъ онъ тебѣ шагомъ ходилъ, или какъ—ни Боже мой, а норовитъ все бѣгомъ, все бѣгомъ! Наши ему и слова сказать не успѣли, какъ онъ: «лошадей!!» да прямо сюда... Пріѣхалъ и все обдѣлалъ... ни копейки не взялъ. Куда лучше прежняго! Конечно, и прежній хорошъ былъ. Видный такой, важный, звончѣе его во всей губерніи никто не кричалъ... Бывало, ѣдетъ, такъ за десять верстъ слыхать; но ежели по наружной части, или внутреннимъ дѣламъ, то нынѣшній куда ловчѣе! У нынѣшняго въ головѣ этой самой мозги во сто разъ больше... Одно только горе... Всѣмъ хорошъ человѣкъ, но одна бѣда: пьяница!

«Вотъ такъ клюква!»—подумалъ Посудинъ.

— Откуда же ты знаешь,—спросилъ онъ,—что я... что онъ пьяница?

— Оно, конечно, ваше благородіе, самъ я не видалъ его пьянаго, не стану врать, но люди сказывали. И люди-то его пьянымъ не видали, а слава такая про него ходитъ... При публикѣ, или куда въ гости пойдетъ, на балъ, это, или въ обчество, никогда не пьетъ. Дома хлещетъ... Встанетъ

утромъ, протретъ глаза и первымъ дѣломъ—водки! Камердинъ принесетъ ему стаканъ, а онъ ужъ другого проситъ... Такъ цѣльный день и глушитъ. И скажи ты на милость: пьетъ, и ни въ одномъ глазѣ! Стало-быть, соблюдать себя можетъ. Бывало, какъ нашъ Хохрюковъ запьетъ, такъ не то что люди, даже собаки воютъ. Посудинъ же—хоть бы тебѣ носъ у него покраснѣлъ! Запрется у себя въ кабинетѣ и локаетъ... Чтобъ люди не примѣтили, онъ себѣ въ столѣ ящикъ такой приспособилъ, съ трубочкой. Всегда въ этомъ ящикѣ водка... Нагнешься къ трубочкѣ, пососешь и пьянъ... Въ каретѣ тоже, въ портфелѣ...

«Откуда они знаютъ?» ужаснулся Посудинъ. «Боже мой, даже это извѣстно! Какая мерзость...»

— А вотъ тоже насчетъ женскаго пола... Шельма! (возница засмѣялся и покрутилъ головой). Безобразіе, да и только! Штукъ десять у него этихъ самыхъ... вертефлюхъ... Двѣ у него въ домѣ живутъ... Одна у него, эта Настасья Ивановна, какъ бы замѣсто распорядительши, другая,—какъ ее, чортъ?—Людмила Семеновна на манеръ писарши... Главнѣе всѣхъ Настасья. Эта что захочетъ, онъ все дѣлаетъ... Такъ и вертитъ имъ, словно лиса хвостомъ. Большая власть ей дадена. И его такъ не боятся, какъ ее... Ха-ха... А третья вертуха на Качальной улицѣ живетъ... Срамота!

«Даже по именамъ знаетъ», подумалъ Посудинъ, краснѣя. «И кто же знаетъ? Мужикъ, ямщикъ... который и въ городѣ-то никогда не бывалъ!.. Какая мерзость... гадость... пошлость!»

— Откуда же ты все это знаешь?—спросилъ онъ раздраженнымъ голосомъ.

— Люди сказывали... Самъ я не видалъ, но отъ людей слыхивалъ. Да узнать нешто трудно? Камердину, или кучеру языка не отрѣжешь... Да, чай, и сама Настасья ходитъ по всѣмъ переулкамъ, да счастьемъ своимъ бабьимъ похваляется. Отъ людского глаза не скроешься... Вотъ тоже взялъ манеру этотъ Посудинъ потихоньку на слѣд-

ствія ѣздить... Прежній, бывало, какъ захочетъ куда ѣхать, такъ за мѣсяцъ даетъ знать, а когда ѣдетъ, такъ шуму этого, грому, звону и... не приведи Создатель! И спереди его скачутъ, и сзади скачутъ, и съ боковъ скачутъ. Пріѣдетъ къ мѣсту, выспится, наѣстся, напьется и давай по служебной части глотку драть. Подеретъ глотку, потопочетъ ногами, опять выспится и тѣмъ же порядкомъ назадъ... А нынѣшній, какъ прослышитъ что, норовитъ съѣздить потихоньку, быстро, чтобъ никто не видалъ и не зналъ... Па-атѣха! Выйдетъ непримѣтно изъ дому, чтобъ чиновники не видали, и на машину... Доѣдетъ до какой ему нужно станціи и не то что почтовыхъ, или что поблагороднѣй, а норовитъ мужика нанять. Закутается весь, какъ баба, и всю дорогу хришитъ, какъ старый песъ, чтобъ голоса его не узнали. Просто кишки порвешь со смѣху, когда люди разсказываютъ... Ѣдетъ дурень и думаетъ, что его узнать нельзя. А узнать его, ежели которому понимающему человѣку—тьфу! разъ плюнуть...

— Какъ же его узнаютъ?

— Оченно просто. Прежде, какъ нашъ Хохрюковъ потихоньку ѣздилъ, такъ мы его по тяжелымъ рукамъ узнавали. Ежели сѣдокъ бьетъ по зубамъ, то это, значитъ, и есть Хохрюковъ. А Посудина сразу увидать можно... Простой пассажиръ просто себя и держитъ, а Посудинъ не таковскій, чтобъ простоту соблюдать. Пріѣдетъ, скажемъ, хоть на почтовую станцію, и начнетъ!.. Ему и воняетъ, и душно, и холодно... Ему и цыплятъ подавай, и фрухтовъ, и вареньевъ всякихъ... Такъ на станціяхъ и знаютъ: ежели кто зимой спрашиваетъ цыплятъ и фрухтовъ, то это и есть Посудинъ. Ежели кто говоритъ смотрителю «милѣйшій мой» и гоняетъ народъ за разными пустяками, то и божиться можно, что это Посудинъ. И пахнетъ отъ него не такъ, какъ отъ людей, и ложится спать на свой манеръ... Ляжетъ на станціи на диванѣ, попрыщетъ около себя духами

и велитъ около подушки три свѣчки поставить. Лежитъ и бумаги читаетъ... Ужъ тутъ не то что смотритель, но и кошка разберетъ, что это за человѣкъ такой...

«Правда, правда...» подумалъ Посудинъ. «И какъ я этого раньше не зналъ!»

— А кому есть надобность, то и безъ фрухтовъ, и безъ цыплятъ узнаетъ. По телеграфу все извѣстно... Какъ тамъ ни кутай рыла, какъ ни прячься, а ужъ тутъ знаютъ, что ѣдешь. Ждутъ... Посудинъ еще у себя изъ дому не выходилъ, а тутъ ужъ—сдѣлай одолженіе, все готово! Пріѣдетъ онъ, чтобъ ихъ на мѣстѣ накрыть, подъ судъ отдать, или смѣнить кого, а они надъ нимъ же и посмѣются. Хоть ты, скажутъ, ваше сіятельство, и потихоньку пріѣхалъ, а гляди: у насъ все чисто!.. Онъ повертится, повертится, да съ тѣмъ и уѣдетъ, съ чѣмъ пріѣхалъ... Да еще похвалитъ, руки пожметъ имъ всѣмъ, извиненія за безпокойство попроситъ... Вотъ какъ! А ты думалъ какъ? Хо-хо, ваше благородіе! Народъ тутъ ловкій, ловкачъ на ловкачѣ!.. Глядѣть любо, что за черти! Да вотъ, хоть нынѣшній случай взять... Ѣду я сегодня утромъ порожнемъ, а навстрѣчу со станціи летитъ жидъ буфетчикъ. «Куда, спрашиваю, ваше жидовское благородіе, ѣдешь?» А онъ и говоритъ: «Въ городъ N. вино и закуску везу. Тамъ нынче Посудина ждутъ». Ловко? Посудинъ, можетъ, еще только собирается ѣхать, или кутаетъ лицо, чтобъ его не узнали. Можетъ, ужъ ѣдетъ и думаетъ, что знать никто не знаетъ, что онъ ѣдетъ, а ужъ для него, скажи пожалуйста, готово и вино, и семга, и сыръ, и закуска разная... А? Ѣдетъ онъ и думаетъ: «крышка вамъ, ребята!» а ребятамъ и горя мало! Пущай ѣдетъ! У нихъ давно ужъ все спрятано!

— Назадъ! — прохрипѣлъ Посудинъ. — Поѣзжай назадъ, ссскотина!

И удивленный возница повернулъ назадъ.

ДРАМА.

— Павелъ Васильичъ, тамъ какая-то дама пришла, васъ спрашиваетъ, — доложилъ Лука. — Ужъ цѣлый часъ дожидается...

Павелъ Васильевичъ только-что позавтракалъ. Услыхавъ о дамѣ, онъ поморщился и сказалъ:

— Ну ее къ чорту! Скажи, что я занятъ.

— Она, Павелъ Васильичъ, уже пять разъ приходила. Говоритъ, что очень нужно васъ видѣть... Чуть не плачетъ.

— Гм... Ну, ладно, проси ее въ кабинетъ.

Павелъ Васильевичъ не спѣша надѣлъ сюртукъ, взялъ въ одну руку перо, въ другую—книгу, и, дѣлая видъ, что онъ очень занятъ, пошелъ въ кабинетъ. Тамъ уже ждала его гостья—большая полная дама съ краснымъ, мясистымъ лицомъ и въ очкахъ, на видъ весьма почтенная и одѣтая больше чѣмъ прилично (на ней былъ тюрнюръ съ четырьмя перехватами и высокая шляпка съ рыжей птицей). Увидѣвъ хозяина, она закатила подъ лобъ глаза и сложила молитвенно руки.

— Вы, конечно, не помните меня,—начала она высокимъ мужскимъ теноромъ, замѣтно волнуясь.—Я... я имѣла удо-

вольствіе познакомиться съ вами у Хруцкихъ... Я — Мурашкина...

— А-а-а... мм... Садитесь! Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Видите ли, я... я...—продолжала дама, садясь и еще болѣе волнуясь.—Вы меня не помните... Я—Мурашкина... Видите ли, я большая поклонница вашего таланта и всегда съ наслажденіемъ читаю ваши статьи... Не подумайте, что я льщу,—избави Богъ,—я воздаю только должное... Всегда, всегда васъ читаю! Отчасти я сама не чужда авторства, то-есть, конечно... я не смѣю называть себя писательницей, но... все-таки и моя капля меда есть въ ульѣ... Я напечатала разновременно три дѣтскихъ разсказа,—вы не читали, конечно... много переводила и... и мой покойный братъ работалъ въ «Дѣлѣ».

— Такъ-съ... э-э-э... Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Видите ли... (Мурашкина потупила глаза и зарумянилась). Я знаю вашъ талантъ... ваши взгляды, Павелъ Васильевичъ, и мнѣ хотѣлось бы узнать ваше мнѣніе, или, вѣрнѣе... попросить совѣта. Я, надо вамъ сказать, pardon pour l'expression, разрѣшилась отъ бремени драмой и мнѣ, прежде чѣмъ посылать ее въ цензуру, хотѣлось бы узнать ваше мнѣніе.

Мурашкина нервно, съ выраженіемъ пойманной птицы, порылась у себя въ платьѣ и вытащила большую жирную тетрадищу.

Павелъ Васильевичъ любилъ только свои статьи, чужія же, которыя ему предстояло прочесть или прослушать, производили на него всегда впечатлѣніе пушечнаго жерла, направленнаго ему прямо въ физіономію. Увидѣвъ тетрадь, онъ испугался и поспѣшилъ сказать:

— Хорошо, оставьте... я прочту.

— Павелъ Васильевичъ! — сказала томно Мурашкина, поднимаясь и складывая молитвенно руки. — Я знаю, вы заняты... вамъ каждая минута дорога, и я знаю, вы сей-

часъ въ душѣ посылаете меня къ чорту, но... будьте добры, позвольте мнѣ прочесть вамъ мою драму сейчасъ... Будьте милы!

— Я очень радъ... — замялся Павелъ Васильевичъ, — но, сударыня, я... я занятъ... Мнѣ... мнѣ сейчасъ ѣхать нужно.

— Павелъ Васильевичъ! — простонала барыня, и глаза ея наполнились слезами. — Я жертвы прошу! Я нахальна, я назойлива, но будьте великодушны! Завтра я уѣзжаю въ Казань, и мнѣ сегодня хотѣлось бы знать ваше мнѣніе. Подарите мнѣ полчаса вашего вниманія... только полчаса! Умоляю васъ!

Павелъ Васильевичъ былъ въ душѣ тряпкой и не умѣлъ отказывать. Когда ему стало казаться, что барыня собирается зарыдать и стать на колѣни, онъ сконфузился и забормоталъ растерянно:

— Хорошо-съ, извольте... я послушаю... Полчаса я готовъ.

Мурашкина радостно вскрикнула, сняла шляпку и, усѣвшись, начала читать. Сначала она прочла о томъ, какъ лакей и горничная, убирая роскошную гостиную, длинно говорили о барышнѣ Аннѣ Сергѣевнѣ, которая построила въ селѣ школу и больницу. Горничная, когда лакей вышелъ, произнесла монологъ о томъ, что ученье — свѣтъ, а неученье — тьма; потомъ Мурашкина вернула лакея въ гостиную и заставила его сказать длинный монологъ о баринѣ-генералѣ, который не терпитъ убѣжденій дочери, собирается выдать ее за богатаго камеръ-юнкера и находитъ, что спасеніе народа заключается въ кругломъ невѣжествѣ. Затѣмъ, когда прислуга вышла, явилась сама барышня и заявила зрителю, что она не спала всю ночь и думала о Валентинѣ Ивановичѣ, сынѣ бѣднаго учителя, безвозмездно помогающемъ своему больному отцу. Валентинъ прошелъ всѣ науки, но не вѣруетъ ни въ дружбу, ни въ любовь, не

знаетъ цѣли въ жизни и жаждетъ смерти, а потому ей, барышнѣ, нужно спасти его.

Павелъ Васильевичъ слушалъ и съ тоской вспоминалъ о своемъ диванѣ. Онъ злобно оглядывалъ Мурашкину, чувствовалъ, какъ по его барабаннымъ перепонкамъ стучалъ ея мужской теноръ, ничего не понималъ и думалъ:

«Чортъ тебя принесъ... Очень мнѣ нужно слушать твою чепуху!.. Ну, чѣмъ я виноватъ, что ты драму написала? Господи, а какая тетрадь толстая! Вотъ наказаніе!»

Павелъ Васильевичъ взглянулъ на простѣнокъ, гдѣ висѣлъ портретъ его жены, и вспомнилъ, что жена приказала ему купить и привезти на дачу пять аршинъ тесьмы, фунтъ сыру и зубного порошку.

«Какъ бы мнѣ не потерять образчикъ тесьмы», думалъ онъ. «Куда я его сунулъ? Кажется, въ синемъ пиджакѣ... А подлыя мухи успѣли-таки засыпать многоточіями женинъ портретъ. Надо будетъ приказать Ольгѣ помыть стекло... Читаетъ XII явленіе, значитъ, скоро конецъ перваго дѣйствія. Неужели въ такую жару, да еще при такой корпуленціи, какъ у этой туши, возможно вдохновеніе? Чѣмъ драмы писать, ѣла бы лучше холодную окрошку, да спала бы въ погребѣ...»

— Вы не находите, что этотъ монологъ нѣсколько длиненъ?—спросила вдругъ Мурашкина, поднимая глаза.

Павелъ Васильевичъ не слышалъ монолога. Онъ сконфузился и сказалъ такимъ виноватымъ тономъ, какъ будто не барыня, а онъ самъ написалъ этотъ монологъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нисколько... Очень мило...

Мурашкина просіяла отъ счастья и продолжала читать:

— *Анна.*—Васъ заѣлъ анализъ. Вы слишкомъ рано перестали жить сердцемъ и довѣрились уму.—*Валентинъ.*—Что такое сердце? Это понятіе анатомическое. Какъ условный терминъ того, что называется чувствами, я не признаю его.—*Анна* (смутившись).—А любовь? Неужели и она

есть продуктъ ассоціаціи идей? Скажите откровенно: вы любили когда-нибудь?—*Валентинъ* (съ горечью). — Не будемъ трогать старыхъ, еще не зажившихъ ранъ (пауза). О чемъ вы задумались? — *Анна.* — Мнѣ кажется, что вы несчастливы.

Во время XVI явленія Павелъ Васильевичъ зѣвнулъ и нечаянно издалъ зубами звукъ, какой издаютъ собаки, когда ловятъ мухъ. Онъ испугался этого неприличнаго звука и, чтобы замаскировать его, придалъ своему лицу выраженіе умилительнаго вниманія.

«XVII явленіе... Когда же конецъ?» думалъ онъ. «О, Боже мой! Если эта мука продолжится еще десять минутъ, то я крикну караулъ... Невыносимо!».

Но вотъ, наконецъ, барыня стала читать быстрѣе и громче, возвысила голосъ и прочла: «занавѣсъ».

Павелъ Васильевичъ легко вздохнулъ и собрался подняться, но тотчасъ же Мурашкина перевернула страницу и продолжала читать:

— Дѣйствіе второе. Сцена представляетъ сельскую улицу. Направо школа, налѣво больница. На ступеняхъ послѣдней сидятъ поселяне и поселянки.

— Виноватъ...—перебилъ Павелъ Васильевичъ.—Сколько всѣхъ дѣйствій?

— Пять, — отвѣтила Мурашкина и тотчасъ же, словно боясь, чтобы слушатель не ушелъ, быстро продолжала: — Изъ окна школы глядитъ Валентинъ. Видно, какъ въ глубинѣ сцены поселяне носятъ свои пожитки въ кабакъ.

Какъ приговоренный къ казни и увѣренный въ невозможности помилованія, Павелъ Васильевичъ ужъ не ждалъ конца, ни на что не надѣялся, а только старался, чтобы его глаза не слипались и чтобы съ лица не сходило выраженіе вниманія... Будущее, когда барыня кончитъ драму и уйдетъ, казалось ему такимъ отдаленнымъ, что онъ и не думалъ о немъ.

— Тру-ту-ту-ту...—звучалъ въ его ушахъ голосъ Мурашкиной.—Тру-ту-ту... Жжжж...

«Забылъ я соды принять», думалъ онъ. «О чемъ, бишь, я? Да, о содѣ... У меня, по всей вѣроятности, катарръ желудка... Удивительно: Смирновскій цѣлый день глушитъ водку, и у него до сихъ поръ нѣтъ катарра... На окно какая-то птичка сѣла... Воробей...»

Павелъ Васильевичъ сдѣлалъ усиліе, чтобы разомкнуть напряженныя, слипающіяся вѣки, зѣвнулъ, не раскрывая рта, и поглядѣлъ на Мурашкину. Та затуманилась, закачалась въ его глазахъ, стала трехголовой и уперлась головой въ потолокъ...

— *Валентинъ.* — Нѣтъ, позвольте мнѣ уѣхать...—*Анна* (испуганно).—Зачѣмъ?—*Валентинъ* (въ сторону).—Она поблѣднѣла! (Ей) Не заставляйте меня объяснять причинъ. Скорѣе я умру, но вы не узнаете этихъ причинъ. — *Анна* (послѣ паузы).—Вы не можете уѣхать...

Мурашкина стала пухнуть, распухла въ громадину и слилась съ сѣрымъ воздухомъ кабинета; виденъ былъ только одинъ ея двигающійся ротъ; потомъ она вдругъ стала маленькой, какъ бутылка, закачалась и вмѣстѣ со столомъ ушла въ глубину комнаты...

— *Валентинъ* (держа Анну въ объятіяхъ). — Ты воскресила меня, указала цѣль жизни! Ты обновила меня, какъ весенній дождь обновляетъ пробужденную землю! Но... поздно, поздно! Грудь мою точитъ неизлѣчимый недугъ...

Павелъ Васильевичъ вздрогнулъ и уставился посоловѣлыми, мутными глазами на Мурашкину; минуту глядѣлъ онъ неподвижно, какъ будто ничего не понимая...

— Явленіе XI. Тѣ же, баронъ и становой съ понятыми... *Валентинъ.*—Берите меня!—*Анна.*—Я его! Берите и меня! Да, берите и меня! Я люблю его, люблю больше жизни! — *Баронъ.* — Анна Сергѣевна, вы забываете, что губите этимъ своего отца...

Мурашкина опять стала пухнуть... Дико осматриваясь, Павелъ Васильевичъ приподнялся, вскрикнулъ груднымъ, неестественнымъ голосомъ, схватилъ со стола тяжелое прессъ-папье и, не помня себя, со всего размаха ударилъ имъ по головѣ Мурашкиной...

— Вяжите меня, я убилъ ее! — сказалъ онъ черезъ минуту вбѣжавшей прислугѣ.

Присяжные оправдали его.

ПРОИЗВЕДЕНІЕ ИСКУССТВА.

Держа подъ мышкой что-то, завернутое въ 223-й нумеръ «Биржевыхъ Вѣдомостей», Саша Смирновъ, единственный сынъ у матери, сдѣлалъ кислое лицо и вошелъ въ кабинетъ доктора Кошелькова.

— А, милый юноша!—встрѣтилъ его докторъ.—Ну, какъ мы себя чувствуемъ? Что скажете хорошенькаго?

Саша заморгалъ глазами, приложилъ руку къ сердцу и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Кланялась вамъ, Иванъ Николаевичъ, мамаша, и велѣла благодарить васъ... Я единственный сынъ у матери и вы спасли мнѣ жизнь... вылѣчили отъ опасной болѣзни, и... мы оба не знаемъ, какъ благодарить васъ.

— Полно, юноша!—перебилъ докторъ, раскисая отъ удовольствія. — Я сдѣлалъ только то, что всякій другой сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ.

— Я единственный сынъ у своей матери... Мы люди бѣдные и, конечно, не можемъ заплатить вамъ за вашъ трудъ, и... намъ очень совѣстно, докторъ, хотя, впрочемъ, мамаша и я... единственный сынъ у матери, убѣдительно просимъ васъ принять въ знакъ нашей благодарности... вотъ эту вещь, которая... Вещь очень дорогая, изъ старинной бронзы... рѣдкое произведеніе искусства.

— Напрасно! — поморщился докторъ.—Ну, къ чему это?

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, не отказывайтесь, — продолжалъ бормотать Саша, развертывая свертокъ.— Вы обидите отказомъ и меня, и мамашу... Вещь очень хорошая... изъ старинной бронзы... Досталась она намъ отъ покойнаго папаши и мы хранили ее, какъ дорогую память... Мой папаша скупалъ старинную бронзу и продавалъ ее любителямъ... Теперь мамаша и я этимъ же занимаемся...

Саша развернулъ вещь и торжественно поставилъ ее на столъ. Это былъ невысокій канделябръ старой бронзы, художественной работы. Изображалъ онъ группу: на пьедесталѣ стояли двѣ женскія фигуры въ костюмахъ Евы и въ позахъ, для описанія которыхъ у меня не хватаетъ ни смѣлости, ни подобающаго темперамента. Фигуры кокетливо улыбались и вообще имѣли такой видъ, что, кажется, если бы не обязанность поддерживать подсвѣчникъ, то онѣ спрыгнули бы съ пьедестала и устроили бы въ комнатѣ такой дебошъ, о которомъ, читатель, даже и думать неприлично.

Поглядѣвъ на подарокъ, докторъ медленно почесалъ за ухомъ, крякнулъ и нерѣшительно высморкался.

— Да, вещь, дѣйствительно, прекрасная, — пробормоталъ онъ, — но... какъ бы выразиться, не того... нелитературна слишкомъ... Это ужъ не декольтэ, а чортъ знаетъ что...

— То-есть, почему же?

— Самъ змій-искуситель не могъ бы придумать ничего сквернѣе... Вѣдь поставить на столѣ такую фантасмагорію, значитъ всю квартиру загадить!

— Какъ вы странно, докторъ, смотрите на искусство! — обидѣлся Саша. — Вѣдь это художественная вещь, вы поглядите! Столько красоты и изящества, что душу наполняетъ благоговѣйное чувство и къ горлу подступаютъ слезы! Когда видишь такую красоту, то забываешь все земное... Вы поглядите, сколько движенія, какая масса воздуху, экспрессіи!

— Все это я отлично понимаю, милый мой, — перебилъ докторъ, — но вѣдь я человѣкъ семейный, у меня тутъ дѣтишки бѣгаютъ, дамы бываютъ.

— Конечно, если смотрѣть съ точки зрѣнія толпы, — сказалъ Саша, — то, конечно, эта высокохудожественная вещь представляется въ иномъ свѣтѣ... Но, докторъ, будьте выше толпы, тѣмъ болѣе, что своимъ отказомъ вы глубоко огорчите и меня, и мамашу. Я единственный сынъ у матери... вы спасли мнѣ жизнь... Мы отдаемъ вамъ самую дорогую для насъ вещь, и... и я жалѣю только, что у васъ нѣтъ пары для этого канделябра...

— Спасибо, голубчикъ, я очень благодаренъ... Кланяйтесь мамашѣ, но, ей-Богу, сами посудите, у меня тутъ дѣтишки бѣгаютъ, дамы бываютъ... Ну, впрочемъ, пусть остается! Вѣдь вамъ не втолкуешь.

— И толковать нечего,—обрадовался Саша.—Этотъ канделябръ вы тутъ поставьте, вотъ около вазы. Эка жалость, что пары нѣтъ! Такая жалость! Ну, прощайте, докторъ.

По уходѣ Саши, докторъ долго глядѣлъ на канделябръ, чесалъ у себя за ухомъ и размышлялъ.

«Вещь превосходная, спора нѣтъ,—думалъ онъ,—и бросать ее жалко... Оставить же у себя невозможно... Гм!.. Вотъ задача! Кому бы ее подарить, или пожертвовать?»

Послѣ долгаго размышленія, онъ вспомнилъ про своего хорошаго пріятеля, адвоката Ухова, которому былъ долженъ за веденіе дѣла.

— И отлично,—рѣшилъ докторъ.—Ему, какъ пріятелю, неловко взять съ меня деньги, и будетъ очень прилично, если я презентую ему вещь. Отвезу-ка я ему эту чертовщину! Кстати же онъ холостъ и легкомысленъ...

Не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, докторъ одѣлся, взялъ канделябръ и поѣхалъ къ Ухову.

— Здорово, пріятель! — сказалъ онъ, заставъ адвоката дома.—Я къ тебѣ... Пришелъ благодарить, братецъ, за твои

труды... Денегъ не хочешь брать, такъ возьми хоть эту вотъ вещицу... вотъ, братецъ ты мой... Вещица—роскошь!

Увидѣвъ вещицу, адвокатъ пришелъ въ неописанный восторгъ.

— Вотъ такъ штука!—захохоталъ онъ.—Ахъ, чортъ подери его совсѣмъ, придумаютъ же черти такую штуку! Чудесно! Восхитительно! Гдѣ ты досталъ такую прелесть?

Изливъ свой восторгъ, адвокатъ пугливо поглядѣлъ на двери и сказалъ:

— Только ты, братъ, убери свой подарокъ. Я не возьму...

— Почему?—испугался докторъ.

— А потому... У меня бываетъ тутъ мать, кліенты... да и отъ прислуги совѣстно.

— Ни-ни-ни.. Не смѣешь отказываться!—замахалъ руками докторъ.—Это свинство съ твоей стороны! Вещь художественная... сколько движенія... экспрессіи... И говорить не хочу! Обидишь!

— Хоть бы замазано было, или фиговые листочки нацѣпить...

Но докторъ еще пуще замахалъ руками, выскочилъ изъ квартиры Ухова, и довольный, что сумѣлъ сбыть съ рукъ подарокъ, поѣхалъ домой...

По уходѣ его, адвокатъ осмотрѣлъ канделябръ, потрогалъ его со всѣхъ сторонъ пальцами и, подобно доктору, долго ломалъ голову надъ вопросомъ: что дѣлать съ подаркомъ?

«Вещь прекрасная,—разсуждалъ онъ,—и бросить жалко, и держать у себя неприлично. Самое лучшее—это подарить кому-нибудь... Вотъ что, поднесу-ка я этотъ канделябръ сегодня вечеромъ комику Шашкину. Каналья любитъ подобныя штуки, да и кстати же у него сегодня бенефисъ...»

Сказано—сдѣлано. Вечеромъ, тщательно завернутый канделябръ былъ поднесенъ комику Шашкину. Весь вечеръ уборную комика брали приступомъ мужчины, приходившіе полюбоваться на подарокъ; все время въ уборной стоялъ

восторженный гулъ и смѣхъ, похожій на лошадиное ржанье. Если какая-нибудь изъ актрисъ подходила къ двери и спрашивала: «можно войти?», то тотчасъ же слышался хриплый голосъ комика:

— Нѣтъ, нѣтъ, матушка! Я не одѣтъ!

Послѣ спектакля комикъ пожималъ плечами, разводилъ руками и говорилъ:

— Ну, куда я эту гадость дѣну? Вѣдь я на частной квартирѣ живу! У меня артистки бываютъ! Это не фотографія, въ столъ не спрячешь!

— А вы, сударь, продайте,—посовѣтовалъ парикмахеръ, разоблачая комика. — Тутъ въ предмѣстьи живетъ старуха, которая покупаетъ старинную бронзу... Поѣзжайте и спросите Смирнову... Ее всякій знаетъ.

Комикъ послушался... Дня черезъ два докторъ Кошельковъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и, приложивъ палецъ ко лбу, думалъ о желчныхъ кислотахъ. Вдругъ отворилась дверь и въ кабинетъ влетѣлъ Саша Смирновъ. Онъ улыбался, сіялъ и вся его фигура дышала счастьемъ... Въ рукахъ онъ держалъ что-то завернутое въ газету.

— Докторъ!—началъ онъ, задыхаясь.—Представьте мою радость! На ваше счастье, намъ удалось пріобрѣсти пару для вашего канделябра!.. Мамаша такъ счастлива... Я единственный сынъ у матери... вы спасли мнѣ жизнь...

И Саша, дрожа отъ чувства благодарности, поставилъ передъ докторомъ канделябръ. Докторъ разинулъ ротъ, хотѣлъ было что-то сказать, но не сказалъ ничего: у него отнялся языкъ.

ОРДЕНЪ.

Учитель военной прогимназіи, коллежскій регистраторъ Левъ Пустяковъ обиталъ рядомъ съ другомъ своимъ, поручикомъ Леденцовымъ. Къ послѣднему онъ и направилъ свои стопы въ новогоднее утро.

— Видишь ли, въ чемъ дѣло, Гриша,—сказалъ онъ поручику послѣ обычнаго поздравленія съ новымъ годомъ.— Я не сталъ бы тебя безпокоить, если бы не крайняя надобность. Одолжи мнѣ, голубчикъ, на сегодняшній день твоего Станислава. Сегодня, видишь ли, я обѣдаю у купца Спичкина. А ты знаешь этого подлеца Спичкина: онъ страшно любитъ ордена и чуть ли не мерзавцами считаетъ тѣхъ, у кого не болтается что-нибудь на шеѣ или въ петлицѣ. И къ тому же, у него двѣ дочери... Настя, знаешь, и Зина... Говорю, какъ другу... Ты меня понимаешь, милый мой. Дай, сдѣлай милость!

Все это проговорилъ Пустяковъ, заикаясь, краснѣя и робко оглядываясь на дверь. Поручикъ выругался, но согласился.

Въ два часа пополудни Пустяковъ ѣхалъ на извозчикѣ къ Спичкинымъ и, распахнувши чуточку шубу, глядѣлъ себѣ на грудь. На груди сверкалъ золотомъ и отливалъ эмалью чужой Станиславъ.

«Какъ-то и уваженія къ себѣ больше чувствуешь! — думалъ учитель, покрякивая.—Маленькая штучка, рублей пять, не больше стоитъ, а какой фуроръ производитъ!»

Подъѣхавъ къ дому Спичкина, онъ распахнулъ шубу и сталъ медленно расплачиваться съ извозчикомъ. Извозчикъ, какъ показалось ему, увидѣвъ его погоны, пуговицы и Станислава, окаменѣлъ. Пустяковъ самодовольно кашлянулъ и вошелъ въ домъ. Снимая въ передней шубу, онъ заглянулъ въ залу. Тамъ за длиннымъ обѣденнымъ столомъ сидѣли уже человѣкъ пятнадцать и обѣдали. Слышался говоръ и звяканье посуды.

— Кто это тамъ звонитъ?—послышался голосъ хозяина.— Ба, Левъ Николаичъ! Милости просимъ. Немножко опоздали, но это не бѣда... Сейчасъ только сѣли.

Пустяковъ выставилъ впередъ грудь, поднялъ голову и, потирая руки, вошелъ въ залу. Но тутъ онъ увидѣлъ нѣчто ужасное. За столомъ, рядомъ съ Зиной, сидѣлъ его товарищъ по службѣ, учитель французскаго языка Трамблянъ. Показать французу орденъ—значило бы вызвать массу самыхъ непріятныхъ вопросовъ, значило бы осрамиться на вѣки, обезславиться... Первою мыслью Пустякова было сорвать орденъ, или бѣжать назадъ; но орденъ былъ крѣпко пришитъ и отступленіе было уже невозможно. Быстро прикрывъ правой рукой орденъ, онъ сгорбился, неловко отдалъ общій поклонъ и, никому не подавая руки, тяжело опустился на свободный стулъ, какъ разъ противъ сослуживца-француза.

«Выпивши, должно быть!» подумалъ Спичкинъ, поглядѣвъ на его сконфуженное лицо.

Передъ Пустяковымъ поставили тарелку супу. Онъ взялъ лѣвой рукой ложку, но, вспомнивъ, что лѣвой рукой не подобаетъ ѣсть въ благоустроенномъ обществѣ, заявилъ, что онъ уже отобѣдалъ и ѣсть не хочетъ.

— Я уже покушалъ-съ... Мерси-съ...—пробормоталъ онъ.—

Былъ я съ визитомъ у дяди, протоіерея Елеева, и онъ упросилъ меня... тово... пообѣдать.

Душа Пустякова наполнилась щемящей тоской и злобствующей досадой: супъ издавалъ вкусный запахъ, а отъ паровой осетрины шелъ необыкновенно-аппетитный дымокъ. Учитель попробовалъ освободить правую руку и прикрыть орденъ лѣвой, но это оказалось неудобнымъ.

«Замѣтятъ... И черезъ всю грудь рука будетъ протянута, точно пѣть собираюсь. Господи, хоть бы скорѣе обѣдъ кончился! Въ трактирѣ ужо пообѣдаю!»

Послѣ третьяго блюда онъ робко, однимъ глазкомъ поглядѣлъ на француза. Трамблянъ, почему-то сильно сконфуженный, глядѣлъ на него и тоже ничего не ѣлъ. Поглядѣвъ другъ на друга, оба еще болѣе сконфузились и опустили глаза въ пустыя тарелки.

«Замѣтилъ, подлецъ! — подумалъ Пустяковъ. — По рожѣ вижу, что замѣтилъ! А онъ, мерзавецъ, кляузникъ. Завтра же донесетъ директору!»

Съѣли хозяева и гости четвертое блюдо, съѣли, волею судебъ, и пятое...

Поднялся какой-то высокій господинъ съ широкими, волосистыми ноздрями, горбатымъ носомъ и отъ природы прищуренными глазами. Онъ погладилъ себя по головѣ и провозгласилъ:

— Э-э-э... эп... эп... эпредлагаю эвыпить за процвѣтаніе сидящихъ здѣсь дамъ!

Обѣдающіе шумно поднялись и взялись за бокалы. Громкое «ура» пронеслось по всѣмъ комнатамъ. Дамы заулыбались и потянулись чокаться. Пустяковъ поднялся и взялъ свою рюмку въ лѣвую руку.

— Левъ Николаичъ, потрудитесь передать этотъ бокалъ Настасьѣ Тимоѳеевнѣ! — обратился къ нему какой-то мужчина, подавая бокалъ. — Заставьте ее выпить!

На этотъ разъ Пустяковъ, къ великому своему ужасу,

долженъ былъ пустить въ дѣло и правую руку. Станиславъ съ помятой красной ленточкой увидѣлъ, наконецъ, свѣтъ и засіялъ. Учитель поблѣднѣлъ, опустилъ голову и робко поглядѣлъ въ сторону француза. Тотъ глядѣлъ на него удивленными, вопрошающими глазами. Губы его хитро улыбались и съ лица медленно сползалъ конфузъ...

— Юлій Августовичъ!—обратился къ французу хозяинъ.— Передайте бутылочку по принадлежности!

Трамблянъ нерѣшительно протянулъ правую руку къ бутылкѣ и... о, счастье! Пустяковъ увидалъ на его груди орденъ. И то былъ не Станиславъ, а цѣлая Анна! Значитъ, и французъ сжульничалъ! Пустяковъ засмѣялся отъ удовольствія, сѣлъ на стулъ и развалился... Теперь уже не было надобности скрывать Станислава! Оба грѣшны однимъ грѣхомъ и некому, стало-быть, доносить и безславить...

— А-а-а... гм!..—промычалъ Спичкинъ, увидѣвъ на груди учителя орденъ.

— Да-съ! — сказалъ Пустяковъ. — Удивительное дѣло, Юлій Августовичъ! Какъ было мало у насъ передъ праздниками представленій! Сколько у насъ народу, а получили только вы да я! Уди-ви-тель-ное дѣло!

Трамблянъ весело закивалъ головой и выставилъ впередъ лѣвый лацканъ, на которомъ красовалась Анна 3-й степени.

Послѣ обѣда Пустяковъ ходилъ по всѣмъ комнатамъ и показывалъ барышнямъ орденъ. На душѣ у него было легко, вольготно, хотя и попципывалъ подъ ложечкой голодъ.

«Знай я такую штуку, — думалъ онъ, завистливо поглядывая на Трамбляна, бесѣдовавшаго со Спичкинымъ объ орденахъ,—я бы Владиміра нацѣпилъ. Эхъ, не догадался!»

Только эта одна мысль и помучивала его. Въ остальномъ же онъ былъ совершенно счастливъ.

СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, не менѣе прекрасный экзекуторъ, Иванъ Дмитричъ Червяковъ, сидѣлъ во второмъ ряду креселъ и глядѣлъ въ бинокль на «Корневильскіе колокола». Онъ глядѣлъ и чувствовалъ себя на верху блаженства. Но вдругъ... Въ разсказахъ часто встрѣчается это «но вдругъ». Авторы правы: жизнь такъ полна внезапностей! Но вдругъ лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыханіе остановилось... онъ отвелъ отъ глазъ бинокль, нагнулся и... апчхи!!! Чихнулъ, какъ видите. Чихать никому и нигдѣ не возбраняется. Чихаютъ и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные совѣтники. Всѣ чихаютъ. Червяковъ нисколько не сконфузился, утерся платочкомъ и, какъ вѣжливый человѣкъ, поглядѣлъ вокругъ себя: не обезпокоилъ ли онъ кого-нибудь своимъ чиханьемъ? Но тутъ ужъ пришлось сконфузиться. Онъ увидѣлъ, что старичокъ, сидѣвшій впереди него, въ первомъ ряду креселъ, старательно вытиралъ свою лысину и шею перчаткой и бормоталъ что-то. Въ старичкѣ Червяковъ узналъ статскаго генерала Бризжалова, служащаго по вѣдомству путей сообщенія.

«Я его обрызгалъ!—подумалъ Червяковъ. — Не мой начальникъ, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо».

Червяковъ кашлянулъ, подался туловищемъ впередъ и зашепталъ генералу на ухо:

— Извините, ваше—ство, я васъ обрызгалъ... я нечаянно...

— Ничего, ничего...

— Ради Бога, извините. Я вѣдь... я не желалъ!

— Ахъ, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Червяковъ сконфузился, глупо улыбнулся и началъ глядѣть на сцену. Глядѣлъ онъ, но ужъ блаженства больше не чувствовалъ. Его начало помучивать безпокойство. Въ антрактѣ онъ подошелъ къ Бризжалову, походилъ возлѣ него и, поборовши робость, пробормоталъ:

— Я васъ обрызгалъ, ваше—ство... Простите... Я вѣдь... не то чтобы...

— Ахъ, полноте... Я ужъ забылъ, а вы все о томъ же! — сказалъ генералъ и нетерпѣливо шевельнулъ нижней губой.

«Забылъ, а у самого ехидство въ глазахъ, — подумалъ Червяковъ, подозрительно поглядывая на генерала.—И говорить не хочетъ. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желалъ... что это законъ природы, а то подумаетъ, что я плюнуть хотѣлъ. Теперь не подумаетъ, такъ послѣ подумаетъ!..»

Придя домой, Червяковъ разсказалъ женѣ о своемъ невѣжествѣ. Жена, какъ показалось ему, слишкомъ легкомысленно отнеслась къ происшедшему; она только испугалась, а потомъ, когда узнала, что Бризжаловъ «чужой», успокоилась.

— А все-таки ты сходи, извинись,—сказала она.—Подумаетъ, что ты себя въ публикѣ держать не умѣешь!

— То-то вотъ и есть! Я извинялся, да онъ какъ-то странно... Ни одного слова путнаго не сказалъ. Да и некогда было разговаривать.

На другой день Червяковъ надѣлъ новый вицмундиръ,

подстригся и пошелъ къ Бризжалову объяснить... Войдя въ пріемную генерала, онъ увидѣлъ тамъ много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже началъ пріемъ прошеній. Опросивъ нѣсколько просителей, генералъ поднялъ глаза и на Червякова.

— Вчера въ «Аркадіи», ежели припомните, ваше—ство,— началъ докладывать экзекуторъ, — я чихнулъ-съ и... нечаянно обрызгалъ... Изв...

— Какіе пустяки... Богъ знаетъ что! Вамъ что̀ угодно?— обратился генералъ къ слѣдующему просителю

«Говорить не хочетъ!—подумалъ Червяковъ, блѣднѣя.— Сердится, значитъ... Нѣтъ, этого нельзя такъ оставить... Я ему объясню...»

Когда генералъ кончилъ бесѣду съ послѣднимъ просителемъ и направился во внутренніе аппартаменты, Червяковъ шагнулъ за нимъ и забормоталъ:

— Ваше—ство! Ежели я осмѣливаюсь безпокоить ваше— ство, то именно изъ чувства, могу сказать, раскаянія!.. Не нарочно, сами изволите знать-съ!

Генералъ состроилъ плаксивое лицо и махнулъ рукой.

— Да вы просто смѣетесь, милостисдарь!—сказалъ онъ, скрываясь за дверью.

«Какія же тутъ насмѣшки?—подумалъ Червяковъ.—Вовсе тутъ нѣтъ никакихъ насмѣшекъ! Генералъ, а не можетъ понять! Когда такъ, не стану же я больше извиняться передъ этимъ фанфарономъ! Чортъ съ нимъ! Напишу ему письмо, а ходить не стану! Ей-Богу, не стану!»

Такъ думалъ Червяковъ, идя домой. Письма генералу онъ не написалъ. Думалъ, думалъ, и никакъ не выдумалъ этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять.

— Я вчера приходилъ безпокоить ваше—ство, — забормоталъ онъ, когда генералъ поднялъ на него вопрошающіе глаза, — не для того, чтобы смѣяться, какъ вы изволили

сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнулъ-съ... а смѣяться я и не думалъ. Смѣю ли я смѣяться? Ежели мы будемъ смѣяться, такъ никакого тогда, значитъ, и уваженія къ персонамъ... не будетъ...

— Пошелъ вонъ!! — гаркнулъ вдругъ посинѣвшій и затрясшійся генералъ.

— Что-съ? — спросилъ шопотомъ Червяковъ, млѣя отъ ужаса.

— Пошелъ вонъ!!—повторилъ генералъ, затопавъ ногами.

Въ животѣ у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, онъ попятился къ двери, вышелъ на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, онъ легъ на диванъ и... померъ.

КАНИТЕЛЬ.

На клиросѣ стоитъ дьячокъ Отлукавинъ и держитъ между вытянутыми, жирными пальцами огрызенное гусиное перо. Маленькій лобъ его собрался въ морщины, на носу играютъ пятна всѣхъ цвѣтовъ, начиная съ розоваго и кончая темно-синимъ. Передъ нимъ на рыжемъ переплетѣ Цвѣтной Тріоди лежатъ двѣ бумажки. На одной изъ нихъ написано «о здравіи», на другой—«за упокой», и подъ обоими заглавіями по ряду именъ... Около клироса стоитъ маленькая старушонка съ озабоченнымъ лицомъ и съ котомкой на спинѣ. Она задумалась.

— Дальше кого?—спрашиваетъ дьячокъ, лѣниво почесывая за ухомъ. — Скорѣй, убогая, думай, а то мнѣ некогда. Сейчасъ часы читать стану.

— Сейчасъ, батюшка... Ну, пиши... О здравіи рабовъ Божіихъ: Андрея и Дарьи со чады... Митрія, опять Андрея, Антипа, Марьи...

— Постой, не шибко... Не за зайцемъ скачешь, успѣешь.

— Написалъ Марію? Ну, таперя Кирилла, Гордѣя, младенца новопреставленнаго Герасима, Пантелея... Записалъ усопшаго Пантелея?

— Постой... Пантелей померъ?

— Померъ...—вздыхаетъ старуха.

— Такъ какъ же ты велишь о здравіи записывать?—

сердится дьячокъ, зачеркивая Пантелея и перенося его на другую бумажку. — Вотъ тоже еще... Ты говори толкомъ, а не путай. Кого еще за упокой?

— За упокой? Сейчасъ... постой... Ну, пиши... Ивана, Авдотью, еще Дарью, Егора... Запиши... воина Захара... Какъ пошелъ на службу въ четвертомъ годѣ, такъ съ той поры и не слыхать...

— Стало-быть, онъ померъ?

— А кто жъ его знаетъ! Можетъ, померъ, а можетъ и живъ... Ты пиши...

— Куда же я его запишу? Ежели, скажемъ, померъ, то за упокой, коли живъ, то о здравіи... Пойми вотъ вашего брата!

— Гм!.. Ты, родименькій, его на обѣ записочки запиши, а тамъ видно будетъ. Да ему все равно, какъ его не записывай: непутящій человѣкъ... пропащій... Записалъ? Таперя за упокой Марка, Левонтія, Арину... ну, и Кузьму съ Анной... болящую Ѳедосью...

— Болящую-то Ѳедосью за упокой? Тю!

— Это меня-то за упокой? Ошалѣлъ, что ли?

— Тьфу! Ты, кочерыжка, меня запутала! Не померла еще, такъ и говори, что не померла, а нечего въ за-упокой лѣзть! Путаешь тутъ! Изволь вотъ теперь Ѳедосью хѣрить и въ другое мѣсто писать... всю бумагу изгадилъ! Ну, слушай, я тебѣ прочту... О здравіи Андрея, Дарьи со чады, паки Андрея, Антипія, Маріи, Кирилла, новопреставленнаго младенца Гер... Постой, какъ же сюда этотъ Герасимъ попалъ? Новопреставленный, и вдругъ—о здравіи! Нѣтъ, запутала ты меня, убогая! Богъ съ тобой, совсѣмъ запутала!

Дьячокъ крутитъ головой, зачеркиваетъ Герасима и переноситъ его въ заупокойный отдѣлъ.

— Слушай! О здравіи Маріи, Кирилла, воина Захаріи... Кого еще?

— Авдотью записалъ?

— Авдотью? Гм!.. Авдотью... Евдокію...—пересматриваетъ

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

дьячокъ обѣ бумажки. — Помню, записывалъ ее, а теперь, шутъ ее знаетъ... никакъ не найдешь... Вотъ она! За упокой записана!

— Авдотью-то за упокой? — удивляется старуха. — Году еще нѣтъ, какъ замужъ вышла, а ты на нее ужъ смерть накликаешь!.. Самъ вотъ, сердешный, путаешь, а на меня злобишься. Ты съ молитвой пиши, а коли будешь въ сердцѣ злобу имѣть, то бѣсу радость. Это тебя бѣсъ хороводитъ да путаетъ...

— Постой, не мѣшай...

Дьячокъ хмурится и, подумавъ, медленно зачеркиваетъ на заупокойномъ листкѣ Авдотью. Перо на буквѣ «д» взвизгиваетъ и даетъ большую кляксу. Дьячокъ конфузится и чешетъ затылокъ.

— Авдотью, стало-быть, долой отсюда...—бормочетъ онъ смущенно,—а записать ее туда... Такъ? Постой... Ежели ее туда, то будетъ о здравіи, ежели же сюда, то за упокой... Совсѣмъ запутала баба! И этотъ еще воинъ Захарія встрялъ сюда... Шутъ его принесъ... Ничего не разберу! Надо сызнова...

Дьячокъ лѣзетъ въ шкапчикъ и достаетъ оттуда осьмушку чистой бумаги.

— Выкинь Захарію, коли такъ...—говоритъ старуха. — Ужъ Богъ съ нимъ, выкинь...

— Молчи!

Дьячокъ макаетъ медленно перо и списываетъ съ обѣихъ бумажекъ имена на новый листокъ.

— Я ихъ всѣхъ гуртомъ запишу,—говоритъ онъ, — а ты неси къ отцу дьякону... Пущай дьяконъ разберетъ, кто здѣсь живой, кто мертвый; онъ въ семинаріи обучался, а я этихъ самыхъ дѣловъ... хоть убей, ничего не понимаю.

Старуха беретъ бумажку, подаетъ дьячку старинныя полторы копейки и сѣменитъ къ алтарю.

ХИРУРГІЯ.

Земская больница. За отсутствіемъ доктора, уѣхавшаго жениться, больныхъ принимаетъ фельдшеръ Курятинъ, толстый человѣкъ, лѣтъ сорока, въ поношенной чечунчовой жакеткѣ и въ истрепанныхъ триковыхъ брюкахъ. На лицѣ выраженіе чувства долга и пріятности. Между указательнымъ и среднимъ пальцами лѣвой руки—сигара, распространяющая зловоніе.

Въ пріемную входитъ дьячокъ Вонмигласовъ, высокій, коренастый старикъ въ коричневой рясѣ и съ широкимъ кожанымъ поясомъ. Правый глазъ съ бѣльмомъ и полузакрытъ, на носу бородавка, похожая издали на большую муху. Секунду дьячокъ ищетъ глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутыль съ карболовымъ растворомъ, потомъ вынимаетъ изъ краснаго платочка просфору и съ поклономъ кладетъ ее передъ фельдшеромъ.

— Ааа... мое вамъ!—зѣваетъ фельдшеръ.—Съ чѣмъ пожаловали?

— Съ воскреснымъ днемъ васъ, Сергѣй Кузьмичъ... Къ вашей милости... Истинно и правдиво въ псалтыри сказано, извините: «питіе мое съ плачемъ растворяхъ».. Сѣлъ намедни со старухой чай пить и — ни Боже мой, ни ка-

пельки, ни синь-порохъ, хоть ложись, да помирай... Хлебнешь чуточку — и силы моей нѣту! А кромѣ того, что въ самомъ зубѣ, но и всю эту сторону... Такъ и ломитъ, такъ и ломитъ! Въ ухо отдаетъ, извините, словно въ немъ гвоздикъ или другой какой предметъ: такъ и стрѣляетъ, такъ и стрѣляетъ! Согрѣшихомъ и беззаконовахомъ... Студными бо окаляхъ душу грѣхми и въ лѣности житіе мое иждихъ... За грѣхи, Сергѣй Кузьмичъ, за грѣхи! Отецъ іерей послѣ литургіи упрекаетъ: «Косноязыченъ ты, Ефимъ, и гугнивъ сталъ. Поешь, и ничего у тебя не разберешь.» А какое, судите, тутъ пѣніе, ежели рта раскрыть нельзя, все распухши, извините, и ночь не спавши...

— Мда... Садитесь... Раскройте ротъ!

Вонмигласовъ садится и раскрываетъ ротъ.

Курятинъ хмурится, глядитъ въ ротъ и среди пожелтѣвшихъ отъ времени и табаку зубовъ усматриваетъ одинъ зубъ, украшенный зіяющимъ дупломъ.

— Отецъ діаконъ велѣли водку съ хрѣномъ прикладывать—не помогло. Гликерія Анисимовна, дай Богъ имъ здоровья, дали на руку ниточку носить съ Аѳонской горы, да велѣли теплымъ молокомъ зубъ полоскать, а я, признаться, ниточку-то надѣлъ, а въ отношеніи молока не соблюлъ: Бога боюсь, постъ...

— Предразсудокъ... (пауза). Вырвать его нужно, Ефимъ Михеичъ!

— Вамъ лучше знать, Сергѣй Кузьмичъ. На то вы и обучены, чтобъ это дѣло понимать, какъ оно есть, что̀ вырвать, а что̀ каплями или прочимъ чѣмъ... На то вы, благодѣтели, и поставлены, дай Богъ вамъ здоровья, чтобъ мы за васъ денно и нощно, отцы родные... по гробъ жизни...

— Пустяки... скромничаетъ фельдшеръ, подходя къ шкапу и роясь въ инструментахъ.—Хирургія—пустяки... Тутъ во всемъ привычка, твердость руки... Разъ плюнуть... Намедни тоже, вотъ какъ и вы, пріѣзжаетъ въ больницу помѣщикъ

Александръ Иванычъ Египетскій... Тоже съ зубомъ... Человѣкъ образованный, обо всемъ разспрашиваетъ, во все входитъ, какъ и что. Руку пожимаетъ, по имени и отчеству... Въ Петербургѣ семь лѣтъ жилъ, всѣхъ профессоровъ перенюхалъ... Долго мы съ нимъ тутъ... Христомъ-Богомъ молитъ: вырвите вы мнѣ его, Сергѣй Кузьмичъ! Отчего же не вырвать? Вырвать можно. Только тутъ понимать надо, безъ понятія нельзя... Зубы разные бываютъ. Одинъ рвешь щипцами, другой козьей ножкой, третій ключомъ... Кому какъ.

Фельдшеръ беретъ козью ножку, минуту смотритъ на нее вопросительно, потомъ кладетъ и беретъ щипцы.

— Ну-съ, раскройте ротъ пошире...—говоритъ онъ, подходя съ щипцами къ дьячку.—Сейчасъ мы его... тово... Разъ плюнуть... Десну подрѣзать только... тракцію сдѣлать по вертикальной оси... и все... (подрѣзываетъ десну) и все...

— Благодѣтели вы наши... Намъ, дуракамъ, и невдомекъ, а васъ Господь просвѣтилъ...

— Не разсуждайте, ежели у васъ ротъ раскрытъ... Этотъ легко рвать, а бываетъ такъ, что одни только корешки... Этотъ—разъ плюнуть... (накладываетъ щипцы). Постойте, не дергайтесь... Сидите неподвижно... Въ мгновеніе ока... (дѣлаетъ тракцію). Главное, чтобъ поглубже взять (тянетъ)... чтобъ коронка не сломалась...

— Отцы наши... Мать Пресвятая... Ввв...

— Не тово... не тово... какъ его? Не хватайте, руками! Пустите руки! (тянетъ). Сейчасъ... Вотъ, вотъ... Дѣло-то вѣдь не легкое...

— Отцы... радѣтели... (кричитъ) Ангелы! Ого-го... Да дергай же, дергай! Чего пять лѣтъ тянешь?

— Дѣло-то вѣдь... хирургія... Сразу нельзя... Вотъ, вотъ...

Вонмигласовъ поднимаетъ колѣни до локтей, шевелитъ пальцами, выпучиваетъ глаза, прерывисто дышитъ... На багровомъ лицѣ его выступаетъ потъ, на глазахъ слезы. Курятинъ сопитъ, топчется передъ дьячкомъ и тянетъ... Про-

ходитъ мучительнѣйшія полминуты—и щипцы срываются съ зуба. Дьячокъ вскакиваетъ и лѣзетъ пальцами въ ротъ. Во рту нащупываетъ онъ зубъ на старомъ мѣстѣ.

— Тянулъ!—говоритъ онъ плачущимъ и въ то же время насмѣшливымъ голосомъ.—Чтобъ тебя такъ на томъ свѣтѣ потянуло! Благодаримъ покорно! Коли не умѣешь рвать, такъ не берись! Свѣта Божьяго не вижу...

— А ты зачѣмъ руками хватаешь?—сердится фельдшеръ.—Я тяну, а ты мнѣ подъ руку толкаешь и разныя глупыя слова... Дура!

— Самъ ты дура!

— Ты думаешь, мужикъ, легко зубъ-то рвать? Возьмись-ка! Это не то, что на колокольню полѣзъ да въ колокола отбарабанилъ! (дразнитъ). «Не умѣешь, не умѣешь!» Скажи, какой указчикъ нашелся! Ишь ты... Господину Египетскому, Александру Иванычу, рвалъ, да и тотъ ничего, никакихъ словъ... Человѣкъ почище тебя, а не хваталъ руками... Садись! Садись, тебѣ говорю!

— Свѣта не вижу... Дай духъ перевести... Охъ! (садится). Не тяни только долго, а дергай. Ты не тяни, а дергай... Сразу!

— Учи ученаго! Экій, Господи, народъ не образованный! Живи, вотъ, съ этакими... очумѣешь! Раскрой ротъ... (накладываетъ щипцы). Хирургія, братъ, не шутка... Это не на клиросѣ читать... (дѣлаетъ тракцію). Не дергайся... Зубъ выходитъ, застарѣлый, глубоко корни пустилъ... (тянетъ). Не шевелись... Такъ... такъ... Не шевелись... Ну, ну... (слышенъ хрустящій звукъ). Такъ и зналъ!

Вонмигласовъ сидитъ минуту неподвижно, словно безъ чувствъ. Онъ ошеломленъ... Глаза его тупо глядятъ въ пространство, на блѣдномъ лицѣ потъ.

— Было бъ мнѣ козьей ножкой... — бормочетъ фельдшеръ.—Этакая оказія!

Придя въ себя, дьячокъ суетъ въ ротъ пальцы и на мѣстѣ больного зуба находитъ два торчащихъ выступа.

— Паршивый чортъ...—выговариваетъ онъ.—Насажали васъ здѣсь, продовъ, на нашу погибель!

— Поругайся мнѣ еще тутъ...—бормочетъ фельдшеръ, кладя въ шкапъ щипцы. — Невѣжа... Мало тебя въ бурсѣ березой потчивали... Господинъ Египетскій, Александръ Иванычъ, въ Петербургѣ лѣтъ семь жилъ... образованность... одинъ костюмъ рублей сто стоитъ... да и то не ругался... А ты что за пава такая? Ниито тебѣ, не околѣешь!

Дьячокъ беретъ со стола свою просфору и придерживая щеку рукой, уходитъ во-свояси...

ВИНТЪ.

Въ одну скверную осеннюю ночь Андрей Степановичъ Пересолинъ ѣхалъ изъ театра. Ѣхалъ онъ и размышлялъ о той пользѣ, какую приносили бы театры, если бы въ нихъ давались пьесы нравственнаго содержанія. Проѣзжая мимо правленія, онъ бросилъ думать о пользѣ и сталъ глядѣть на окна дома, въ которомъ онъ, выражаясь языкомъ поэтовъ и шкиперовъ, управлялъ рулемъ. Два окна, выходившія изъ дежурной комнаты, были ярко освѣщены.

«Неужели они до сихъ поръ съ отчетомъ возятся?—подумалъ Пересолинъ. — Четыре ихъ тамъ дурака, и до сихъ поръ еще не кончили! Чего добраго, люди подумаютъ, что я имъ и ночью покою не даю. Пойду подгоню ихъ... Остановись, Гурій!»

Пересолинъ вылѣзъ изъ экипажа и пошелъ въ правленіе. Парадная дверь была заперта, задній же ходъ, имѣвшій одну только испортившуюся задвижку, былъ настежь. Пересолинъ воспользовался послѣднимъ, и черезъ какую-нибудь минуту стоялъ уже у дверей дежурной комнаты. Дверь была слегка отворена и Пересолинъ, взглянувъ въ нее, увидѣлъ нѣчто необычайное. За столомъ, заваленнымъ большими счетными листами, при свѣтѣ двухъ лампъ, сидѣли

четыре чиновника и играли въ карты. Сосредоточенные, неподвижные, съ лицами, окрашенными въ зеленый цвѣтъ отъ абажуровъ, они напоминали сказочныхъ гномовъ или, чего Боже избави, фальшивыхъ монетчиковъ... Еще болѣе таинственности придавала имъ ихъ игра. Судя по ихъ манерамъ и карточнымъ терминамъ, которые они изрѣдка выкрикивали, то былъ винтъ; судя же по всему тому, что услышалъ Пересолинъ, эту игру нельзя было назвать ни винтомъ, ни даже игрой въ карты. То было нѣчто неслыханное, странное и таинственное... Въ чиновникахъ Пересолинъ узналъ Серафима Звиздулина, Степана Кулакевича, Еремѣя Недоѣхова и Ивана Писулина.

— Какъ же ты это ходишь, чортъ голландскій,—разсердился Звиздулинъ, съ остервенѣніемъ глядя на своего партнера vis-à-vis.—Развѣ такъ можно ходить? У меня на рукахъ былъ Дорооеевъ самъ-другъ, Шепелевъ съ женой да Степка Ерлаковъ, а ты ходишь съ Кофейкина. Вотъ мы и безъ двухъ! А тебѣ бы, садовая голова, съ Поганкина ходить!

— Ну, и что къ тогда бъ вышло?—окрысился партнеръ.—Я пошелъ бы съ Поганкина, а у Ивана Андреича Пересолинъ на рукахъ.

«Мою фамилію къ чему-то приплели...—пожалъ плечами Пересолинъ.—Не понимаю!»

Писулинъ сдалъ снова и чиновники продолжали:

— Государственный банкъ...

— Два—казенная палата...

— Безъ козыря...

— Ты безъ козыря?? Гм!.. Губернское правленье—два... Погибать—такъ погибать, шутъ возьми! Тотъ разъ на народномъ просвѣщеніи безъ одной остался, сейчасъ на губернскомъ правленіи нарвусь. Плевать!

— Маленькій шлемъ на народномъ просвѣщеніи!

«Не понимаю!» прошепталъ Пересолинъ.

— Хожу со статскаго... Бросай, Ваня, какого-нибудь титуляшку или губернскаго.

— Зачѣмъ намъ титуляшку? Мы и Пересолинымъ хватимъ....

— А мы твоего Пересолина по зубамъ... по зубамъ... У насъ Рыбниковъ есть. Быть вамъ безъ трехъ! Показывайте Пересолиху! Нечего вамъ ее, каналью, за обшлагъ прятать!

«Мою жену затрогали... подумалъ Пересолинъ.—Не понимаю».

И, не желая долѣе оставаться въ недоумѣніи, Пересолинъ открылъ дверь и вошелъ въ дежурную. Если бы передъ чиновниками явился самъ чортъ съ рогами и съ хвостомъ, то онъ не удивилъ бы и не испугалъ такъ, какъ испугалъ и удивилъ ихъ начальникъ. Явись передъ ними умершій въ прошломъ году экзекуторъ, проговори онъ имъ гробовымъ голосомъ: «идите за мной, аггелы, въ мѣсто, уготованное канальямъ», и дыхни онъ на нихъ холодомъ могилы, они не поблѣднѣли бы такъ, какъ поблѣднѣли, узнавъ Пересолина. У Недоѣхова отъ перепугу даже кровь изъ носа пошла, а у Кулакевича забарабанило въ правомъ ухѣ и самъ собою развязался галстукъ. Чиновники побросали карты, медленно поднялись и, переглянувшись, устремили свои взоры на полъ. Минуту въ дежурной царила тишина..

— Хорошо же вы отчетъ переписываете!—началъ Пересолинъ.—Теперь понятно, почему вы такъ любите съ отчетомъ возиться... Что вы сейчасъ дѣлали?

— Мы только на минутку, ваше—ство... прошепталъ Звиздулинъ.—Карточки разсматривали... Отдыхали...

Пересолинъ подошелъ къ столу и медленно пожалъ плечами. На столѣ лежали не карты, а фотографическія карточки обыкновеннаго формата, снятыя съ картона и наклеенныя на игральныя карты. Карточекъ было много. Разсматривая ихъ, Пересолинъ увидѣлъ себя, свою жену, много своихъ подчиненныхъ, знакомыхъ...

— Какая чепуха... Какъ же вы это играете?

— Это не мы, ваше—ство, выдумали... Сохрани Богъ... Это мы только примѣръ взяли...

— Объясни-ка, Звиздулинъ! Какъ вы играли? Я все видѣлъ и слышалъ, какъ вы меня Рыбниковымъ били... Ну, чего мнешься? Вѣдь я тебя не ѣмъ? Разсказывай!

Звиздулинъ долго стѣснялся и трусилъ. Наконецъ, когда Пересолинъ сталъ сердиться, фыркать и краснѣть отъ нетерпѣнія, онъ послушался. Собравъ карточки и перетасовавъ, онъ разложилъ ихъ по столу и началъ объяснять:

— Каждый портретъ, ваше—ство, какъ и каждая карта, свою суть имѣетъ... значеніе. Какъ и въ колодѣ, такъ и здѣсь 52 карты и четыре масти... Чиновники казенной палаты — черви, губернское правленіе — трефы, служащіе по министерству народнаго просвѣщенія — бубны, а пиками будетъ отдѣленіе государственнаго банка. Ну-съ... Дѣйствительные статскіе совѣтники у насъ тузы, статскіе совѣтники—короли, супруги особъ IV и V класса—дамы, коллежскіе совѣтники—валеты, надворные совѣтники—десятки, и такъ далѣе. Я, напримѣръ,—вотъ моя карточка,—тройка, такъ какъ, будучи губернскій секретарь...

— Ишь ты... Я, стало-быть, тузъ?

— Трефовый-съ, а ея превосходительство—дама-съ...

— Гм!.. Это оригинально... А ну-ка, давайте сыграемъ! Посмотрю...

Пересолинъ снялъ пальто и, недовѣрчиво улыбаясь, сѣлъ за столъ. Чиновники тоже сѣли по его приказанію, и игра началась...

Сторожъ Назаръ, пришедшій въ семь часовъ утра мести дежурную комнату, былъ пораженъ. Картина, которую увидѣлъ онъ, войдя со щеткой, была такъ поразительна, что онъ помнитъ ее теперь даже тогда, когда, напившись пьянъ, лежитъ въ безпамятствѣ. Пересолинъ, блѣдный, сонный и

непричесанный, стоялъ передъ Недоѣховымъ и, держа его за пуговицу, говорилъ:

— Пойми же, что ты не могъ съ Шепелева ходить, если зналъ, что у меня на рукахъ я самъ-четвертъ. У Звиздулина Рыбниковъ съ женой, три учителя гимназіи, да моя жена, у Недоѣхова банковцы и три маленькихъ изъ губернской управы. Тебѣ бы нужно было съ Крышкина ходить! Ты не гляди, что они съ казенной палаты ходятъ! Они себѣ на умѣ!

— Я, ваше—ство, пошелъ съ титулярнаго, потому, думалъ, что у нихъ дѣйствительный.

— Ахъ, голубчикъ, да вѣдь такъ нельзя думать! Это не игра! Такъ играютъ одни только сапожники. Ты разсуждай!.. Когда Кулакевичъ пошелъ съ надворнаго губернскаго правленія, ты долженъ былъ бросать Ивана Ивановича Гренландскаго, потому что зналъ, что у него Наталья Дмитріевна самъ-третей съ Егоръ Егорычемъ... Ты все испортилъ! Я тебѣ сейчасъ докажу. Садитесь, господа, еще одинъ роберъ сыграемъ!

И, уславши удивленнаго Назара, чиновники усѣлись и продолжали игру.

КАПИТАНСКІЙ МУНДИРЪ.

Восходящее солнце хмурилось на уѣздный городъ, пѣтухи еще только потягивались, а между тѣмъ въ кабакѣ дяди Рылкина уже были посѣтители. Ихъ было трое: портной Меркуловъ, городовой Жратва и казначейскій разсыльный Смѣхуновъ. Всѣ трое были выпивши.

— Не говори! И не говори!—разсуждалъ Меркуловъ, держа городового за пуговицу. — Чинъ гражданскаго вѣдомства, ежели взять котораго повыше, въ портняжномъ смыслѣ завсегда утретъ носъ генералу. Взять таперича хотя камергера... Что это за человѣкъ? Какого званія? А ты считай... Четыре аршина сукна наилучшаго фабрики Прюнделя съ сыновьями, пуговки, золотой воротникъ, штаны бѣлые съ золотымъ лампасомъ, всѣ груди въ золотѣ, на воротѣ, на рукавахъ и на клапанахъ блескъ! Таперича ежели шить на господъ гофмейстеровъ, шталмейстеровъ, церемоніймейстеровъ и прочихъ министерій... Ты какъ понимаешь? Помню это, шили мы на гофмейстера графа Андрея Семеныча Вонляревскаго. Мундиръ — не подходи! Берешься за него руками, а въ жилкахъ пульса — цикъ! цикъ! Настоящіе господа, ежели шьютъ, то не смѣй ихъ безпокоить. Сняль мѣрку и шей, а ходить примѣривать да прифасониваться

никакъ невозможно. Ежели ты стоющій портной, то сразу по мѣркѣ сдѣлай... Съ колокольни спрыгни, въ сапоги попади—вò какъ! А около насъ былъ, братецъ ты мой, какъ теперь помню, жандармскій корпусъ... Хозяинъ нашъ Осипъ Якличъ и выбиралъ изъ жандармовъ, которые подходящіе, чтобъ заказчику подъ корпусъ подходили, для примѣрки. Ну-съ, это самое... выбрали мы, братецъ ты мой, для графскаго мундира одного подходящаго жандармика. Позвали... Надѣвай, харя, и чувствуй!.. Потѣха! Надѣлъ онъ, это самое, мундиръ таперя, поглядѣлъ на груди—и что жъ! Обомлѣлъ, знаешь, затрепеталъ, безъ чувствъ...

— А на исправниковъ шили?—освѣдомился Смѣхуновъ.

— Эко-ся, важная птица! Въ Петербургѣ исправниковъ этихъ, какъ собакъ нерѣзаныхъ... Тутъ передъ ними шапку ломаютъ, а тамъ—«посторонись, чево прешь!» Шили мы на господъ военныхъ, да на особъ первыхъ четырехъ классовъ. Особа особѣ рознь... Ежели ты, положимъ, пятаго класса, то ты — пустяки... Приходи черезъ недѣлю и все готово — потому, окромя воротника и нарукавниковъ, ничего... А ежели который четвертаго класса, или третьяго, или, положимъ, второго, тутъ ужъ хозяинъ всѣмъ въ зубы и бѣги въ жандармскій корпусъ. Шили мы разъ, братецъ ты мой, на персидскаго консула. Нашили мы ему на грудяхъ и на спинѣ золотыхъ кренделей на полторы тыщи. Думали, что не отдастъ; анъ нѣтъ, заплатилъ... Въ Петербургѣ даже и въ татарахъ благородство есть.

Долго разсказывалъ Меркуловъ. Въ девятомъ часу онъ, подъ вліяніемъ воспоминаній, заплакалъ и сталъ горько жаловаться на судьбу, загнавшую его въ городишко, наполненный одними только купцами и мѣщанами. Городовой отвелъ уже двоихъ въ полицію, разсыльный уходилъ два раза на почту и въ казначейство и опять приходилъ, а онъ все жаловался. Въ полдень онъ стоялъ передъ дьячкомъ, билъ себя кулакомъ по груди и роптал:

— Не желаю я на хамовъ шить! Не согласенъ! Въ Петербургѣ я самолично на барона Шпуцеля и на господъ офицеровъ шилъ! Отойди отъ меня, длиннополая кутья, чтобъ я тебя не видѣлъ своими глазами! Отойди!

— Возмечтали вы о себѣ высоко, Трифонъ Пантелеичъ,— убѣждалъ портного дьячокъ.—Хоть вы и артистъ въ своемъ цехѣ, но Бога и религію не должны забывать. Арій возмечталъ въ родѣ, какъ вы, и померъ поносной смертью. Ой, помрете и вы!

— И помру! Пущай лучше помру, чѣмъ зипуны шить!

— Мой анаѳема здѣсь?—послышался вдругъ за дверью бабій голосъ, и въ кабакъ вошла жена Меркулова Аксинья, пожилая баба съ подсученными рукавами и перетянутымъ животомъ.—Гдѣ онъ, идолъ?—окинула она негодующимъ взоромъ посѣтителей.—Иди домой, чтобъ тебя разорвало, тамъ тебя какой-то офицеръ спрашиваетъ!

— Какой офицеръ?—удивился Меркуловъ.

— А шутъ его знаетъ! Сказываетъ, заказать пришелъ.

Меркуловъ почесалъ всей пятерней свой большой носъ, что онъ дѣлалъ всякій разъ, когда хотѣлъ выразить крайнее изумленіе, и пробормоталъ:

— Бѣлены баба объѣлась... Пятнадцать годовъ не видалъ лица благороднаго и вдругъ нынче, въ постный день— офицеръ съ заказомъ! Гм!.. Пойти поглядѣть...

Меркуловъ вышелъ изъ кабака и, спотыкаясь, побрелъ домой... Жена не обманула его. У порога своей избы онъ увидѣлъ капитана Урчаева, дѣлопроизводителя мѣстнаго воинскаго начальника.

— Ты гдѣ это шатаешься?—встрѣтилъ его капитанъ.— Цѣлый часъ жду... Можешь мнѣ мундиръ сшить?

— Ваше благор... Господи!—забормоталъ Меркуловъ, захлебываясь и срывая со своей головы шапку вмѣстѣ съ клочкомъ волосъ.—Ваше благородіе! Да нешто впервой мнѣ это самое? Ахъ Господи! На барона Шпуцеля шилъ.. Эду-

арда Карлыча... господинъ подпоручикъ Зембулатовъ до сей поры мнѣ десять рублей долженъ. Ахъ! Жена, да дай же его благородію стульчикъ, побей меня Богъ... Прикажете мѣрочку снять, или дозволите шить на глазомѣръ?

— Ну-съ... Твое сукно и чтобъ черезъ недѣлю было готово... Сколько возьмешь?

— Помилуйте, ваше благородіе... Что вы-съ,—усмѣхнулся Меркуловъ. — Я не купецъ какой-нибудь. Мы, вѣдь, понимаемъ, какъ съ господами... Когда на консула персидскаго шили и то безъ словъ...

Снявши съ капитана мѣрку и проводивъ его, Меркуловъ цѣлый часъ стоялъ посреди избы и съ отупѣніемъ глядѣлъ на жену. Ему не вѣрилось...

— Вѣдь этакая, скажи на милость, оказія! — проворчалъ онъ наконецъ.—Гдѣ же я денегъ возьму на сукно? Аксинья, дай-ка, братецъ ты мой, мнѣ въ кредитъ тѣ деньги, что за корову выручили!

Аксинья показала ему кукишъ и плюнула. Немного погодя, она работала кочергой, била на мужниной головѣ горшки, таскала его за бороду, выбѣгала на улицу и кричала: «Ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ! Убилъ!..» но ни къ чему не привели эти протесты. На другое утро она лежала въ постели и прятала отъ подмастерій свои синяки, а Меркуловъ ходилъ по лавкамъ и, ругаясь съ купцами, выбиралъ подходящее сукно.

Для портного наступила новая эра. Просыпаясь утромъ и обводя мутными глазами свой маленькій мірокъ, онъ уже не плевалъ съ остервенѣніемъ... А что диковиннѣе всего, онъ пересталъ ходить въ кабакъ и занялся работой. Тихо помолившись, онъ надѣвалъ большіе стальные очки, хмурился и священнодѣйственно раскладывалъ на столѣ сукно.

Черезъ недѣлю мундиръ былъ готовъ. Выгладивъ его, Меркуловъ вышелъ на улицу, повѣсилъ на плетень и занялся чисткой; сниметъ пушинку, отойдетъ на сажень, щу-

рится долго на мундиръ и опять сниметъ пушинку—и этакъ часа два.

— Бѣда съ этими господами!—говорилъ онъ прохожимъ.— Нѣтъ ужъ больше моей возможности, замучился! Образованные, деликатные—подика-сь угоди!

На другой день послѣ чистки Меркуловъ помазалъ голову масломъ, причесался, завернулъ мундиръ въ новый коленкоръ и отправился къ капитану.

— Некогда мнѣ съ тобой, остолопомъ, разговаривать! останавливалъ онъ каждаго встрѣчнаго.—Нешто не видишь, что мундиръ къ капитану несу?

Черезъ полчаса онъ воротился отъ капитана.

— Съ полученіемъ васъ, Трифонъ Пантелеичъ! — встрѣтила его Аксинья, широко ухмыляясь и застыдившись.

— Ну, и дура!—отвѣтилъ ей мужъ. — Нешто настоящіе господа платятъ сразу? Это не купецъ какой-нибудь—взялъ да тебѣ сразу и вывалилъ! Дура...

Дня два Меркуловъ лежалъ на печи, не пилъ, не ѣлъ, и предавался чувству самоудовлетворенія, точь-въ-точь какъ Геркулесъ по совершеніи всѣхъ своихъ подвиговъ. На третій онъ отправился за получкой.

— Ихъ благородіе вставши?—прошепталъ онъ, вползая въ переднюю и обращаясь къ денщику.

И получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ сталъ столбомъ у косяка и принялся ждать.

— Гони въ шею! Скажи, что въ субботу! — услышалъ онъ, послѣ продолжительнаго ожиданія, хрипѣнье капитана.

То же самое услышалъ онъ въ субботу, въ одну, потомъ въ другую... Цѣлый мѣсяцъ ходилъ онъ къ капитану, высиживалъ долгіе часы въ передней, и вмѣсто денегъ получалъ приглашеніе убираться къ чорту и придти въ субботу. Но онъ не унывалъ, не роптал, а напротивъ... Онъ даже пополнѣлъ. Ему нравилось долгое ожиданіе въ передней, «гони въ шею» звучало въ его ушахъ сладкой мелодіей.

— Сейчасъ узнаешь благороднаго!—восторгался онъ всякій разъ, возвращаясь отъ капитана домой. — У насъ въ Питерѣ всѣ такіе были...

До конца дней своихъ согласился бы Меркуловъ ходить къ капитану и ждать въ передней, если бы не Аксинья, требовавшая обратно деньги, вырученныя за корову.

— Принесъ деньги?—встрѣчала она его каждый разъ.— Нѣтъ? Что же ты со мной дѣлаешь, песъ лютый? А?.. Митька, гдѣ кочерга?

Однажды подъ вечеръ Меркуловъ шелъ съ рынка и тащилъ на спинѣ куль съ углемъ. За нимъ торопилась Аксинья.

— Ужо будетъ тебѣ дома на орѣхи! Погоди!—бормотала она, думая о деньгахъ, вырученныхъ за корову.

Вдругъ Меркуловъ остановился, какъ вкопанный, и радостно вскрикнулъ. Изъ трактира «Веселіе», мимо котораго они шли, опрометью выбѣжалъ какой-то господинъ въ цилиндрѣ, съ краснымъ лицомъ и пьяными глазами. За нимъ гнался капитанъ Урчаевъ съ кіемъ въ рукѣ, безъ шапки, растрепанный, разлохмаченный. Новый мундиръ его былъ весь въ мѣлу, одна погона глядѣла въ сторону.

— Я заставлю тебя играть, шулеръ!—кричалъ капитанъ, неистово махая кіемъ и утирая со лба потъ. — Я научу тебя, протобестія, какъ играть съ порядочными людьми!

— Поглядика-сь, дура! — зашепталъ Меркуловъ, толкая жену подъ локоть и хихикая. — Сейчасъ видать благороднаго. Купецъ ежели что сопьетъ для своего мужицкаго рыла, такъ и спосу нѣтъ, лѣтъ десять таскаетъ, а этотъ ужъ истрепалъ мундиръ! Хоть новый шей!

— Поди попроси у него деньги!—сказала Аксинья.—Поди!

— Что ты, дура! На улицѣ? И ни-ни...

Какъ ни противился Меркуловъ, но жена заставила его подойти къ разсвирѣпѣвшему капитану и заговорить о деньгахъ.

— Пошелъ вонъ! — отвѣтилъ ему капитанъ.—Ты мнѣ надоѣлъ!

— Я, ваше благородіе, понимаю-съ... Я ничего-съ... но жена... неразумная тварь... Сами знаете, какой умъ въ головѣ у ихняго бабьяго званія...

— Ты мнѣ надоѣлъ, говорятъ тебѣ!—взревѣлъ капитанъ, таращa на него пьяные, мутные глаза.—Пошелъ прочь!

— Понимаю, ваше благородіе! Но я касательно бабы, потому, изволите знать, деньги-то коровьи... Отцу Іудѣ корову продали...

— Ааа... ты еще разговаривать, тля!

Капитанъ размахнулся и — трахъ! Со спины Меркулова посыпался уголь, изъ глазъ — искры, изъ рукъ выпала шапка... Аксинья обомлѣла. Минуту стояла она неподвижно, какъ Лотова жена, обращенная въ соляной столбъ, потомъ зашла впередъ и робко взглянула на лицо мужа... Къ ея великому удивленію, на лицѣ Меркулова плавала блаженная улыбка, на смѣющихся глазахъ блестѣли слезы...

— Сейчасъ видать настоящихъ господъ! — бормоталъ онъ.—Люди деликатные, образованные... Точь-въ-точь бывало... по самому этому мѣсту, когда носилъ шубу къ барону Шпуцелю, Эдуарду Карлычу... Размахнулись и—трахъ! И господинъ подпоручикъ Зембулатовъ тоже... Пришелъ къ нимъ, а они вскочили и изо всей мочи... Эхъ, прошло, жена, мое время! Не понимаешь ты ничего! Прошло мое время!

Меркуловъ махнулъ рукой и, собравъ уголь, побрелъ домой.

ЖИВАЯ ХРОНОЛОГІЯ.

Гостиная статскаго совѣтника Шарамыкина окутана пріятнымъ полумракомъ. Большая бронзовая лампа съ зеленымъ абажуромъ краситъ въ зелень à la «украинская ночь» стѣны, мебель, лица... Изрѣдка въ потухающемъ каминѣ вспыхиваетъ тлѣющее полѣно и на мгновеніе заливаетъ лица цвѣтомъ пожарнаго зарева; но это не портитъ общей свѣтовой гармоніи. Общій тонъ, какъ говорятъ художники, выдержанъ.

Передъ каминомъ въ креслѣ, въ позѣ только что пообѣдавшаго человѣка, сидитъ самъ Шарамыкинъ, пожилой господинъ съ сѣдыми чиновничьими бакенами и съ кроткими голубыми глазами. По лицу его разлита нѣжность, губы сложены въ грустную улыбку. У его ногъ, протянувъ къ камину ноги и лѣниво потягиваясь, сидитъ на скамеечкѣ вице-губернаторъ Лопневъ, бравый мужчина, лѣтъ сорока. Около піанино возятся дѣти Шарамыкина: Нина, Коля, Надя и Ваня. Изъ слегка отворенной двери, ведущей въ кабинетъ г-жи Шарамыкиной, робко пробивается свѣтъ. Тамъ за дверью, за своимъ письменнымъ столомъ сидитъ жена Шарамыкина, Анна Павловна, предсѣдательница мѣстнаго дамскаго комитета, живая и пикантная дамочка, лѣтъ

тридцати съ хвостикомъ. Ея черные, бойкіе глазки бѣгаютъ сквозь пенснэ по страницамъ французскаго романа. Подъ романомъ лежитъ растрепанный комитетскій отчетъ за прошлый годъ.

— Прежде нашъ городъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе,—говоритъ Шарамыкинъ, щуря свои кроткіе глаза на тлѣющіе уголья. — Ни одной зимы не проходило безъ того, чтобы не пріѣзжала какая-нибудь звѣзда. Бывали и знаменитые актеры, и пѣвцы, а нынче... чортъ знаетъ что! кромѣ фокусниковъ да шарманщиковъ никто не наѣзжаетъ. Никакого эстетическаго удовольствія... Живемъ, какъ въ лѣсу. Да-съ... А помните, ваше превосходительство, того итальянскаго трагика... какъ его?... еще такой брюнетъ, высокій... Дай Богъ память... Ахъ, да! Луиджи-Эрнесто-де-Руджіеро... Талантъ замѣчательный... Сила! Одно слово скажетъ, бывало, и театръ ходоромъ ходитъ. Моя Анюточка принимала большое участіе въ его талантѣ. Она ему и театръ выхлопотала, и билеты на десять спектаклей распродала... Онъ ее за это декламаціи и мимикѣ училъ. Душа человѣкъ! Пріѣзжалъ онъ сюда... чтобъ не соврать... лѣтъ двѣнадцать тому назадъ... Нѣтъ, вру... Меньше, лѣтъ десять... Анюточка, сколько нашей Нинѣ лѣтъ?

— Десятый годъ!—кричитъ изъ своего кабинета Анна Павловна.—А что?

— Ничего, мамочка, это я такъ... И пѣвцы хорошіе пріѣзжали, бывало... Помните вы tenore di grazia Прилипчина? Что за душа человѣкъ! Что за наружность! Блондинъ... лицо этакое выразительное, манеры парижскія... А что за голосъ, ваше превосходительство! Одна только бѣда: нѣкоторыя ноты желудкомъ пѣлъ и «ре» фистулой бралъ, а то все хорошо. У Тамберлика, говорилъ, учился... Мы съ Анюточкой выхлопотали ему залу въ общественномъ собраніи и въ благодарность за это онъ, бывало, намъ цѣлые дни и ночи распѣвалъ... Анюточку пѣть училъ... Пріѣзжалъ

онъ, какъ теперь помню, въ великомъ посту, лѣтъ... лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Нѣтъ, больше... Вотъ память, прости Господи! Анюточка, сколько нашей Надечкѣ лѣтъ?

— Двѣнадцать!

— Двѣнадцать... ежели прибавить десять мѣсяцевъ... Ну, такъ и есть... тринадцать!.. Прежде у насъ въ городѣ какъ-то и жизни больше было... Взять къ примѣру хоть благотворительные вечера. Какіе прекрасные бывали у насъ прежде вечера. Что за прелесть! И поютъ, и играютъ, и читаютъ... Послѣ войны, помню, когда здѣсь плѣнные турки стояли, Анюточка дѣлала вечеръ въ пользу раненыхъ. Собрали тысячу сто рублей... Турки-офицеры, помню, безъ ума были отъ Анюточкина голоса и все ей руку цѣловали. Хе, хе... Хоть и азіаты, а признательная нація. Вечеръ до того удался, что я, вѣрите-ли, въ дневникъ записалъ. Это было, какъ теперь помню, въ... семьдесять шестомъ... нѣтъ! Въ семьдесятъ седьмомъ.. Нѣтъ! Позвольте, когда у насъ турки стояли? Анюточка, сколько нашему Колечкѣ лѣтъ?

— Мнѣ, папа, семь лѣтъ!—говоритъ Коля, черномазый мальчуганъ съ смуглымъ лицомъ и черными, какъ уголь, волосами.

— Да, постарѣли и энергіи той ужъ нѣтъ!.. соглашается Лопневъ, вздыхая.—Вотъ гдѣ причина... Старость, батенька! Новыхъ иниціаторовъ нѣтъ, а старые состарились... Нѣтъ ужъ того огня. Я, когда былъ помоложе, не любилъ, чтобъ общество скучало... Я былъ первымъ помощникомъ вашей Анны Павловны... Вечеръ-ли съ благотворительною цѣлью устроить, лотерею ли, пріѣзжую-ли знаменитость поддержать — все бросалъ и начиналъ хлопотать. Одну зиму, помню, я до того захлопотался и набѣгался, что даже заболѣлъ... Не забыть мнѣ этой зимы!.. Помните, какой спектакль сочинили мы съ вашей Анной Павловной въ пользу погорѣльцевъ?

— Да это въ какомъ году было?

— Не очень давно... Въ семьдесятъ девятомъ... Нѣтъ, въ восьмидесятомъ, кажется! Позвольте, сколько вашему Ванѣ лѣтъ?

— Пять!—кричитъ изъ кабинета Анна Павловна.

— Ну, стало-быть, это было шесть лѣтъ тому назадъ... Да-съ, батенька, были дѣла! Теперь ужъ не то! Нѣтъ того огня!

Лопневъ и Шарамыкинъ задумываются. Тлѣющее полѣно вспыхиваетъ въ послѣдній разъ и подергивается пепломъ.

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАКЪ.

(Святочный разсказъ).

Въ ночь подъ Рождество Ефимъ Ѳомичъ Перекладинъ, коллежскій секретарь, легъ спать обиженный и даже оскорбленный.

— Отвяжись ты, нечистая сила!—рявкнулъ онъ со злобой на жену, когда та спросила, отчего онъ такой хмурый.

Дѣло въ томъ, что онъ только-что вернулся изъ гостей, гдѣ сказано было много непріятныхъ и обидныхъ для него вещей. Сначала заговорили о пользѣ образованія вообще, потомъ же незамѣтно перешли къ образовательному цензу служащей братіи, причемъ было высказано много сожалѣній, упрековъ и даже насмѣшекъ по поводу низкаго уровня. И тутъ, какъ это водится во всѣхъ россійскихъ компаніяхъ, съ общихъ матерій перешли къ личностямъ.

— Взять, напримѣръ, хоть васъ, Ефимъ Ѳомичъ,—обратился къ Перекладину одинъ юноша. — Вы занимаете приличное мѣсто... а какое образованіе вы получили?

— Никакого-съ. Да у насъ образованіе и не требуется,— кротко отвѣтилъ Перекладинъ. — Пиши правильно, вотъ и все...

— Гдѣ же это вы правильно писать-то научились?

— Привыкъ-съ... За сорокъ лѣтъ службы можно руку набить-съ... Оно, конечно, спервоначалу трудно было, дѣлывалъ ошибки, но потомъ привыкъ-съ... и ничего...

— А знаки препинанія?

— И знаки препинанія ничего... Правильно ставлю.

— Гм!.. сконфузился юноша.—Но привычка совсѣмъ не то, что образованіе. Мало того, что вы знаки препинанія правильно ставите... мало-съ! Нужно сознательно ставить! Вы ставите запятую и должны сознавать, для чего ее ставите... да-съ! А это ваше безсознательное... рефлекторное правописаніе и гроша не стóитъ. Это машинное производство и больше ничего.

Перекладинъ смолчалъ и даже кротко улыбнулся (юноша былъ сынъ статскаго совѣтника и самъ имѣлъ право на чинъ X класса), но теперь, ложась спать, онъ весь обратился въ негодованіе и злобу.

«Сорокъ лѣтъ служилъ,—думалъ онъ,—и никто меня дуракомъ не назвалъ, а тутъ, поди ты, какіе критики нашлись! «Безсознательно!.. Лефректорно! Машинное производство»... Ахъ, ты, чортъ тебя возьми! Да я еще, можетъ быть, больше тебя понимаю, даромъ что въ твоихъ университетахъ не былъ!»

Изливъ мысленно по адресу критика всѣ извѣстныя ему ругательства и согрѣвшись подъ одѣяломъ, Перекладинъ сталъ успокоиваться.

«Я знаю... понимаю... думалъ онъ, засыпая.—Не поставлю тамъ двоеточія, гдѣ запятую нужно, стало-быть, сознаю, понимаю. Да... Такъ-то, молодой человѣкъ... Сначала пожить нужно, послужить, а потомъ ужъ стариковъ судить»...

Въ закрытыхъ глазахъ засыпавшаго Перекладина сквозь толпу темныхъ, улыбавшихся облаковъ метеоромъ пролетѣла огненная запятая. За ней другая, третья, и скоро весь безграничный, темный фонъ, разстилавшійся передъ его воображеніемъ, покрылся густыми толпами летавшихъ запятыхъ...

«Хоть эти запятыя взять... думалъ Перекладинъ, чувствуя, какъ его члены сладко нѣмѣютъ отъ наступавшаго сна. — Я ихъ отлично понимаю... Для каждой могу мѣсто найти, ежели хочешь... и... и сознательно, а не зря... Экзаменуй, и увидишь... Запятыя ставятся въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ надо, гдѣ и не надо. Чѣмъ путаннѣе бумага выходитъ, тѣмъ больше запятыхъ нужно. Ставятся онѣ передъ «который» и передъ «что». Ежели въ бумагѣ перечислять чиновниковъ, то каждаго изъ нихъ надо запятой отдѣлять... Знаю!»

Золотыя запятыя завертѣлись и унеслись въ сторону. На ихъ мѣсто прилетѣли огненныя точки...

«А точка въ концѣ бумаги ставится... Гдѣ нужно большую передышку сдѣлать и на слушателя взглянуть, тамъ тоже точка. Послѣ всѣхъ длинныхъ мѣстъ нужно точку, чтобъ секретарь, когда будетъ читать, слюной не истекъ. Больше же нигдѣ точка не ставится...»

Опять налетаютъ запятыя... Онѣ мѣшаются съ точками, кружатся — и Перекладинъ видитъ цѣлое сонмище точекъ съ запятой и двоеточій...

«И этихъ знаю... думаетъ онъ. — Гдѣ запятой мало, а точки много, тамъ надо точку съ запятой. Передъ «но» и «слѣдственно» всегда ставлю точку съ запятой... Ну-съ, а двоеточіе? Двоеточіе ставится послѣ словъ «постановили», «рѣшили»...

Точки съ запятой и двоеточія потухли. Наступила очередь вопросительныхъ знаковъ. Эти выскочили изъ облаковъ и заканканировали...

«Эка невидаль: знакъ вопросительный! Да хоть тысяча ихъ, всѣмъ мѣсто найду. Ставятся они всегда, когда запросъ нужно дѣлать, или, положимъ, о бумагѣ справиться... «Куда отнесенъ остатокъ суммъ за такой-то годъ?» или — «Не найдетъ ли Полицейское Управленіе возможнымъ оную Иванову и проч.?..»

Вопросительные знаки одобрительно закивали своими крючками и моментально, словно по командѣ, вытянулись въ знаки восклицательные...

«Гм!.. Этотъ знакъ препинанія въ письмахъ часто ставится. «Милостивый государь мой!» или «Ваше превосходительство, отецъ и благодѣтель!...» А въ бумагахъ когда?

Восклицательные знаки еще больше вытянулись и остановились въ ожиданіи...

«Въ бумагахъ они ставятся, когда... тово... этого... какъ его? Гм!.. Въ самомъ дѣлѣ, когда же ихъ въ бумагахъ ставятъ? Постой... дай Богъ память... Гм!..»

Перекладинъ открылъ глаза и повернулся на другой бокъ. Но не успѣлъ онъ вновь закрыть глаза, какъ на темномъ фонѣ опять появились восклицательные знаки.

«Чортъ ихъ возьми... Когда же ихъ ставить нужно?—подумалъ онъ, стараясь выгнать изъ своего воображенія непрошенныхъ гостей.—Неужели забылъ? Или забылъ, или же... никогда ихъ не ставилъ...»

Перекладинъ сталъ припоминать содержаніе всѣхъ бумагъ, которыя онъ написалъ за сорокъ лѣтъ своего служенія; но какъ онъ ни думалъ, какъ ни морщилъ лобъ, въ своемъ прошломъ онъ не нашелъ ни одного восклицательнаго знака.

«Что за оказія! Сорокъ лѣтъ писалъ и ни разу восклицательнаго знака не поставилъ... Гм!.. Но когда же онъ, чортъ длинный, ставится?»

Изъ-за ряда огненныхъ восклицательныхъ знаковъ показалась ехидно смѣющаяся рожа юноши-критика. Сами знаки улыбнулись и слились въ одинъ большой восклицательный знакъ.

Перекладинъ встряхнулъ головой и открылъ глаза.

«Чортъ знаетъ что... подумалъ онъ. — Завтра къ утрени вставать надо, а у меня это чертобѣсіе изъ головы не выходитъ... Тьфу! Но... когда же онъ ставится? Вотъ тебѣ и

привычка! Вотъ тебѣ и набилъ руку! За сорокъ лѣтъ ни одного восклицательнаго! А?»

Перекладинъ перекрестился и закрылъ глаза, но тотчасъ же открылъ ихъ; на темномъ фонѣ все еще стоялъ большой знакъ...

«Тьфу! Этакъ всю ночь не уснешь».—Марѳуша! - обратился онъ къ своей женѣ, которая часто хвасталась тѣмъ, что кончила курсъ въ пансіонѣ. — Ты не знаешь-ли, душенька, когда въ бумагахъ ставится восклицательный знакъ?

— Еще бы не знать! Недаромъ въ пансіонѣ семь лѣтъ училась. Наизусть всю грамматику помню. Этотъ знакъ ставится при обращеніяхъ, восклицаніяхъ и при выраженіяхъ восторга, негодованія, радости, гнѣва и прочихъ чувствъ.

«Тэкъ-съ... подумалъ Перекладинъ.—Восторгъ, негодованіе, радость, гнѣвъ и прочія чувства...»

Коллежскій секретарь задумался... Сорокъ лѣтъ писалъ онъ бумаги, написалъ онъ ихъ тысячи, десятки тысячъ, но не помнитъ ни одной строки, которая выражала бы восторгъ, негодованіе или что-нибудь въ этомъ родѣ...

«И прочія чувства... думалъ онъ. — Да нешто въ бумагахъ нужны чувства? Ихъ и безчувственный писать можетъ...»

Рожа юноши-критика опять выглянула изъ-за огненнаго знака и ехидно улыбнулась. Перекладинъ поднялся и сѣлъ на кровати. Голова его болѣла, на лбу выступилъ холодный потъ... Въ углу ласково теплилась лампадка, мебель глядѣла празднично, чистенько, отъ всего такъ и вѣяло тепломъ и присутствіемъ женской руки, но бѣдному чиновнѣ было холодно, неуютно, точно онъ заболѣлъ тифомъ. Знакъ восклицательный стоялъ уже не въ закрытыхъ глазахъ, а передъ нимъ, въ комнатѣ, около женина туалета и насмѣшливо мигалъ ему...

— Пишущая машина! Машина! шептало привидѣніе, дуя

на чиновника сухимъ холодомъ.—Деревяжка безчувственная!

Чиновникъ укрылся одѣяломъ, но и подъ одѣяломъ онъ увидѣлъ привидѣніе, прильнулъ лицомъ къ женину плечу и изъ-за плеча торчало то же самое... Всю ночь промучился бѣдный Перекладинъ, но и днемъ не оставило его привидѣніе. Онъ видѣлъ его всюду: въ надѣваемыхъ сапогахъ, въ блюдечкѣ съ чаемъ, въ Станиславѣ...

«И прочія чувства... думалъ онъ.—Это правда, что никакихъ чувствъ не было... Пойду сейчасъ къ начальству расписываться... а развѣ это съ чувствами дѣлается? Такъ, зря... Поздравительная машина...»

Когда Перекладинъ вышелъ на улицу и крикнулъ извозчика, то ему показалось, что вмѣсто извозчика подкатилъ восклицательный знакъ.

Придя въ переднюю начальника, онъ вмѣсто швейцара увидѣлъ тотъ же знакъ... И все это говорило ему о восторгѣ, негодованіи, гнѣвѣ... Ручка съ перомъ тоже глядѣла восклицательнымъ знакомъ. Перекладинъ взялъ ее, обмакнулъ перо въ чернила и расписался:

«Коллежскій секретарь Ефимъ Перекладинъ!!!»

И ставя эти три знака, онъ восторгался, негодовалъ, радовался, кипѣлъ гнѣвомъ.

— На тебѣ! На тебѣ!—бормоталъ онъ, надавливая на перо.

Огненный знакъ удовлетворился и исчезъ.

НУ, ПУБЛИКА!

— Шабашъ, не буду больше пить! Ни... ни за что! Пора ужъ за умъ взяться. Надо работать, трудиться... Любишь жалованье получать, такъ работай честно, усердно, по совѣсти, пренебрегая покоемъ и сномъ. Баловство брось... Привыкъ, братъ, задаромъ жалованье получать, а это вотъ и не хорошо... и не хорошо...

Прочитавъ себѣ нѣсколько подобныхъ нравоученій, оберъ-кондукторъ Подтягинъ начинаетъ чувствовать непреодолимое стремленіе къ труду. Уже второй часъ ночи, но, несмотря на это, онъ будитъ кондукторовъ и вмѣстѣ съ ними идетъ по вагонамъ контролировать билеты.

— Ваши... билеты! — выкрикиваетъ онъ, весело пощелкивая щипчиками.

Сонныя фигуры, окутанныя вагоннымъ полумракомъ, вздрагиваютъ, встряхиваютъ головами и подаютъ свои билеты.

— Ваши... билеты! — обращается Подтягинъ къ пассажиру II класса, тощему, жилистому человѣку, окутанному въ шубу и одѣяло и окруженному подушками. — Ваши... билеты!

Жилистый человѣкъ не отвѣчаетъ. Онъ погруженъ въ сонъ. Оберъ-кондукторъ трогаетъ его за плечо и нетерпѣливо повторяетъ:

— Ваши... билеты!

Пассажиръ вздрагиваетъ, открываетъ глаза и съ ужасомъ глядитъ на Подтягина.

— Что? Кто? а?

— Вамъ говорятъ по-человѣчески: ваши... билеты! Па-а-трудитесь!

— Боже мой! — стонетъ жилистый человѣкъ, дѣлая плачущее лицо.—Господи, Боже мой! Я страдаю ревматизмомъ... три ночи не спалъ, нарочно морфію принялъ, чтобъ уснуть, а вы... съ билетомъ! Вѣдь это безжалостно, безчеловѣчно! Если бы вы знали, какъ трудно мнѣ уснуть, то не стали бы безпокоить меня такой чепухой... Безжалостно, нелѣпо! И на что вамъ мой билетъ понадобился? Глупо даже!

Подтягинъ думаетъ, обидѣться ему, или нѣтъ, — и рѣшаетъ обидѣться.

— Вы здѣсь не кричите! Здѣсь не кабакъ!—говоритъ онъ.

— Да въ кабакѣ люди человѣчнѣй... — кашляетъ пассажиръ.—Изволь я теперь уснуть во второй разъ! И удивительное дѣло: всю заграницу объѣздилъ и никто у меня тамъ билета не спрашивалъ, а тутъ, словно чортъ ихъ подъ локоть толкаетъ, то и дѣло, то и дѣло!..

— Ну, и поѣзжайте за границу, ежели вамъ тамъ нравится!

— Глупо, сударь! Да! Мало того, что морятъ пассажировъ угаромъ, духотой и сквознякомъ, такъ хотятъ еще, чортъ ее подери, формалистикой добить. Билетъ ему понадобился! Скажите, какое усердіе! Добро бы это для контроля дѣлалось, а то вѣдь половина поѣзда безъ билетовъ ѣдетъ!

— Послушайте, господинъ! — вспыхиваетъ Подтягинъ.— И ежели вы не перестанете кричать и безпокоить публику, то я принужденъ буду высадить васъ на станціи и составить актъ объ этомъ фактѣ!

— Это возмутительно! — негодуетъ публика. — Пристаетъ къ больному человѣку! Послушайте, да имѣйте же сожалѣніе!

— Да вѣдь они сами ругаются! — труситъ Подтягинъ.— Хорошо, я не возьму билета... Какъ угодно... Только вѣдь, сами знаете, служба моя этого требуетъ... Ежели бъ не служба, то, конечно... Можете даже начальника станціи спросить... Кого угодно спросите...

Подтягинъ пожимаетъ плечами и отходитъ отъ больного. Сначала онъ чувствуетъ себя обиженнымъ и нѣсколько третированнымъ, потомъ же, пройдя вагона два—три, онъ начинаетъ ощущать въ своей оберъ-кондукторской груди нѣкоторое безпокойство, похожее на угрызенія совѣсти.

«Дѣйствительно, не нужно было будить больного, — думаетъ онъ. — Впрочемъ, я не виноватъ... Они тамъ думаютъ, что это я съ жиру, отъ нечего дѣлать, а того не знаютъ, что этого служба требуетъ... Ежели они не вѣрятъ, такъ я могу къ нимъ начальника станціи привести».

Станція. Поѣздъ стоитъ пять минутъ. Передъ третьимъ звонкомъ въ описанный вагонъ II класса входитъ Подтягинъ. За нимъ шествуетъ начальникъ станціи, въ красной фуражкѣ.

— Вотъ этотъ господинъ,—начинаетъ Подтягинъ,—говорятъ, что я не имѣю полнаго права спрашивать съ нихъ билетъ, и... и обижаются. Прошу васъ, господинъ начальникъ станціи, объяснить имъ — по службѣ я требую билетъ, или зря? Господинъ,—обращается Подтягинъ къ жилистому человѣку. — Господинъ! Можете вотъ начальника станціи спросить, ежели мнѣ не вѣрите.

Больной вздрагиваетъ, словно ужаленный, открываетъ глаза и, сдѣлавъ плачущее лицо, откидывается на спинку дивана.

— Боже мой! Принялъ другой порошокъ и только что задремалъ, какъ онъ опять... опять! Умоляю васъ, имѣйте вы сожалѣніе!

— Вы можете поговорить вотъ съ господиномъ началь-

никомъ станціи... Имѣю я полное право билетъ спрашивать, или нѣтъ?

— Это невыносимо! Нате вамъ вашъ билетъ! Нате! Я куплю еще пять билетовъ, только дайте мнѣ умереть спокойно! Неужели вы сами никогда не были больны? Безчувственный народъ!

— Это просто издѣвательство!—негодуетъ какой-то господинъ въ военной формѣ.—Иначе я не могу понять этого приставанья!

— Оставьте... — морщится начальникъ станціи, дергая Подтягина за рукавъ.

Подтягинъ пожимаетъ плечами и медленно уходитъ за начальникомъ станціи.

«Изволь тутъ угодить!—недоумѣваетъ онъ. — Я для него же позвалъ начальника станціи, чтобъ онъ понималъ, успокоился, а онъ... ругается».

Другая станція. Поѣздъ стоитъ десять минутъ. Передъ вторымъ звонкомъ, когда Подтягинъ стоитъ около буфета и пьетъ сельтерскую воду, къ нему подходятъ два господина, одинъ въ формѣ инженера, другой въ военномъ пальто.

— Послушайте, оберъ-кондукторъ! — обращается инженеръ къ Подтягину. — Ваше поведеніе по отношенію къ больному пассажиру возмутило всѣхъ очевидцевъ. Я инженеръ Пузицкій, это вотъ... господинъ полковникъ. Если вы не извинитесь передъ пассажиромъ, то мы подадимъ жалобу начальнику движенія, нашему общему знакомому.

— Господа, да вѣдь я... да вѣдь вы... — оторопѣлъ Подтягинъ.

— Объясненій намъ не надо. Но предупреждаемъ, если не извинитесь, то мы беремъ пассажира подъ свою защиту.

— Хорошо, я... я, пожалуй, извинюсь... Извольте...

Черезъ полчаса, Подтягинъ, придумавъ извинительную фразу, которая бы удовлетворила пассажира и не умалила его достоинства, входитъ въ вагонъ.

— Господинъ! — обращается онъ къ больному. — Послушайте, господинъ!

Больной вздрагиваетъ и вскакиваетъ.

— Что?

— Я тово... какъ его?.. Вы не обижайтесь...

— Охъ... воды...—задыхается больной, хватаясь за сердце.—Третій порошокъ морфія принялъ, задремалъ и... опять! Боже, когда же, наконецъ, кончится эта пытка!

— Я тово... Вы извините...

— Слушайте... Высадите меня на слѣдующей станціи... Болѣе терпѣть я не въ состояніи... Я... я умираю...

— Это подло, гадко! — возмущается публика. — Убирайтесь вонъ отсюда! Вы поплатитесь за подобное издѣвательство! Вонъ!

Подтягинъ машетъ рукой, вздыхаетъ и выходитъ изъ вагона. Идетъ онъ въ служебный вагонъ, садится изнеможенный за столъ и жалуется:

«Ну, публика! Извольте вотъ ей угодить! Извольте вотъ служить, трудиться! Поневолѣ плюнешь на все и запьешь... Ничего не дѣлаешь—сердятся, начнешь дѣлать—тоже сердятся... Выпить!»

Подтягинъ выпиваетъ сразу полбутылки и больше уже не думаетъ о трудѣ, долгѣ и честности.

ПЕРЕСОЛИЛЪ.

Землемѣръ Глѣбъ Гавриловичъ Смирновъ пріѣхалъ на станцію «Гнилушки». До усадьбы, куда онъ былъ вызванъ для межеванія, оставалось еще проѣхать на лошадяхъ верстъ тридцать—сорокъ. (Ежели возница не пьянъ и лошади не клячи, то и тридцати верстъ не будетъ, а коли возница съ мухой да кони наморены, то цѣлыхъ пятьдесятъ наберется).

— Скажите, пожалуйста, гдѣ я могу найти здѣсь почтовыхъ лошадей?—обратился землемѣръ къ станціонному жандарму.

— Которыхъ? Почтовыхъ? Тутъ за сто верстъ путевой собаки не сыщешь, а не то что почтовыхъ... Да вамъ куда ѣхать?

— Въ Дѣвкино, имѣніе генерала Хохотова.

— Что жъ?—зѣвнулъ жандармъ.— Ступайте за станцію, тамъ на дворѣ иногда бываютъ мужики, возятъ пассажировъ.

Землемѣръ вздохнулъ и поплелся за станцію. Тамъ, послѣ долгихъ поисковъ, разговоровъ и колебаній, онъ нашелъ здоровеннѣйшаго мужика, угрюмаго, рябого, одѣтаго въ рваную сермягу и лапти.

— Чортъ знаетъ, какая у тебя телѣга! — поморщился землемѣръ, влѣзая въ телѣгу.—Не разберешь, гдѣ у нея задъ, гдѣ передъ...

— Что-жъ тутъ разбирать-то? Гдѣ лошадиный хвостъ, тамъ передъ, а гдѣ сидитъ ваша милость, тамъ задъ...

Лошаденка была молодая, но тощая, съ растопыренными ногами и покусанными ушами. Когда возница приподнялся и стегнулъ ее веревочнымъ кнутомъ, она только замотала головой, когда же онъ выбранился и стегнулъ ее еще разъ, то телѣга взвизгнула и задрожала, какъ въ лихорадкѣ. Послѣ третьяго удара телѣга покачнулась, послѣ же четвертаго она тронулась съ мѣста.

— Этакъ мы всю дорогу поѣдемъ?—спросилъ землемѣръ, чувствуя сильную тряску и удивляясь способности русскихъ возницъ соединять тихую, черепашью ѣзду съ душу выворачивающей тряской.

— До-о-ѣдемъ! — успокоилъ возница.—Кобылка молодая, шустрая... Дай ей только разбѣжаться, такъ потомъ и не остановишь... Но-о-о, прокля...тая!

Когда телѣга выѣхала со станціи, были сумерки. Направо отъ землемѣра тянулась темная, замерзшая равнина, безъ конца и краю... Поѣдешь по ней, такъ навѣрно заѣдешь къ чорту на кулички. На горизонтѣ, гдѣ она исчезала и сливалась съ небомъ, лѣниво догорала холодная осенняя заря... Налѣво отъ дороги въ темнѣющемъ воздухѣ высились какіе-то бугры, не то прошлогодніе стоги, не то деревня. Что было впереди, землемѣръ не видѣлъ, ибо съ этой стороны все поле зрѣнія застилала широкая, неуклюжая спина возницы. Было тихо, но холодно, морозно.

«Какая, однако, здѣсь глушь! — думалъ землемѣръ, стараясь прикрыть свои уши воротникомъ отъ шинели.—Ни кола, ни двора. Не ровенъ часъ — нападутъ и ограбятъ, такъ никто и не узнаетъ, хоть изъ пушекъ пали... Да и возница ненадежный... Ишь, какая спинища! Этакое дитя природы пальцемъ тронетъ, такъ душа вонъ! И морда у него звѣрская, подозрительная».

— Эй, милый,—спросилъ землемѣръ.—какъ тебя зовутъ?

— Меня-то? Климъ.

— Что, Климъ, какъ у васъ здѣсь? Не опасно? Не шалятъ?

— Ничего, Богъ миловалъ... Кому жъ шалить?

— Это хорошо, что не шалятъ... Но на всякій случай все-таки я взялъ съ собой три револьвера,—совралъ землемѣръ. — А съ револьверомъ, знаешь, шутки плохи. Съ десятью разбойниками можно справиться...

Стемнѣло. Телѣга вдругъ заскрипѣла, завизжала, задрожала и, словно нехотя, повернула налѣво.

«Куда же это онъ меня повезъ?—подумалъ землемѣръ.— Ѣхалъ все прямо и вдругъ налѣво. Чего добраго, завезетъ, подлецъ, въ какую-нибудь трущобу и.. и... Бываютъ вѣдь случаи!»— Послушай, — обратился онъ къ возницѣ. — Такъ ты говоришь, что здѣсь не опасно? Это жаль... Я люблю съ разбойниками драться... На видъ-то я худой, болѣзненный, а силы у меня, словно у быка... Однажды напало на меня три разбойника... Такъ что жъ ты думаешь? Одного я такъ трахнулъ, что... что, понимаешь, Богу душу отдалъ, а два другіе изъ-за меня въ Сибирь пошли на каторгу. И откуда у меня сила берется, не знаю... Возьмешь одной рукой какого-нибудь здоровилу, въ родѣ тебя, и... и сковырнешь.

Климъ оглянулся на землемѣра, заморгалъ всѣмъ лицомъ и стегнулъ по лошаденкѣ.

— Да, братъ... — продолжалъ землемѣръ. — Не дай Богъ со мной связаться. Мало того, что разбойникъ безъ рукъ, безъ ногъ останется, но еще и передъ судомъ отвѣтитъ... Мнѣ всѣ судьи и исправники знакомы. Человѣкъ я казенный, нужный... Я вотъ ѣду, а начальству извѣстно... такъ и глядятъ, чтобъ мнѣ кто-нибудь худа не сдѣлалъ. Вездѣ по дорогѣ за кустиками урядники да сотскіе попатыканы... По... по... постой!—заоралъ вдругъ землемѣръ. — Куда же это ты въѣхалъ? Куда ты меня везешь?

— Да нешто не видите? Лѣсъ!

«Дѣйствительно, лѣсъ... — подумалъ землемѣръ.—А я-то испугался! Однако, не нужно выдавать своего волненія... Онъ уже замѣтилъ, что я трушу. Отчего это онъ сталъ такъ часто на меня оглядываться? Навѣрное замышляетъ что-нибудь... Раньше ѣхалъ еле-еле, нога за ногу, а теперь ишь какъ мчится!»

— Послушай, Климъ, зачѣмъ ты такъ гонишь лошадь?

— Я ее не гоню. Сама разбѣжалась... Ужъ какъ разбѣжится, такъ никакимъ средствіемъ ее не остановишь... И сама она не рада, что у ней ноги такія.

— Врешь, братъ! Вижу, что врешь! Только я тебѣ не совѣтую такъ быстро ѣхать. Попридержи-ка лошадь... Слышишь? Попридержи!

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ... затѣмъ, что за мной со станціи должны выѣхать четыре товарища. Надо, чтобъ они насъ догнали... Они обѣщали догнать меня въ этомъ лѣсу... Съ ними веселѣй будетъ ѣхать... Народъ здоровый, коренастый... у каждаго по пистолету... Что это ты все оглядываешься и движешься, какъ на иголкахъ? а? Я, братъ, тово... братъ... На меня нечего оглядываться... интереснаго во мнѣ ничего нѣтъ... Развѣ вотъ револьверы только... Изволь, если хочешь, я ихъ выну, покажу... Изволь...

Землемѣръ сдѣлалъ видъ, что роется въ карманахъ, и въ это время случилось то, чего онъ не могъ ожидать при всей своей трусости. Климъ вдругъ вывалился изъ телѣги и на четвереренькахъ побѣжалъ къ чащѣ.

— Караулъ!—заголосилъ онъ.—Караулъ! Бери, окаянный, и лошадь, и телѣгу, только не губи ты моей души! Караулъ!

Послышались скорые, удаляющіеся шаги, трескъ хвороста — и все смолкло... Землемѣръ, не ожидавшій такого реприманда, первымъ дѣломъ остановилъ лошадь, потомъ усѣлся поудобнѣй на телѣгѣ и сталъ думать.

«Убѣжалъ... испугался, дуракъ... Ну, какъ теперь быть? Самому продолжать путь нельзя, потому что дороги не знаю, да и могутъ подумать, что я у него лошадь укралъ.. Какъ быть?»—Климъ! Климъ!

— Климъ!..—отвѣтило эхо.

Отъ мысли, что ему всю ночь придется просидѣть въ темномъ лѣсу на холодѣ и слышать только волковъ, эхо да фырканье тощей кобылки, землемѣра стало коробить вдоль спины, словно холоднымъ терпугомъ.

— Климушка!—закричалъ онъ.—Голубчикъ! Гдѣ ты, Климушка?

Часа два кричалъ землемѣръ, и только послѣ того, какъ онъ охрипъ и помирился съ мыслью о ночевкѣ въ лѣсу, слабый вѣтерокъ донесъ до него чей-то стонъ.

— Климъ! Это ты, голубчикъ? Поѣдемъ!

— У...убьешь!

— Да я пошутилъ, голубчикъ! Накажи меня Господь, пошутилъ! Какіе у меня револьверы? Это я отъ страха вралъ! Сдѣлай милость, поѣдемъ! Мерзну!

Климъ, сообразивъ, вѣроятно, что настоящій разбойникъ давно бы ужъ исчезъ съ лошадью и телѣгой, вышелъ изъ лѣсу и нерѣшительно подошелъ къ своему пассажиру.

— Ну, чего, дура, испугался? Я... я пошутилъ, а ты испугался... Садись!

— Богъ съ тобой, баринъ,—проворчалъ Климъ, влѣзая въ телѣгу.—Если бъ зналъ, и за сто цѣлковыхъ не повезъ бы. Чуть я не померъ отъ страха...

Климъ стегнулъ по лошаденкѣ. Телѣга задрожала. Климъ стегнулъ еще разъ, и телѣга покачнулась. Послѣ четвертаго удара, когда телѣга тронулась съ мѣста, землемѣръ закрылъ уши воротникомъ и задумался. Дорога и Климъ ему уже не казались опасными.

НАЛИМЪ.

Лѣтнее утро. Въ воздухѣ тишина; только поскрипываетъ на берегу кузнечикъ, да гдѣ-то робко мурлыкаетъ орличка. На небѣ неподвижно стоятъ перистыя облака, похожія на разсыпанный снѣгъ... Около строящейся купальни, подъ зелеными вѣтвями ивняка, барахтается въ водѣ плотникъ Герасимъ, высокій, тощій мужикъ съ рыжей курчавой головой и съ лицомъ, поросшимъ волосами. Онъ пыхтитъ, отдувается и, сильно мигая глазами, старается достать что-то изъ-подъ корней ивняка. Лицо его покрыто потомъ. На сажень отъ Герасима, по горло въ водѣ, стоитъ плотникъ Любимъ, молодой горбатый мужикъ съ треугольнымъ лицомъ и съ узкими, китайскими глазками. Какъ Герасимъ, такъ и Любимъ, оба въ рубахахъ и портахъ. Оба посинѣли отъ холода, потому что ужъ больше часа сидятъ въ водѣ...

— Да что ты все рукой тычешь? — кричитъ горбатый Любимъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ. — Голова ты садовая! Ты держи его, держи, а то уйдетъ, анаѳема! Держи, говорю!

— Не уйдетъ... Куда ему уйтить? Онъ подъ корягу забился... — говоритъ Герасимъ охрипшимъ, глухимъ басомъ, идущимъ не изъ гортани, а изъ глубины живота. — Скользкій, шутъ, и ухватить не за что.

— Ты за зебры хватай, за зебры!

— Не видать жабровъ-то... Постой, ухватилъ за что-то... За губу ухватилъ... Кусается, шутъ!

— Не тащи за губу, не тащи — выпустишь! За зебры хватай его, за зебры хватай! Опять началъ рукой тыкать! Да и безпонятный же мужикъ, прости Царица Небесная! Хватай!

— «Хватай»...—дразнитъ Герасимъ.—Командеръ какой нашелся... Шелъ бы да и хваталъ бы самъ, горбатый чортъ... Чего стоишь?

— Ухватилъ бы я, коли бъ можно было... Нешто при моей низкой комплекцыи можно подъ берегомъ стоять? Тамъ глыбоко!

— Ничего, что глыбоко... Ты вплавь...

Горбачъ взмахиваетъ руками, подплываетъ къ Герасиму и хватается за вѣтки. При первой же попыткѣ стать на ноги, онъ погружается съ головой и пускаетъ пузыри.

— Говорилъ же, что глыбоко! — говоритъ онъ, сердито вращая бѣлками.—На шею тебѣ сяду, что ли?

— А ты на корягу стань... Корягъ много, словно лѣстница...

Горбачъ нащупываетъ пяткой корягу и, крѣпко ухватившись сразу за нѣсколько вѣтокъ, становится на нее... Совладавши съ равновѣсіемъ и укрѣпившись на новой позиціи, онъ изгибается и, стараясь не набрать въ ротъ воды, начинаетъ правой рукой шарить между корягами. Путаясь въ водоросляхъ, скользя по мху, покрывающему коряги, рука его наскакиваетъ на колючія клешни рака...

— Тебя еще тутъ, чорта, не видали!—говоритъ Любимъ и со злобой выбрасываетъ на берегъ рака.

Наконецъ, рука его нащупываетъ руку Герасима и, спускаясь по ней, доходитъ до чего-то склизкаго, холоднаго.

— Во-отъ онъ!.. — улыбается Любимъ. — Зда-аровый, шутъ... Оттопырь-ка пальцы, я его сичасъ... за зебры... По-

стой, не толкай локтемъ... я его сичасъ... сичасъ, дай только взяться... Далече, шутъ, подъ корягу забился, не за что и ухватиться... Не доберешься до головы... Пузо одно только и слыхать... Убей мнѣ на шеѣ комара—жжетъ! Я сичасъ... подъ зебры его... Заходи сбоку, пхай его, пхай! Шпыняй его пальцемъ!

Горбачъ, надувъ щеки, притаивъ дыханіе, вытаращиваетъ глаза и, повидимому, уже залѣзаетъ пальцами «подъ зебры», но тутъ вѣтки, за которыя цѣпляется его лѣвая рука, обрываются, и онъ, потерявъ равновѣсіе, — бултыхъ въ воду! Словно испуганные, бѣгутъ отъ берега волнистые круги и на мѣстѣ паденія вскакиваютъ пузыри. Горбачъ выплываетъ и, фыркая, хватается за вѣтки.

— Утонешь еще, чортъ, отвѣчать за тебя придется!.. — хрипитъ Герасимъ. — Вылазь, ну тя къ лѣшему! Я самъ вытащу!

Начинается ругань... А солнце печетъ и печетъ. Тѣни становятся короче и уходятъ въ самихъ себя, какъ рога улитки... Высокая трава, пригрѣтая солнцемъ, начинаетъ испускать изъ себя густой, приторно-медовый запахъ. Ужъ скоро полдень, а Герасимъ и Любимъ все еще барахтаются подъ ивнякомъ. Хриплый басъ и озябшій, визгливый теноръ неугомонно нарушаютъ тишину лѣтняго дня.

— Тащи его за зебры, тащи! Постой, я его выпихну! Да куда суешься-то съ кулачищемъ? Ты пальцемъ, а не кулакомъ—рыло! Заходи сбоку! Слѣва заходи, слѣва, а то вправѣ колдобина! Угодишь къ лѣшему на ужинъ! Тяни за губу!

Слышится хлопанье бича... По отлогому берегу къ водопою лѣниво плетется стадо, гонимое пастухомъ Ефимомъ. Пастухъ, дряхлый старикъ съ однимъ глазомъ и покривившимся ртомъ, идетъ, понуря голову, и глядитъ себѣ подъ ноги. Первыми подходятъ къ водѣ овцы, за ними лошади, за лошадьми коровы.

— Потолкай его изъ-подъ низу! — слышитъ онъ голосъ Любима.—Просунь палецъ! Да ты глухой, чо-ортъ, что ли? Тьфу!

— Кого это вы, братцы?—кричитъ Ефимъ.

— Налима! Никакъ не вытащимъ! Подъ корягу забился! Заходи сбоку! Заходи, заходи!

Ефимъ минуту щуритъ свой глазъ на рыболововъ, затѣмъ снимаетъ лапти, сбрасываетъ съ плечъ мѣшочекъ и снимаетъ рубаху. Сбросить порты не хватаетъ у него терпѣнія, и онъ, перекрестясь, балансируя худыми, темными руками, лѣзетъ въ портахъ въ воду... Шаговъ пятьдесятъ онъ проходитъ по илистому дну, но затѣмъ пускается вплавь.

— Постой, ребятушки!—кричитъ онъ.—Постой! Не вытаскивайте его зря, упустите. Надо умѣючи!..

Ефимъ присоединяется къ плотникамъ, и всѣ трое, толкая другъ друга локтями и колѣнями, пыхтя и ругаясь, толкутся на одномъ мѣстѣ... Горбатый Любимъ захлебывается и воздухъ оглашается рѣзкимъ, судорожнымъ кашлемъ.

— Гдѣ пастухъ?—слышится съ берега крикъ.—Ефи-имъ! Пастухъ! Гдѣ ты? Стадо въ садъ полѣзло! Гони, гони изъ саду! Гони! Да гдѣ жъ онъ, старый разбойникъ?

Слышатся мужскіе голоса, затѣмъ женскій... Изъ-за рѣшётки барскаго сада показывается баринъ Андрей Андреичъ въ халатѣ изъ персидской шали и съ газетой въ рукѣ... Онъ смотритъ вопросительно по направленію криковъ, несущихся съ рѣки, и потомъ быстро сѣменитъ къ купальнѣ...

— Что здѣсь? Кто оретъ?—спрашиваетъ онъ строго, увидавъ сквозь вѣтви ивняка три мокрыя головы рыболововъ.—Что вы здѣсь копошитесь?

— Ры... рыбку ловимъ...—лепечетъ Ефимъ, не поднимая головы.

— А вотъ я тебѣ задамъ рыбку! Стадо въ садъ полѣзло, а онъ рыбку!.. Когда же купальня будетъ готова, черти? Два дня какъ работаете, а гдѣ ваша работа?

— Бу... будетъ готова...—кряхтитъ Герасимъ.—Лѣто велико, успѣешь еще, вашескородіе, помыться... Пфррр... Никакъ вотъ тутъ съ налимомъ не управимся... Забрался подъ корягу и словно въ норѣ: ни туда, ни сюда...

— Налимъ? — спрашиваетъ баринъ и глаза его подергиваются лакомъ.—Такъ тащите его скорѣй!

— Ужо дашь полтинничекъ... Удружимъ ежели... Здоровенный налимъ, что̀ твоя купчиха... Сто̀итъ, вашескородіе, полтинникъ... за труды... Не мни его, Любимъ, не мни, а то замучишь! Подпирай снизу! Тащи-ка корягу кверху, добрый человѣкъ... какъ тебя? Кверху, а не книзу, дьяволъ! Не болтайте ногами!

Проходитъ пять минутъ, десять... Барину становится невтерпежъ.

— Василій! — кричитъ онъ, повернувшись къ усадьбѣ.— Васька! Позовите ко мнѣ Василія!

Прибѣгаетъ кучеръ Василій. Онъ что-то жуетъ и тяжело дышитъ.

— Полѣзай въ воду,—приказываетъ ему баринъ,—помоги имъ вытащить налима... Налима не вытащатъ!

Василій быстро раздѣвается и лѣзетъ въ воду.

— Я сичасъ...—бормочетъ онъ.—Гдѣ налимъ? Я сичасъ... Мы это мигомъ! А ты бы ушелъ, Ефимъ! Нечего тебѣ тутъ, старому человѣку, не въ свое дѣло мѣшаться! Который тутъ налимъ? Я его сичасъ... Вотъ онъ! Пустите руки!

— Да чего пустите руки? Сами знаемъ: пустите руки! А ты вытащи!

— Да нешто его такъ вытащишь? Надо за голову!

— А голова подъ корягой! Знамо дѣло, дуракъ!

— Ну, не лай, а то влетитъ! Сволочь!

— При господинѣ баринѣ и такія слова... — лепечетъ Ефимъ.—Не вытащите вы, братцы! Ужъ больно ловко онъ засѣлъ туда!

— Погодите, я сейчасъ...—говоритъ баринъ и начинаетъ

торопливо раздѣваться. — Четыре васъ дурака, и налима вытащить не можете!

Раздѣвшись, Андрей Андреичъ даетъ себѣ остынуть и лѣзетъ въ воду. Но и его вмѣшательство не ведетъ ни къ чему.

— Подрубить корягу надо! — рѣшаетъ, наконецъ, Любимъ.—Герасимъ, сходи за топоромъ! Топоръ подайте!

— Пальцевъ-то себѣ не отрубите! — говоритъ баринъ, когда слышатся подводные удары топора о корягу.—Ефимъ, пошелъ вонъ отсюда! Постойте, я налима вытащу... Вы не тово...

Коряга подрублена. Ее слегка надламываютъ, и Андрей Андреичъ, къ великому своему удовольствію, чувствуетъ, какъ его пальцы лѣзутъ налиму подъ жабры.

— Тащу, братцы! Не толпитесь... стойте... тащу!

На поверхности показывается большая налимья голова и за нею черное, аршинное тѣло. Налимъ тяжело ворочаетъ хвостомъ и старается вырваться.

— Шалишь... Дудки, братъ. Попался? Ага!

По всѣмъ лицамъ разливается медовая улыбка. Минута проходитъ въ молчаливомъ созерцаніи.

— Знатный налимъ! — лепечетъ Ефимъ, почесывая подъ ключицами.—Чай, фунтовъ десять будетъ...

— Нда...—соглашается баринъ.—Печенка-то такъ и отдувается. Такъ и претъ ее изъ нутра. А... ахъ!

Налимъ вдругъ неожиданно дѣлаетъ рѣзкое движеніе хвостомъ вверхъ и рыболовы слышатъ сильный плескъ... Всѣ растопыриваютъ руки, но уже поздно; налимъ — поминай какъ звали.

ХАМЕЛЕОНЪ.

Черезъ базарную площадь идетъ полицейскій надзиратель Очумѣловъ въ новой шинели и съ узелкомъ въ рукѣ. За нимъ шагаетъ рыжій городовой съ рѣшетомъ, до верху наполненнымъ конфискованнымъ крыжовникомъ. Кругомъ тишина... На площади ни души... Открытыя двери лавокъ и кабаковъ глядятъ на свѣтъ Божій уныло, какъ голодныя пасти; около нихъ нѣтъ даже нищихъ.

— Такъ ты кусаться, окаянная?—слышитъ вдругъ Очумѣловъ.—Ребята, не пущай ее! Нынче не велѣно кусаться! Держи! А... а!

Слышенъ собачій визгъ. Очумѣловъ глядитъ въ сторону и видитъ: изъ дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трехъ ногахъ и оглядываясь, бѣжитъ собака. За ней гонится человѣкъ въ ситцевой крахмальной рубахѣ и разстегнутой жилеткѣ. Онъ бѣжитъ за ней, и, подавшись туловищемъ впередъ, падаетъ на землю и хватаетъ собаку за заднія лапы. Слышенъ вторично собачій визгъ и крикъ: «не пущай!» Изъ лавокъ высовываются сонныя физіономіи

и скоро около дровяного склада, словно изъ земли выросши, собирается толпа.

— Никакъ безпорядокъ, ваше благородіе!.. — говоритъ городовой.

Очумѣловъ дѣлаетъ полуоборотъ налѣво и шагаетъ къ сборищу. Около самыхъ воротъ склада, видитъ онъ, стоитъ вышеписанный человѣкъ въ разстегнутой жилеткѣ и, поднявъ вверхъ правую руку, показываетъ толпѣ окровавленный палецъ. На полупьяномъ лицѣ его какъ бы написано: «ужо я сорву съ тебя, шельма!» да и самый палецъ имѣетъ видъ знаменія побѣды. Въ этомъ человѣкѣ Очумѣловъ узнаетъ золотыхъ дѣлъ мастера Хрюкина. Въ центрѣ толпы, растопыривъ переднія ноги и дрожа всѣмъ тѣломъ, сидитъ на землѣ самъ виновникъ скандала—бѣлый борзой щенокъ съ острой мордой и желтымъ пятномъ на спинѣ. Въ слезящихся глазахъ его выраженіе тоски и ужаса.

— По какому это случаю тутъ? — спрашиваетъ Очумѣловъ, врѣзываясь въ толпу. — Почему тутъ? Это ты зачѣмъ палецъ?.. Кто кричалъ?

— Иду я, ваше благородіе, никого не трогаю... — начинаетъ Хрюкинъ, кашляя въ кулакъ. — Насчетъ дровъ съ Митрій Митричемъ, — и вдругъ эта подлая ни съ того, ни съ сего за палецъ... Вы меня извините, я человѣкъ, который работающій... Работа у меня мелкая. Пущай мнѣ заплатятъ, потому — я этимъ пальцемъ, можетъ, недѣлю не пошевельну... Этого, ваше благородіе, и въ законѣ нѣтъ, чтобъ отъ твари терпѣть... Ежели каждый будетъ кусаться, то лучше и не жить на свѣтѣ...

— Гм!.. Хорошо... — говоритъ Очумѣловъ строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого такъ не оставлю. Я покажу вамъ, какъ собакъ распускать! Пора обратить вниманіе на подобныхъ господъ, не желающихъ подчиняться постановленіямъ! Какъ оштрафуютъ его, мерзавца, такъ онъ узнаетъ у меня, что значитъ собака и про-

чій бродячій скотъ! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдыринъ,—обращается надзиратель къ городовому,—узнай, чья это собака, и составляй протоколъ! А собаку истребить надо. Не медля! Она навѣрное бѣшеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говоритъ кто-то изъ толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдыринъ, съ меня пальто... Ужасъ, какъ жарко! Должно полагать, передъ дождемъ... Одного только я не понимаю: какъ она могла тебя укусить?—обращается Очумѣловъ къ Хрюкину.—Нешто она достанетъ до пальца? Она маленькая, а ты вѣдь вонъ какой здоровила! Ты, должно быть, расковырялъ палецъ гвоздикомъ, а потомъ и пришла въ твою голову идея, чтобъ сорвать. Ты вѣдь... извѣстный народъ! Знаю васъ, чертей!

— Онъ, ваше благородіе, цыгаркой ей въ харю для смѣха, а она—не будь дура и тяпни... Вздорный человѣкъ, ваше благородіе!

— Врешь, кривой! Не видалъ, такъ, стало-быть, зачѣмъ врать? Ихъ благородіе умный господинъ и понимаютъ, ежели кто вретъ, а кто по совѣсти, какъ передъ Богомъ... А ежели я вру, такъ пущай мировой разсудитъ. У него въ законѣ сказано... Нынче всѣ равны... У меня у самого братъ въ жандарахъ... ежели хотите знать...

— Не разсуждать!

— Нѣтъ, это не генеральская...—глубокомысленно замѣчаетъ городовой. — У генерала такихъ нѣтъ. У него все больше лягавыя...

— Ты это вѣрно знаешь?

— Вѣрно, ваше благородіе...

— Я и самъ знаю. У генерала собаки дорогія, породистыя, а эта—чортъ знаетъ что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держатъ?!.. Гдѣ же у

васъ умъ? Попадись этакая собака въ Петербургѣ или Москвѣ, то знаете, что было бы? Тамъ не посмотрѣли бы въ законъ, а моментально—не дыши! Ты, Хрюкинъ, пострадалъ и дѣла этого такъ не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А, можетъ-быть, и генеральская... — думаетъ вслухъ городовой.—На мордѣ у ней не написано... Намедни во дворѣ у него такую видѣлъ.

— Вѣстимо, генеральская! — говоритъ голосъ изъ толпы.

— Гм!.. Надѣнь-ка, братъ Елдыринъ, на меня пальто... Что-то вѣтромъ подуло... Знобитъ... Ты отведешь ее къ генералу и спросишь тамъ. Скажешь, что я нашелъ и прислалъ... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, можетъ-быть, дорогая, а ежели каждый свинья будетъ ей въ носъ сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака—нѣжная тварь... А ты, болванъ, опусти руку! Нечего свой дурацкій палецъ выставлять! Самъ виноватъ!..

— Поваръ генеральскій идетъ, его спросимъ... Эй, Прохоръ! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумалъ! Этакихъ у насъ отродясь не бывало!

— И спрашивать тутъ долго нечего,—говоритъ Очумѣловъ. — Она бродячая! Нечего тутъ долго разговаривать... Ежели сказалъ, что бродячая, стало-быть и бродячая... Истребить, вотъ и все.

— Это не наша,—продолжаетъ Прохоръ.—Это генералова брата, что намеднись пріѣхалъ. Нашъ не охотникъ до борзыхъ. Братъ ихній охочъ...

— Да развѣ братецъ ихній пріѣхали? Владиміръ Иванычъ?—спрашиваетъ Очумѣловъ, и все лицо его заливается улыбкой умиленія.—Ишь ты, Господи! А я и не зналъ! Погостить пріѣхали?

— Въ гости...

— Ишь ты, Господи... Соскучились по братцѣ... А я, вѣдь, и не зналъ! Такъ это ихняя собачка? Очень радъ...

Возьми ее... Собачонка ничего себѣ... Шустрая такая... Цапъ этого за палецъ! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится шельма... цуцыкъ этакій...

Прохоръ зоветъ собаку и идетъ съ ней отъ дровяного склада... Толпа хохочетъ надъ Хрюкинымъ.

— Я еще доберусь до тебя!—грозитъ ему Очумѣловъ и, запахиваясь въ шинель, продолжаетъ свой путь по базарной площади.

КЛЕВЕТА.

Учитель чистописанія Сергѣй Капитонычъ Ахинеевъ выдавалъ свою дочку Наталью за учителя исторіи и географіи Ивана Петровича Лошадиныхъ. Свадебное веселье текло какъ по маслу. Въ залѣ пѣли, играли, плясали. По комнатамъ, какъ угорѣлые, сновали взадъ и впередъ взятые на прокатъ изъ клуба лакеи въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ запачканыхъ галстукахъ. Стоялъ шумъ и говоръ. Учитель математики Тарантуловъ, французъ Падекуа и младшій ревизоръ контрольной палаты Егоръ Венедиктычъ Мзда, сидя рядомъ на диванѣ, спѣша и перебивая другъ друга, разсказывали гостямъ случаи погребенія заживо и высказывали свое мнѣніе о спиритизмѣ. Всѣ трое не вѣрили въ спиритизмъ, но допускали, что на этомъ свѣтѣ есть много такого, чего никогда не постигнетъ умъ человѣческій. Въ другой комнатѣ учитель словесности Додонскій объяснялъ гостямъ случаи, когда часовой имѣетъ право стрѣлять въ проходящихъ. Разговоры были, какъ видите, страшные, но весьма пріятные. Въ окна со двора засматривали люди, по своему соціальному положенію не имѣвшіе права войти внутрь.

Ровно въ полночь хозяинъ Ахинеевъ прошелъ въ кухню поглядѣть, все ли готово къ ужину. Въ кухнѣ отъ пола до

потолка стоялъ дымъ, состоявшій изъ гусиныхъ, утиныхъ и многихъ другихъ запаховъ. На двухъ столахъ были разложены и разставлены въ художественномъ безпорядкѣ атрибуты закусокъ и выпивокъ. Около столовъ суетилась кухарка Марѳа, красная баба съ двойнымъ перетянутымъ животомъ.

— Покажи-ка мнѣ, матушка, осетра!—сказалъ Ахинеевъ, потирая руки и облизываясь. — Запахъ-то какой, міазма какая! Такъ бы и съѣлъ всю кухню! Нуко-ся, покажи осетра!

Марѳа подошла къ одной изъ скамей и осторожно приподняла засаленный газетный листъ. Подъ этимъ листомъ, на огромнѣйшемъ блюдѣ, покоился большой заливной осетръ, пестрѣвшій каперсами, оливками и морковкой. Ахинеевъ поглядѣлъ на осетра и ахнулъ. Лицо его просіяло, глаза подкатились. Онъ нагнулся и издалъ губами звукъ неподмазаннаго колеса. Постоявъ немного, онъ щелкнулъ отъ удовольствія пальцами и еще разъ чмокнулъ губами.

— Ба! Звукъ горячаго поцѣлуя... Ты съ кѣмъ это здѣсь цѣлуешься, Марѳуша? — послышался голосъ изъ сосѣдней комнаты и въ дверяхъ показалась стриженая голова помощника классныхъ наставниковъ, Ванькина. — Съ кѣмъ это ты? Ааа... очень пріятно! Съ Сергѣй Капитонычемъ! Хорошъ дѣдъ, нечего сказать! Съ женскимъ полонезомъ тетъ-а-тетъ!

— Я вовсе не цѣлуюсь,—сконфузился Ахинеевъ,—кто это тебѣ, дураку, сказалъ? Это я тово... губами чмокнулъ въ отношеніи... въ разсужденіи удовольствія... При видѣ рыбы...

— Разсказывай!

Голова Ванькина широко улыбнулась и скрылась за дверью. Ахинеевъ покраснѣлъ.

«Чортъ знаетъ что! — подумалъ онъ. — Пойдетъ теперь, мерзавецъ и насплетничаетъ. На весь городъ осрамитъ, скотина»...

Ахинеевъ робко вошелъ въ залу и искоса поглядѣлъ въ сторону: гдѣ Ванькинъ? Ванькинъ стоялъ около фортепіано и, ухарски изогнувшись, шепталъ что-то смѣявшейся своя-ченицѣ инспектора.

«Это про меня!—подумалъ Ахинеевъ.—Про меня, чтобъ его разорвало! А та и вѣритъ... и вѣритъ! Смѣется! Боже ты мой! Нѣтъ, такъ нельзя оставить... нѣтъ... Нужно будетъ сдѣлать, чтобъ ему не повѣрили... Поговорю со всѣми съ ними, и онъ же у меня въ дуракахъ-сплетникахъ останется».

Ахинеевъ почесался и, не переставая конфузиться, подошелъ къ Падекуа.

— Сейчасъ я въ кухнѣ былъ и насчетъ ужина распоряжался,—сказалъ онъ французу.—Вы, я знаю, рыбу любите, а у меня, батенька, осетръ, вво! Въ два аршина! Хе-хе-хе... Да, кстати... чуть было не забылъ... Въ кухнѣ-то сейчасъ, съ осетромъ съ этимъ — сущій анекдотъ! Вхожу я сейчасъ въ кухню и хочу кушанья оглядѣть... Гляжу на осетра и отъ удовольствія... отъ пикантности губами чмокъ! А въ это время вдругъ дуракъ этотъ Ванькинъ входитъ и говоритъ... ха-ха-ха... и говоритъ: «Ааа... вы цѣлуетесь здѣсь?» Съ Марѳой-то, съ кухаркой! Выдумалъ же, глупый человѣкъ! У бабы ни рожи, ни кожи, на всѣхъ звѣрей похожа, а онъ... цѣловаться! Чудакъ!

— Кто чудакъ?—спросилъ подошедшій Тарантуловъ.

— Да, вонъ тотъ, Ванькинъ! Вхожу, это, я въ кухню...

И онъ разсказалъ про Ванькина.

— Насмѣшилъ, чудакъ! А по-моему, пріятнѣй съ барбосомъ цѣловаться, чѣмъ съ Марѳой, — прибавилъ Ахинеевъ, оглянулся и увидѣлъ сзади себя Мзду.

— Мы насчетъ Ванькина,—сказалъ онъ ему.—Чудачина! Входитъ, это въ кухню, увидѣлъ меня рядомъ съ Марѳой, да и давай штуки разныя выдумывать. «Чего, говоритъ, вы цѣлуетесь?» Спьяна-то ему примерещилось. А, я, говорю, скорѣй съ индюкомъ поцѣлуюсь, чѣмъ съ Марѳой. Да у

меня и жена есть, говорю, дуракъ ты этакій. Насмѣшилъ!

— Кто васъ насмѣшилъ?—спросилъ подошедшій къ Ахинееву отецъ-законоучитель.

— Ванькинъ. Стою я, знаете, въ кухнѣ и на осетра гляжу...

И такъ далѣе. Черезъ какіе-нибудь полчаса уже всѣ гости знали про исторію съ осетромъ и Ванькинымъ.

«Пусть теперь имъ разсказываетъ! — думалъ Ахинеевъ, потирая руки. — Пусть! Онъ начнетъ разсказывать, а ему сейчасъ: «Полно тебѣ, дуракъ, чепуху городить! Намъ все извѣстно!»

И Ахинеевъ до того успокоился, что выпилъ отъ радости лишнихъ четыре рюмки. Проводивъ послѣ ужина молодыхъ въ спальню, онъ отправился къ себѣ и уснулъ, какъ ни въ чемъ неповинный ребенокъ, а на другой день онъ уже не помнилъ исторіи съ осетромъ. Но, увы! Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Злой языкъ сдѣлалъ свое злое дѣло, и не помогла Ахинееву его хитрость! Ровно черезъ недѣлю, а именно въ среду послѣ третьяго урока, когда Ахинеевъ стоялъ среди учительской и толковалъ о порочныхъ наклонностяхъ ученика Высѣкина, къ нему подошелъ директоръ и отозвалъ его въ сторону.

— Вотъ что, Сергѣй Капитонычъ,—сказалъ директоръ.— Вы извините... Не мое это дѣло, но все-таки я долженъ дать понять... Моя обязанность... Видите-ли, ходятъ слухи, что вы живете съ этой... съ кухаркой... Не мое это дѣло, но... Живите съ ней, цѣлуйтесь... что хотите, только, пожалуйста, не такъ гласно! Прошу васъ! Не забывайте, что вы педагогъ!

Ахинеевъ озябъ и обомлѣлъ. Какъ ужаленный сразу цѣлымъ роемъ и какъ ошпаренный кипяткомъ, онъ пошелъ домой. Шелъ онъ домой и ему казалось, что на него весь

городъ глядитъ какъ на вымазаннаго дегтемъ... Дома ожидала его новая бѣда.

— Ты что же это ничего не трескаешь? — спросила его за обѣдомъ жена. — О чемъ задумался? Объ амурахъ думаешь? О Марѳушкѣ стосковался? Все мнѣ, махаметъ, извѣстно! Открыли глаза люди добрые! Ууу... ввварваръ!

И плепъ его по щекѣ!.. Онъ всталъ изъ-за стола и, не чувствуя подъ собой земли, безъ шапки и пальто, побрелъ къ Ванькину. Ванькина онъ засталъ дома.

— Подлецъ ты! — обратился Ахинеевъ къ Ванькину.— За что ты меня передъ всѣмъ свѣтомъ въ грязи выпачкалъ? За что ты на меня клевету пустилъ?

— Какую клевету? Что вы выдумываете!

— А кто насплетничалъ, будто я съ Мароой цѣловался? Не ты, скажешь? Не ты, разбойникъ?

Ванькинъ заморгалъ и замигалъ всѣми фибрами своего поношеннаго лица, поднялъ глаза къ образу и проговорилъ:

— Накажи меня Богъ! Лопни мои глаза и чтобъ я издохъ, ежели хоть одно слово про васъ сказалъ! Чтобъ мнѣ ни дна, ни покрышки! Холеры мало!..

Искренность Ванькина не подлежала сомнѣнію. Очевидно, не онъ насплетничалъ.

«Но кто же? Кто? — задумался Ахинеевъ, перебирая въ своей памяти всѣхъ своихъ знакомыхъ и стуча себя по груди.—Кто же?»

— Кто же?—спросимъ и мы читателя...

ШВЕДСКАЯ СПИЧКА.

(Уголовный разсказъ).

I.

Утромъ, 6-го октября 1885 г., въ канцелярію станового пристава 2-го участка С — го уѣзда явился прилично одѣтый молодой человѣкъ и заявилъ, что его хозяинъ, отставной гвардіи корнетъ Маркъ Ивановичъ Кляузовъ, убитъ. Заявляя объ этомъ, молодой человѣкъ былъ блѣденъ и крайне взволнованъ. Руки его дрожали и глаза были полны ужаса.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?—спросилъ его становой.

— Псѣковъ, управляющій Кляузова. Агрономъ и механикъ.

Становой и понятые, прибывшіе вмѣстѣ съ Псѣковымъ на мѣсто происшествія, нашли слѣдующее. Около флигеля, въ которомъ жилъ Кляузовъ, толпилась масса народу. Вѣсть о происшествіи съ быстротою молніи облетѣла окрестности, и народъ, благодаря праздничному дню, стекался къ флигелю со всѣхъ окрестныхъ деревень. Стоялъ шумъ и говоръ. Кое-гдѣ попадались блѣдныя, заплаканныя физіономіи. Дверь въ спальню Кляузова найдена была запертой. Изнутри торчалъ ключъ.

— Очевидно, злодѣи пробрались къ нему черезъ окно,— замѣтилъ при осмотрѣ двери Псѣковъ.

Пошли въ садъ, куда выходило окно изъ спальни. Окно глядѣло мрачно, зловѣще. Оно было занавѣшено зеленой, полинялой занавѣской. Одинъ уголъ занавѣски былъ слегка завороченъ, что давало возможность заглянуть въ спальню.

— Смотрѣлъ ли кто-нибудь изъ васъ въ окно?—спросилъ становой.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе, — сказалъ садовникъ Ефремъ, маленькій сѣдовласый старичокъ съ лицомъ отставного унтера.—Не до глядѣнья тутъ, коли всѣ поджилки трясутся!

— Эхъ, Маркъ Иванычъ, Маркъ Иванычъ!—вздохнулъ становой, глядя на окно. — Говорилъ я тебѣ, что ты плохимъ кончишь! Говорилъ я тебѣ, сердягѣ, — не слушался! Распутство не доводитъ до добра!

— Спасибо Ефрему,—сказалъ Псѣковъ,—безъ него мы и не догадались бы. Ему первому пришло на мысль, что здѣсь что-то не такъ. Приходитъ сегодня ко мнѣ утромъ и говоритъ: «А отчего это нашъ баринъ такъ долго не просыпается? Цѣлую недѣлю изъ спальни не выходитъ!» Какъ сказалъ онъ мнѣ это, меня точно кто обухомъ... Мысль сейчасъ мелькнула... Онъ не показывался съ прошлой субботы, а, вѣдь, сегодня воскресенье! Семь дней—шутка сказать!

— Да, бѣдняга...—вздохнулъ еще разъ становой.—Умный малый, образованный, добрый такой. Въ компаніи, можно сказать, первый человѣкъ. Но распутникъ, царствіе ему небесное! Я всего ожидалъ! Степанъ,—обратился становой къ одному изъ понятыхъ, — съѣзди сію минуту ко мнѣ и пошли Андрюшку къ исправнику, пущай доложитъ! Скажи: Марка Иваныча убили! Да забѣги къ уряднику—чего онъ тамъ прохлаждается? Пущай сюда ѣдетъ! А самъ ты поѣзжай, какъ можно скорѣе, къ слѣдователю Николаю Ермоланчу и скажи ему, чтобы ѣхалъ сюда! Постой, я ему письмо напишу.

Становой разставилъ вокругъ флигеля сторожей, написалъ слѣдователю письмо и пошелъ къ управляющему пить чай. Минутъ черезъ десять онъ сидѣлъ на табуретѣ, осторожно кусалъ сахаръ и глоталъ горячій, какъ уголь, чай.

— Вотъ-съ... — говорилъ онъ Псѣкову.—Вотъ-съ... Дворянинъ, богатый человѣкъ... любимецъ боговъ, можно сказать, какъ выразился Пушкинъ, а что изъ него вышло? Ничего! Пьянствовалъ, распутничалъ и... вотъ-съ!.. убили.

Черезъ два часа прикатилъ слѣдователь. Николай Ермолаевичъ Чубиковъ (такъ зовутъ слѣдователя), высокій, плотный старикъ, лѣтъ 60, подвизается на своемъ поприщѣ уже четверть столѣтія. Извѣстенъ всему уѣзду, какъ человѣкъ честный, умный, энергичный и любящій свое дѣло. На мѣсто происшествія прибылъ съ нимъ и его непремѣнный спутникъ, помощникъ и письмоводитель Дюковскій, высокій молодой человѣкъ, лѣтъ 26.

— Неужели, господа? — заговорилъ Чубиковъ, входя въ комнату Псѣкова и наскоро пожимая всѣмъ руки.—Неужели? Марка Иваныча? Убили? Нѣтъ, это невозможно! Не-возмож-но!

— Подите же вотъ...—вздохнулъ становой.

— Господи ты Боже мой! Да вѣдь я же его въ прошлую пятницу на ярмаркѣ въ Тарабаньковѣ видѣлъ! Я съ нимъ, извините, водку пилъ!

— Подите же вотъ...—вздохнулъ еще разъ становой.

Повздыхали, поужасались, выпили по стакану чаю и пошли къ флигелю.

— Разступись!—крикнулъ урядникъ народу.

Войдя во флигель, слѣдователь занялся прежде всего осмотромъ двери въ спальню. Дверь оказалась сосновою, выкрашенной въ желтую краску и неповрежденной. Особыхъ примѣтъ, могущихъ послужить какими-либо указаніями, найдено не было. Приступлено было ко взлому.

— Прошу, господа, лишнихъ удалиться!—сказалъ слѣ-

дователь, когда послѣ долгаго стука и треска дверь уступила топору и долоту. — Прошу это въ интересахъ слѣдствія... Урядникъ, никого не впускать!

Чубиковъ, его помощникъ и становой открыли дверь и нерѣшительно, одинъ за другимъ, вошли въ спальню. Ихъ глазамъ представилось слѣдующее зрѣлище. У единственнаго окна стояла большая деревянная кровать съ огромной пуховой периной. На измятой перинѣ лежало скомканное измятое одѣяло. Подушка въ ситцевой наволочкѣ, тоже сильно помятая, валялась на полу. На столикѣ передъ кроватью лежали серебряные часы и серебряная монета двадцати-копеечнаго достоинства. Тутъ же лежали и сѣрныя спички. Кромѣ кровати, столика и единственнаго стула, другой мебели въ спальнѣ не было. Заглянувъ подъ кровать, становой увидѣлъ десятка два пустыхъ бутылокъ, старую соломенную шляпу и четверть водки. Подъ столикомъ валялся одинъ сапогъ, покрытый пылью. Окинувъ взглядомъ комнату, слѣдователь нахмурился и покраснѣлъ.

— Мерзавцы!—пробормоталъ онъ, сжимая кулаки.

— А гдѣ же Маркъ Иванычъ? — тихо спросилъ Дюковскій.

— Прошу васъ не вмѣшиваться!—грубо сказалъ ему Чубиковъ. — Извольте осмотрѣть полъ! Это второй такой случай въ моей практикѣ, Евграфъ Кузьмичъ,—обратился онъ къ становому, понизивъ годосъ. — Въ 1870 году былъ у меня тоже такой случай. Да вы навѣрное помните... Убійство купца Портретова. Тамъ тоже такъ. Мерзавцы убили и вытащили трупъ черезъ окно...

Чубиковъ подошелъ къ окну, отдернулъ въ сторону занавѣску и осторожно шихнулъ окно. Окно отворилось.

— Отворяется, значитъ, не было заперто... Гм!.. Слѣды на подоконникѣ. Видите? Вотъ слѣды отъ колѣна... Кто-то лѣзъ оттуда... Нужно будетъ, какъ слѣдуетъ, осмотрѣть окно.

— На полу ничего особеннаго не замѣтно,—сказалъ Дюковскій. — Ни пятенъ, ни царапинъ. Нашелъ одну только обгорѣвшую шведскую спичку. Вотъ она! Насколько я помню, Маркъ Иванычъ не курилъ; въ общежитіи же онъ употреблялъ сѣрныя спички, отнюдь же не шведскія. Эта спичка можетъ служить уликой...

— Ахъ... замолчите, пожалуйста!—махнулъ рукой слѣдователь.—Лѣзетъ со своей спичкой! Не терплю горячихъ головъ! Чѣмъ спички искать, вы бы лучше постель осмотрѣли!

По осмотрѣ постели Дюковскій отрапортовалъ:

— Ни кровяныхъ, ни какихъ-либо другихъ пятенъ... Свѣжихъ разрывовъ также нѣтъ. На подушкѣ слѣды зубовъ. Одѣяло облито жидкостью, имѣющею запахъ пива и вкусъ его же... Общій видъ постели даетъ право думать, что на ней происходила борьба.

— Безъ васъ знаю, что борьба! Васъ не о борьбѣ спрашиваютъ. Чѣмъ борьбу-то искать, вы бы лучше...

— Одинъ сапогъ здѣсь, другого же нѣтъ налицо.

— Ну, такъ что же?

— А то, что его задушили, когда онъ снималъ сапоги. Не успѣлъ онъ снять другого сапога, какъ...

— Понесъ!.. И почемъ вы знаете, что его задушили?

— На подушкѣ слѣды зубовъ. Сама подушка сильно помята и отброшена отъ кровати на $2^1/_2$ аршина.

— Толкуетъ, пустомеля! Пойдемте-ка лучше въ садъ. Вы бы лучше въ саду посмотрѣли, чѣмъ здѣсь рыться... Это я и безъ васъ сдѣлаю.

Придя въ садъ, слѣдствіе, прежде всего, занялось осмотромъ травы. Трава подъ окномъ была помята. Кустъ репейника подъ окномъ у самой стѣны оказался тоже помятымъ. Дюковскому удалось найти на немъ нѣсколько поломанныхъ вѣточекъ и кусочекъ ваты. На верхнихъ головкахъ были найдены тонкіе волоски темно-синей шерсти.

— Какого цвѣта былъ его послѣдній костюмъ? — спросилъ Дюковскій у Псѣкова.

— Желтый, парусинковый.

— Отлично. Они значитъ были въ синемъ.

Нѣсколько головокъ репейника было срѣзано и старательно заворочено въ бумагу. Въ это время пріѣхали исправникъ Арцыбашевъ-Свистаковскій и докторъ Тютюевъ. Исправникъ поздоровался и тотчасъ же принялся удовлетворять свое любопытство; докторъ же, высокій и въ высшей степени тощій человѣкъ со впалыми глазами, длиннымъ носомъ и острымъ подбородкомъ, ни съ кѣмъ не здороваясь и ни о чемъ не спрашивая, сѣлъ на пень, вздохнулъ и проговорилъ:

— А сербы опять взбудоражились! Что имъ нужно, не понимаю! Ахъ, Австрія, Австрія! Твои это дѣла!

Осмотръ окна снаружи не далъ рѣшительно ничего; осмотръ же травы и ближайшихъ къ окну кустовъ далъ слѣдствію много полезныхъ указаній. Дюковскому удалось, напримѣръ, прослѣдить на травѣ длинную темную полосу, состоявшую изъ пятенъ и тянувшуюся отъ окна на нѣсколько саженъ вглубь сада. Полоса заканчивалась подъ однимъ изъ сиреневыхъ кустовъ большимъ темнокоричневымъ пятномъ. Подъ тѣмъ же кустомъ былъ найденъ сапогъ, который оказался парой сапога, найденнаго въ спальнѣ.

— Это давнишняя кровь!—сказалъ Дюковскій, осматривая пятна.

Докторъ при словѣ «кровь» поднялся и лѣниво, мелькомъ взглянулъ на пятна.

— Да, кровь,—пробормоталъ онъ.

— Значитъ, не задушенъ, коли кровь! — сказалъ Чубиковъ, язвительно поглядѣвъ на Дюковскаго.

— Въ спальнѣ его задушили, здѣсь же, боясь, чтобы онъ не ожилъ, его ударили чѣмъ-то острымъ. Пятно подъ кустомъ показываетъ, что онъ лежалъ тамъ относительно

долгое время, пока они искали способовъ, какъ и на чемъ вынести его изъ сада.

— Ну, а сапогъ?

— Этотъ сапогъ еще болѣе подтверждаетъ мою мысль, что его убили, когда онъ снималъ передъ сномъ сапоги. Одинъ сапогъ онъ снялъ, другой же, т. е. этотъ, онъ успѣлъ снять только наполовину. Наполовину снятый сапогъ во время тряски и паденія самъ снялся...

— Сообразительность, посмотришь! — усмѣхнулся Чубиковъ. —Такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ! И когда вы отучитесь лѣзть со своими разсужденіями? Чѣмъ разсуждать, вы бы лучше взяли для анализа немного травы съ кровью!

По осмотрѣ и снятіи плана мѣстности слѣдствіе отправилось къ управляющему писать протоколъ и завтракать. За завтракомъ разговорились.

— Часы, деньги и прочее... все цѣло,—началъ разговоръ Чубиковъ. — Какъ дважды два четыре, убійство совершено не съ корыстными цѣлями.

— Совершено человѣкомъ интеллигентнымъ, — вставилъ Дюковскій.

— Изъ чего же это вы заключаете?

— Къ моимъ услугамъ шведская спичка, употребленія которой еще не знаютъ здѣшніе крестьяне. Употребляютъ этакія спички только помѣщики, и то не всѣ. Убивалъ, кстати сказать, не одинъ, а минимумъ трое: двое держали, а третій душилъ. Кляузовъ былъ силенъ, и убійцы должны были знать это.

— Къ чему могла послужить ему его сила, ежели онъ, положимъ, спалъ?

— Убійцы застали его за сниманіемъ сапогъ. Снималъ сапоги, значитъ, не спалъ.

— Нечего выдумывать! Ѣшьте лучше!

— А по моему понятію, ваше высокоблагородіе,—сказалъ

садовникъ Ефремъ, ставя на столъ самоваръ,—пакость эту самую сдѣлалъ никто другой, какъ Николашка.

— Весьма возможно,—сказалъ Псѣковъ.

— А кто этотъ Николашка?

— Бариновъ камердинеръ, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ Ефремъ. — Кому другому, какъ не ему? Разбойникъ, ваше высокоблагородіе! Пьяница и распутникъ такой, что и не приведи Царица Небесная! Барину онъ водку завсегда носилъ, барина онъ укладывалъ въ постелю... Кому же, какъ не ему? А еще тоже, смѣю предположить вашему высокоблагородію, похвалялся разъ, шельма, въ кабакѣ, что барина убьетъ. Изъ-за Акульки все вышло, изъ-за бабы... Была у него солдатка такая... Барину она понравилась, они ее къ себѣ приблизили, ну, а онъ... извѣстно, осерчалъ... На кухнѣ пьяный валяется теперь. Плачетъ... вретъ, что барина жалко...

— А, дѣйствительно, изъ-за Акульки можно осерчать,— сказалъ Псѣковъ. — Она солдатка, баба, но... Недаромъ Маркъ Иванычъ прозвалъ ее Наной. Въ ней есть что-то, напоминающее Нану... привлекательное...

— Видалъ... Знаю...—сказалъ слѣдователь, сморкаясь въ красный платокъ.

Дюковскій покраснѣлъ и опустилъ глаза. Становой забарабанилъ пальцемъ по блюдечку. Исправникъ закашлялся и полѣзъ зачѣмъ-то въ портфель. На одного только доктора, повидимому, не произвело никакого впечатлѣнія напоминаніе объ Акулькѣ и Нанѣ. Слѣдователь приказалъ привести Николашку. Николашка, молодой, долговязый парень съ длиннымъ, рябымъ носомъ и впалой грудью, въ пиджакѣ съ барскаго плеча, вошелъ въ комнату Псѣкова и поклонился слѣдователю въ ноги. Лицо его было сонно и заплакано. Самъ онъ былъ пьянъ и еле держался на ногахъ.

— Гдѣ баринъ?—спросилъ его Чубиковъ.

— Убили, ваше высокоблагородіе.

Сказавъ это, Николашка замигалъ глазами и заплакалъ.

— Знаемъ, что убили. А гдѣ онъ теперь? Тѣло-то его гдѣ?

— Сказываютъ, въ окно вытащили и въ саду закопали.

— Гм!.. О результатахъ слѣдствія уже извѣстно на кухнѣ... Скверно. Любезный, гдѣ ты былъ въ ту ночь, когда убили барина? Въ субботу, то-есть?

Николашка поднялъ вверхъ голову, вытянулъ шею и задумался.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе, — сказалъ онъ.—Былъ выпимши и не помню.

— Alibi!—шепнулъ Дюковскій, усмѣхаясь и потирая руки.

— Такъ-съ. Ну, а отчего это у барина подъ окномъ кровь?

Николашка задралъ вверхъ голову и задумался.

— Скорѣй думай!—сказалъ исправникъ.

— Сичасъ. Кровь эта отъ пустяка, ваше высокоблагородіе. Курицу я рѣзалъ. Я ее рѣзалъ очень просто, какъ обыкновенно, а она возьми да и вырвись изъ рукъ, возьми да побѣги... Отъ этого самаго и кровь.

Ефремъ показалъ, что, дѣйствительно, Николашка каждый вечеръ рѣжетъ куръ и въ разныхъ мѣстахъ, но никто не видѣлъ, чтобы недорѣзанная курица бѣгала по саду, чего, впрочемъ, нельзя отрицать безусловно.

— Alibi, — усмѣхнулся Дюковскій. — И какое дурацкое alibi!

— Съ Акулькой знавался?

— Былъ грѣхъ.

— А баринъ у тебя сманилъ ее?

— Никакъ нѣтъ. У меня Акульку отбили вотъ они-съ, господинъ Псѣковъ, Иванъ Михайлычъ-съ, а у Ивана Михайлыча отбилъ баринъ. Такъ дѣло было.

Псѣковъ смутился и принялся чесать себѣ лѣвый глазъ. Дюковскій впился въ него глазами, прочелъ смущеніе и вздрогнулъ. На управляющемъ увидѣлъ онъ синія панта-

лоны, на которыя ранѣе не обратилъ вниманія. Панталоны напомнили ему о синихъ полоскахъ, найденныхъ на репейникѣ. Чубиковъ, въ свою очередь, подозрительно взглянулъ на Псѣкова.

— Ступай! — сказалъ онъ Николашкѣ. — А теперь позвольте вамъ задать одинъ вопросъ, г. Псѣковъ. Вы, конечно, были въ субботу подъ воскресенье здѣсь?

— Да, въ десять часовъ я ужиналъ съ Маркомъ Иванычемъ.

— А потомъ?

Псѣковъ смутился и всталъ изъ-за стола.

— Потомъ... потомъ... Право, не помню, — забормоталъ онъ. — Я много выпилъ тогда... Не помню, гдѣ и когда уснулъ... Чего вы на меня всѣ такъ смотрите? Точно я убилъ!

— Гдѣ вы проснулись?

— Проснулся въ людской кухнѣ на печи... Всѣ могутъ подтвердить. Какъ я попалъ на печь, не знаю...

— Вы не волнуйтесь... Акулину вы знали?

— Ничего нѣтъ тутъ особеннаго...

— Отъ васъ она перешла къ Кляузову?

— Да... Ефремъ, подай еще грибовъ! Хотите чаю, Евграфъ Кузьмичъ?

Наступило молчаніе тяжелое, жуткое, длившееся минутъ пять. Дюковскій молчалъ и не отрывалъ своихъ колючихъ глазъ отъ поблѣднѣвшаго лица Псѣкова. Молчаніе нарушилъ слѣдователь.

— Нужно будетъ, — сказалъ онъ, — сходить въ большой домъ и поговорить тамъ съ сестрой покойнаго, Марьей Ивановной. Не дастъ ли она намъ какихъ-либо указаній.

Чубиковъ и его помощникъ поблагодарили за завтракъ и пошли въ барскій домъ. Сестру Кляузова, Марью Ивановну, сорока-пятилѣтнюю дѣву, застали они молящейся передъ высокимъ фамильнымъ кіотомъ. Увидѣвъ въ рукахъ

гостей портфели и фуражки съ кокардами, она поблѣднѣла.

— Приношу, прежде всего, извиненіе за нарушеніе, такъ сказать, вашего молитвеннаго настроенія,—началъ, расшаркиваясь, галантный Чубиковъ. — Мы къ вамъ съ просьбой. Вы, конечно, уже слышали... Существуетъ подозрѣніе, что вашъ братецъ, нѣкоторымъ образомъ, убитъ. Божья воля, знаете ли... Смерти не миновать никому, ни царямъ, ни пахарямъ. Не можете ли вы помочь намъ какимъ-либо указаніемъ, разъясненіемъ...

— Ахъ, не спрашивайте меня! — сказала Марья Ивановна, еще болѣе блѣднѣя и закрывая лицо руками.—Ничего я не могу вамъ сказать! Ничего! Умоляю васъ! Я ничего... Что я могу? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... ни слова про брата! Умирать буду, не скажу!

Марья Ивановна заплакала и ушла въ другую комнату. Слѣдователи переглянулись, пожали плечами и ретировались.

— Чортова баба! — выругался Дюковскій, выходя изъ большого дома.—Повидимому, что-то знаетъ и скрываетъ. И у горничной что-то на лицѣ написано... Постойте же, черти! Все разберемъ!

Вечеромъ Чубиковъ и его помощникъ, освѣщенные блѣднолицей луной, возвращались къ себѣ домой; они сидѣли въ шарабанѣ и подводили въ своихъ головахъ итоги минувшаго дня. Оба были утомлены и молчали. Чубиковъ вообще не любилъ говорить въ дорогѣ, болтунъ же Дюковскій молчалъ въ угоду старику. Въ концѣ пути, однако, помощникъ не вынесъ молчанія и заговорилъ:

— Что Николашка причастенъ въ этомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ,—non dubitandum est. И по рожѣ его видно, что онъ за штука... Alibi выдаетъ его съ руками и ногами. Нѣтъ также сомнѣнія, что въ этомъ дѣлѣ не онъ иниціаторъ. Онъ былъ только глупымъ, нанятымъ орудіемъ. Согласны? Не послѣднюю также роль въ этомъ дѣлѣ играетъ и скромный Псѣ-

ковъ. Синія панталоны, смущеніе, лежанье на печи отъ страха послѣ убійства, alibi и Акулька.

— Мели, Емеля, твоя недѣля. По-вашему, значитъ, тотъ и убійца, кто Акульку зналъ? Эхъ, вы, горячка! Соску бы вамъ сосать, а не дѣла разбирать! Вы тоже за Акулькой ухаживали,—значитъ и вы участникъ въ этомъ дѣлѣ?

— У васъ тоже Акулька мѣсяцъ въ кухаркахъ жила, но... я ничего не говорю. Въ ночь подъ то воскресенье я игралъ съ вами въ карты, видѣлъ васъ, иначе бы я и къ вамъ придрался. Дѣло, батенька, не въ бабѣ. Дѣло въ подленькомъ, гаденькомъ, скверненькомъ чувствѣ... Скромному молодому человѣку не понравилось, видите ли, что не онъ верхъ взялъ. Самолюбіе, видите ли... Мстить захотѣлось. Потомъ-съ... Толстыя губы его сильно говорятъ о чувственности. Помните, какъ онъ губами причмокивалъ, когда Акульку съ Наной сравнивалъ? Что онъ, мерзавецъ, сгораетъ страстью — несомнѣнно! Итакъ: оскорбленное самолюбіе и неудовлетворенная страсть. Этого достаточно для того, чтобы совершить убійство. Двое въ нашихъ рукахъ; но кто же третій? Николашка и Псѣковъ держали. Кто же душилъ? Псѣковъ робокъ, конфузливъ, вообще трусъ. Николашки же не умѣютъ душить подушкой; они дѣйствуютъ топоромъ, обухомъ... Душилъ кто-то третій, но кто онъ?

Дюковскій нахлобучилъ на глаза шляпу и задумался. Молчалъ онъ до тѣхъ поръ, пока шарабанъ не подъѣхалъ къ дому слѣдователя.

— Эврика! — сказалъ онъ, входя въ домикъ и снимая пальто.—Эврика, Николай Ермолаичъ! Не знаю только, какъ мнѣ это раньше въ голову не пришло. Знаете, кто третій?

— Отстаньте, пожалуйста! Вонъ ужинъ готовъ! Садитесь ужинать!

Слѣдователь и Дюковскій сѣли ужинать. Дюковскій налилъ себѣ рюмку водки, поднялся, вытянулся и, сверкая глазами, сказалъ:

— Такъ знайте же, что третій, дѣйствовавшій заодно съ негодяемъ Псѣковымъ и душившій — была женщина! Да-съ! Я говорю о сестрѣ убитаго, Марьѣ Ивановнѣ!

Чубиковъ поперхнулся водкой и уставилъ глаза на Дюковскаго.

— Вы... не тово? Голова у васъ... не тово? Не болитъ?

— Я здоровъ. Хорошо, пусть я съ ума сошелъ, но чѣмъ вы объясните ея смущеніе при нашемъ появленіи? Какъ вы объясните ея нежеланіе давать показанія? Допустимъ, что это пустяки—хорошо! ладно!—такъ вспомните про ихъ отношенія! Она ненавидѣла своего брата! Она старовѣрка, онъ развратникъ, безбожникъ... Вотъ гдѣ гнѣздится ненависть! Говорятъ, что онъ успѣлъ убѣдить ее въ томъ, что онъ аггелъ сатаны. При ней онъ занимался спиритизмомъ!

— Ну, такъ что же?

— Вы не понимаете? Она, старовѣрка, убила его изъ фанатизма! Мало того, что она убила плевелъ, развратника, она освободила міръ отъ антихриста — и въ этомъ, мнитъ она, ея заслуга, ея религіозный подвигъ! О, вы не знаете этихъ старыхъ дѣвъ, старовѣрокъ! Прочитайте-ка Достоевскаго! А что пишутъ Лѣсковъ, Печерскій!.. Она и она, хоть зарѣжьте! Она душила! О, ехидная баба! Развѣ не затѣмъ только стояла она у иконъ, когда мы вошли, чтобы отвести намъ глаза? Дай, молъ, стану и буду молиться, а они подумаютъ, что я покойна, что я не ожидаю ихъ! Это методъ всѣхъ преступниковъ-новичковъ. Голубчикъ, Николай Ермолаичъ! Родной мой! Отдайте мнѣ это дѣло! Дайте мнѣ лично довести его до конца! Милый мой! Я началъ, я и до конца доведу!

Чубиковъ замоталъ головой и нахмурился.

— Мы и сами умѣемъ трудныя дѣла разбирать, — сказалъ онъ. — А ваше дѣло не лѣзть, куда не слѣдуетъ. Пишите себѣ подъ диктовку, когда вамъ диктуютъ—вотъ ваше дѣло!

Дюковскій вспыхнулъ, хлопнулъ дверью и вышелъ.

— Умница, шельма! — пробормоталъ, глядя ему вслѣдъ Чубиковъ. — Бо-ольшая умница! Горячъ только некстати. Нужно будетъ ему на ярмаркѣ портсигаръ въ презентъ купить...

На другой день утромъ къ слѣдователю былъ приведенъ изъ Кляузовки молодой парень съ большой головой и заячьей губой, который, назвавшись пастухомъ Данилкой, далъ очень интересное показаніе.

— Былъ я вынимши,—сказалъ онъ.—До полночи у кумы просидѣлъ. Идучи домой, спьяна полѣзъ въ рѣку купаться. Купаюсь я... глядь! Идутъ по плотинѣ два человѣка и что-то черное несутъ.—«Тю!» крикнулъ я на нихъ. Они испужались и что есть духу давай стрекача къ макарьевскимъ огородамъ. Побей меня Богъ, коли то не барина волокли!

Въ тотъ же день передъ вечеромъ Псѣковъ и Николашка были арестованы и отправлены подъ конвоемъ въ уѣздный городъ. Въ городѣ они были посажены въ тюремный замокъ.

II.

Прошло двѣнадцать дней.

Было утро. Слѣдователь Николай Ермоланчъ сидѣлъ у себя за зеленымъ столомъ и перелистывалъ «кляузовское» дѣло; Дюковскій безпокойно, какъ волкъ въ клѣткѣ, шагалъ изъ угла въ уголъ.

— Вы убѣждены въ виновности Николашки и Псѣкова,— говорилъ онъ, нервно теребя свою молодую бородку. — Отчего же вы не хотите убѣдиться въ виновности Марьи Ивановны? Вамъ мало уликъ, что ли?

— Я не говорю, что я не убѣжденъ. Я убѣжденъ, но не вѣрится какъ-то... Уликъ настоящихъ нѣтъ, а все какая-то философія... Фанатизмъ, то да се...

— А вамъ непремѣнно подавай топоръ, окровавленный

простыни!.. Юристы! Такъ я же вамъ докажу! Вы перестанете у меня такъ халатно относиться къ психической сторонѣ дѣла! Быть вашей Марьѣ Ивановнѣ въ Сибири! Я докажу! Мало вамъ философіи, такъ у меня есть нѣчто вещественное... Оно покажетъ вамъ, какъ права моя философія! Дайте мнѣ только поѣздить.

— О чемъ это вы?

— Про шведскую спичку-съ... Забыли? А я не забылъ! Я узнаю, кто зажигалъ ее въ комнатѣ убитаго! Зажигалъ не Николашка, не Псѣковъ, у которыхъ при обыскѣ спичекъ не оказалось, а третій, т.-е. Марья Ивановна. И я докажу!.. Дайте только поѣздить по уѣзду, поразузнать...

— Ну, ладно, садитесь... Давайте допросъ дѣлать.

Дюковскій сѣлъ за столикъ и уткнулъ свой длинный носъ въ бумаги.

— Ввести Николая Тетехова!—крикнулъ слѣдователь.

Ввели Николашку. Николашка былъ блѣденъ и худъ, какъ щепка. Онъ дрожалъ.

— Тетеховъ!—началъ Чубиковъ.—Въ 1879 г. вы судились у судьи 1-го участка за кражу и были приговорены къ тюремному заключенію. Въ 1882 г. вы вторично судились за кражу и вторично попали въ тюрьму... Намъ все извѣстно...

На лицѣ у Николашки выразилось удивленіе. Всевѣдѣніе слѣдователя изумило его. Но скоро удивленіе смѣнилось выраженіемъ крайней скорби. Онъ зарыдалъ и попросилъ позволенія пойти умыться и успокоиться. Его увели.

— Ввести Псѣкова!—приказалъ слѣдователь.

Ввели Псѣкова. Молодой человѣкъ за послѣдніе дни сильно измѣнился въ лицѣ. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и осунулся. Въ глазахъ читалась апатія.

— Садитесь, Псѣковъ, — сказалъ Чубиковъ. — Надѣюсь, что сегодняшній разъ вы будете благоразумны и не станете лгать, какъ тѣ разы. Во всѣ тѣ дни вы отрицали свое уча-

стіе въ убійствѣ Кляузова, не смотря на всю массу уликъ, говорящихъ противъ васъ. Это неразумно. Сознаніе облегчаетъ вину. Сегодня я бесѣдую съ вами въ послѣдній разъ. Если сегодня не сознаетесь, то завтра будетъ уже поздно. Ну, разсказывайте намъ...

— Ничего я не знаю... И уликъ вашихъ не знаю,— прошепталъ Псѣковъ.

— Напрасно-съ! Ну, такъ позвольте же мнѣ разсказать вамъ, какъ было дѣло. Въ субботу вечеромъ вы сидѣли въ спальнѣ Кляузова и пили съ нимъ водку и пиво (Дюковскій вонзилъ свой взглядъ въ лицо Псѣкова и не отрывалъ его въ продолженіе всего монолога). Вамъ прислуживалъ Николай. Въ первомъ часу Маркъ Ивановичъ заявилъ вамъ о своемъ желаніи ложиться спать. Въ первомъ часу онъ всегда ложился. Когда онъ снималъ сапоги и отдавалъ вамъ приказанія по хозяйству, вы и Николай, по данному знаку, схватили опьянѣвшаго хозяина и опрокинули его на постель. Одинъ изъ васъ сѣлъ ему на ноги, другой на голову. Въ это время изъ сѣней вошла извѣстная вамъ женщина въ черномъ платьѣ, которая ранѣе условилась съ вами относительно своего участія въ этомъ преступномъ дѣлѣ. Она схватила подушку и стала душить его ею. Во время борьбы потухла свѣча. Женщина вынула изъ кармана коробку со шведскими спичками и зажгла свѣчу. Не такъ ли? Я по лицу вашему вижу, что говорю правду. Но далѣе... Задушивъ его и убѣдившись, что онъ не дышитъ, вы и Николай вытащили его черезъ окно и положили около ренейника. Боясь, чтобы онъ не ожилъ, вы ударили его чѣмъ-то острымъ. Затѣмъ вы понесли и положили его на нѣкоторое время подъ сиреневый кустъ. Отдохнувъ и подумавъ, вы понесли его... Перенесли черезъ плетень... Потомъ пошли по дорогѣ... Далѣе слѣдуетъ плотина. Около плотины испугалъ васъ какой-то мужикъ. Но что съ вами?

Псѣковъ, блѣдный какъ полотно, поднялся и зашатался.

— Мнѣ душно!—сказалъ онъ.—Хорошо... пусть... Только я выйду... пожалуйста.

Псѣкова вывели.

— Наконецъ-таки сознался! — сладко потянулся Чубиковъ.—Выдалъ себя! Какъ я его ловко однако! Такъ и засыпалъ...

— И женщину въ черномъ не отрицаетъ! — засмѣялся Дюковскій. — Но, однако, меня ужасно мучитъ шведская спичка! Не могу долѣе терпѣть! Прощайте! Ѣду.

Дюковскій надѣлъ фуражку и уѣхалъ. Чубиковъ началъ допрашивать Акульку. Акулька заявила, что она знать ничего не знаетъ...

— Жила я только съ вами, а больше ни съ кѣмъ!— сказала она.

Въ шестомъ часу вечера воротился Дюковскій. Онъ былъ взволнованъ, какъ никогда. Руки его дрожали до такой степени, что онъ былъ не въ состояніи разстегнуть пальто. Щеки его горѣли. Видно было, что онъ воротился не безъ новости.

— Veni, vidi, vici!—сказалъ онъ, влетая въ комнату Чубикова и падая въ кресло. — Клянусь вамъ честью, я начинаю вѣровать въ свою геніальность! Слушайте, чортъ насъ возьми совсѣмъ! Слушайте и удивляйтесь, старина! Смѣшно и грустно! Въ вашихъ рукахъ уже есть трое... не такъ ли? Я нашелъ четвертаго или, вѣрнѣе — четвертую, ибо и эта есть женщина! И какая женщина! За одно прикосновеніе къ ея плечамъ я отдалъ бы десять лѣтъ жизни! Но... слушайте... Поѣхалъ я въ Кляузовку и давай вокругъ нея описывать спираль. Посѣтилъ я на пути всѣ лавочки, кабачки, погребки, спрашивая всюду шведскія спички. Всюду мнѣ говорили «нѣтъ». Колесилъ я до сей поры. Двадцать разъ я терялъ надежду и столько же разъ получалъ ее обратно. Валандался цѣлый день и только часъ тому назадъ набрелъ на искомое. За три версты отсюда. Подаютъ мнѣ пачку

изъ десяти коробочекъ. Одной коробки нѣтъ какъ нѣтъ... Сейчасъ: «Кто купилъ эту коробку?» Такая-то... «Понравилось ей... пшикаютъ». Голубчикъ мой! Николай Ермоланчъ! Что можетъ иногда сдѣлать человѣкъ, изгнанный изъ семинаріи и начитавшійся Габборіо, такъ уму непостижимо! Съ сегодняшняго дня начинаю уважать себя!.. Уффф... Ну, ѣдемъ!

— Куда это?

— Къ ней, къ четвертой... Поспѣшить нужно, иначе... иначе я сгорю отъ нетерпѣнія! Знаете, кто она? Не угадаете! Молоденькая жена нашего становаго, старца Евграфа Кузьмича, Ольга Петровна — вотъ кто! Она купила ту коробку спичекъ!

— Вы... ты... вы... съ ума сошелъ?

— Очень понятно! Во-первыхъ, она куритъ. Во-вторыхъ, она по уши была влюблена въ Кляузова. Онъ отвергъ ея любовь для какой-нибудь Акульки. Месть. Теперь я вспоминаю, какъ однажды засталъ ихъ въ кухнѣ за ширмой. Она клялась ему, а онъ курилъ ея папиросу и пускалъ ей дымъ въ лицо. Но, однако, поѣдемте... Скорѣе, а то уже темнѣетъ... Поѣдемте!

— Я еще не сошелъ съ ума настолько, чтобы изъ-за какого-нибудь мальчишки безпокоить ночью благородную, честную женщину!

— Благородная, честная... Тряпка вы послѣ этого, а не слѣдователь! Никогда не осмѣливался бранить васъ, а теперь вы меня вынуждаете! Тряпка! Халатъ! Ну, голубчикъ, Николай Ермоланчъ! Прошу васъ!

Слѣдователь махнулъ рукой и плюнулъ.

— Прошу васъ! Прошу не для себя, а въ интересахъ правосудія! Умоляю, наконецъ! Сдѣлайте мнѣ одолженіе хоть разъ въ жизни!

Дюковскій сталъ на колѣни.

— Николай Ермоланчъ! Ну, будьте такъ добры! Назо-

вите меня подлецомъ, негодяемъ, если я заблуждаюсь относительно этой женщины! Дѣло. вѣдь, какое! Дѣло-то! Романъ, а не дѣло! На всю Россію слава пойдетъ! Слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ васъ сдѣлаютъ! Поймите вы, неразумный старикъ!

Слѣдователь нахмурился и перѣшительно протянулъ руку къ шляпѣ.

— Ну, чортъ съ тобой! — сказалъ онъ.—Ѣдемъ.

Было уже темно, когда шарабанъ слѣдователя подкатилъ къ крыльцу станового.

— Какіе мы свиньи!—сказалъ Чубиковъ, берясь за звонокъ.—Безпокоимъ людей.

— Ничего, ничего... Не робѣйте... Скажемъ, что у насъ рессора лопнула.

Чубикова и Дюковскаго встрѣтила на порогѣ высокая, полная женщина, лѣтъ двадцати трехъ, съ черными, какъ смоль, бровями и жирными, красными губами. Это была сама Ольга Петровна.

— Ахъ... очень пріятно!—сказала она, улыбаясь во все лицо.—Какъ разъ къ ужину поспѣли. Моего Евграфа Кузьмича нѣтъ дома... У попа засидѣлся... Но мы и безъ него обойдемся... Садитесь! Вы это со слѣдствія?..

— Да-съ... У насъ, знаете ли, рессора лопнула,—началъ Чубиковъ, войдя въ гостиную и усаживаясь въ кресло.

— Вы сразу... ошеломите! — шепнулъ ему Дюковскій.— Ошеломите!

— Рессора... Мм... да... Взяли и заѣхали.

— Ошеломите, вамъ говорятъ! Догадается, коли канителить будете!

— Ну, такъ дѣлай, какъ самъ знаешь, а меня избавь!— пробормоталъ Чубиковъ, вставая и отходя къ окну. — Не могу! Ты заварилъ кашу, ты и расхлебывай!

— Да, рессора...—началъ Дюковскій, подходя къ становихѣ и морща свой длинный носъ.—Мы заѣхали не для

того, чтобы... эээ.. ужинать и не къ Евграфу Кузьмичу. Мы пріѣхали затѣмъ, чтобы спросить васъ, милостивая государыня, гдѣ находится Маркъ Ивановичъ, котораго вы убили?

— Что? Какой Маркъ Иванычъ?—залепетала становиха, и ея большое лицо вдругъ, въ одинъ мигъ, залилось алой краской.—Я... не понимаю.

— Спрашиваю васъ именемъ закона! Гдѣ Кляузовъ? Намъ все извѣстно!

— Черезъ кого? — спросила тихо становиха, не вынося взгляда Дюковскаго.

— Извольте указать намъ, гдѣ онъ!?

— Но откуда вы узнали? Кто вамъ разсказалъ?

— Намъ все извѣстно-съ! Я требую именемъ закона!

Слѣдователь, ободренный замѣшательствомъ становихи, подошелъ къ ней и сказалъ:

— Укажите намъ, и мы уйдемъ. Иначе же мы...

— На что онъ вамъ?

— Къ чему эти вопросы, сударыня? Мы васъ просимъ указать! Вы дрожите, смущены... Да, онъ убитъ и, если хотите, убитъ вами! Сообщники выдали васъ!

Становиха поблѣднѣла.

— Пойдемте, — сказала она тихо, ломая руки. — Онъ у меня въ банѣ спрятанъ. Только, ради Бога, не говорите мужу! Умоляю васъ! Онъ не вынесетъ.

Становиха сняла со стѣны большой ключъ и повела своихъ гостей черезъ кухню и сѣни во дворъ. На дворѣ было темно. Накрапывалъ мелкій дождь. Становиха пошла впередъ. Чубиковъ и Дюковскій зашагали за ней по высокой травѣ, вдыхая въ себя запахи дикой конопли и помоевъ, всхлипывавшихъ подъ ногами. Дворъ былъ большой. Скоро кончились помои, и ноги почувствовали вспаханную землю. Въ темнотѣ показались силуэты деревьевъ, а между деревьями—маленькій домикъ съ покривившеюся трубой.

— Это баня,— сказала становиха.—Но умоляю васъ, не говорите никому!

Подойдя къ банѣ, Чубиковъ и Дюковскій увидѣли на дверяхъ огромнѣйшій висячій замокъ.

— Приготовьте огарокъ и спички!—шепнулъ слѣдователь своему помощнику.

Становиха отперла замокъ и впустила гостей въ баню. Дюковскій чиркнулъ спичкой и освѣтилъ предбанникъ. Среди предбанника стоялъ столъ. На столѣ рядомъ съ маленькимъ толстенькимъ самоваромъ стоялъ супникъ съ остывшими щами и блюдо съ остатками какого-то соуса.

— Дальше!

Вошли въ слѣдующую комнату, въ баню. Тамъ тоже стоялъ столъ. На столѣ большое блюдо съ окорокомъ, бутыль съ водкой, тарелки, ножи, вилки.

— Но гдѣ же... этотъ? Гдѣ убитый? — спросилъ слѣдователь.

— Онъ на верхней полочкѣ!—прошептала становиха все еще блѣдная и дрожащая.

Дюковскій взялъ въ руки огарокъ и полѣзъ на верхнюю полку. Тамъ онъ увидѣлъ длинное человѣческое тѣло, лежавшее неподвижно на большой пуховой перинѣ. Тѣло издавало легкій храпъ...

— Насъ морочатъ, чортъ возьми! — закричалъ Дюковскій.—Это не онъ! Здѣсь лежитъ какой-то живой болванъ. Эй, кто вы, чортъ васъ возьми?

Тѣло потянуло въ себя со свистомъ воздухъ и задвигалось. Дюковскій толкнулъ его локтемъ. Оно подняло вверхъ руки, потянулось и приподняло голову.

— Кто это лѣзетъ?—спросилъ охрипшій, тяжелый басъ.— Тебѣ что нужно?

Дюковскій поднесъ къ лицу неизвѣстнаго огарокъ и вскрикнулъ. Въ багровомъ носѣ, взъерошенныхъ, нечесанныхъ волосахъ, въ черныхъ, какъ смоль, усахъ, изъ которыхъ одинъ

былъ ухарски закрученъ и съ нахальствомъ глядѣлъ вверхъ на потолокъ, онъ узналъ корнета Кляузова.

— Вы... Маркъ... Иванычъ?! Не можетъ быть!

Слѣдователь взглянулъ наверхъ и замеръ...

— Это я, да... А это вы, Дюковскій! Какого дьявола вамъ здѣсь нужно? А тамъ внизу, что еще за рожа? Батюшки, слѣдователь! Какими судьбами?

Кляузовъ сбѣжалъ внизъ и обнялъ Чубикова. Ольга Петровна шмыгнула въ дверь.

— Какими путями? Выпьемъ, чортъ возьми! Тра-та-ти-то-томъ... Выпьемъ! Кто васъ привелъ сюда, однако? Откуда вы узнали, что я здѣсь? Впрочемъ, все равно! Выпьемъ!

Кляузовъ зажегъ лампу и налилъ три рюмки водки.

— То-есть, я тебя не понимаю,—сказалъ слѣдователь, разводя руками.—Ты это, или не ты?

— Будетъ тебѣ... Мораль читать хочешь? Не трудись! Юноша Дюковскій, выпивай свою рюмку! Про-ведемте-жъ, друзь-я, эту... Чего смотрите? Пейте!

— Все-таки я не могу понять, — сказалъ слѣдователь, машинально выпивая водку.—Зачѣмъ ты здѣсь?

— Почему же мнѣ не быть здѣсь, ежели мнѣ здѣсь хорошо?

Кляузовъ выпилъ и закусилъ ветчиной.

— Живу у становихи, какъ видишь. Въ глуши, въ дебряхъ, какъ домовой какой-нибудь. Пей! Жалко, братъ мнѣ ея стало! Сжалился, ну, и живу здѣсь, въ заброшенной банѣ, отшельникомъ... Питаюсь. На будущей недѣлѣ думаю убраться отсюда... Ужъ надоѣло...

— Непостижимо!—сказалъ Дюковскій.

— Что же тутъ непостижимаго?

— Непостижимо! Ради Бога, какъ попалъ вашъ сапогъ въ садъ?

— Какой сапогъ?

— Мы нашли одинъ сапогъ въ спальнѣ, а другой въ саду.

— А вамъ для чего это знать? Не ваше дѣло... Да пейте же, чортъ васъ возьми. Разбудили, такъ пейте! Интересная исторія, братецъ, съ этимъ сапогомъ. Я не хотѣлъ идти къ Олѣ. Не въ духѣ, знаешь, былъ, подъ шефе... Она приходитъ подъ окно и начинаетъ ругаться... Знаешь, какъ бабы... вообще... Я, спьяна, возьми да и пусти въ нее сапогомъ... Ха-ха... Не ругайся, молъ. Она влѣзла въ окно, зажгла лампу, да и давай меня мутузить пьянаго. Вздула, приволокла сюда и заперла. Питаюсь теперь... Любовь, водка и закуска! Но, куда вы? Чубиковъ, куда ты?

Слѣдователь плюнулъ и вышелъ изъ бани. За нимъ, повѣсивъ голову, вышелъ Дюковскій. Оба, молча, сѣли въ шарабанъ и поѣхали. Никогда въ другое время дорога не казалась имъ такою скучной и длинной, какъ въ этотъ разъ. Оба молчали. Чубиковъ всю дорогу дрожалъ отъ злости, Дюковскій пряталъ свое лицо въ воротникъ, точно боялся, чтобы темнота и моросившій дождь не прочли стыда на его лицѣ.

Пріѣхавъ домой, слѣдователь засталъ у себя доктора Тютюева. Докторъ сидѣлъ за столомъ и, глубоко вздыхая, перелистывалъ «Ниву».

— Дѣла-то какія на бѣломъ свѣтѣ!—сказалъ онъ, встрѣчая слѣдователя съ грустной улыбкой.—Опять Австрія того!.. И Гладстонъ тоже нѣкоторымъ образомъ...

Чубиковъ бросилъ подъ столъ шляпу и затрясся.

— Скелетъ чортовъ! Не лѣзь ко мнѣ! Тысячу разъ говорилъ я тебѣ, чтобы ты не лѣзъ ко мнѣ со своею политикой! Не до политики тутъ! А тебѣ,—обратился Чубиковъ къ Дюковскому, потрясая кулакомъ,—а тебѣ... во вѣки вѣковъ не забуду!

— Но... шведская спичка вѣдь! Могъ ли я знать!

— Подавись своей спичкой! Уйди и не раздражай, а то

я изъ тебя чортъ знаетъ, что сдѣлаю! Чтобы и ноги твоей не было!

Дюковскій вздохнулъ, взялъ шляпу и вышелъ.

— Пойду запью!—рѣшилъ онъ, выйдя за ворота, и побрелъ печально въ трактиръ.

Становиха, придя изъ бани домой, нашла мужа въ гостиной.

— Зачѣмъ слѣдователь пріѣзжалъ?—спросилъ мужъ.

— Пріѣзжалъ сказать, что Кляузова нашли. Вообрази, нашли его у чужой жены!

— Эхъ, Маркъ Иванычъ, Маркъ Иванычъ!—вздохнулъ становой, поднимая вверхъ глаза. — Говорилъ я тебѣ, что распутство не доводитъ до добра! Говорилъ я тебѣ, — не слушался!

ХУДОЖЕСТВО.

Хмурое зимнее утро.

На гладкой и блестящей поверхности рѣчки Быстрянки, кое-гдѣ посыпанной снѣгомъ, стоятъ два мужика: куцый Сережка и церковный сторожъ Матвѣй. Сережка, малый лѣтъ тридцати, коротконогій, оборванный, весь облѣзлый, сердито глядитъ на ледъ. Изъ его поношеннаго полушубка, словно на линяющемъ псѣ, отвисаютъ клочья шерсти. Въ рукахъ онъ держитъ циркуль, сдѣланный изъ двухъ длинныхъ спицъ. Матвѣй, благообразный старикъ, въ новомъ тулупѣ и валенкахъ, глядитъ кроткими голубыми глазами наверхъ, гдѣ на высокомъ, отлогомъ берегу живописно ютится село. Въ рукахъ у него тяжелый ломъ.

— Что жъ, это мы до вечера такъ будемъ стоять, сложа руки?—прерываетъ молчаніе Сережка, вскидывая свои сердитые глаза на Матвѣя. — Ты стоять сюда пришелъ, старый шутъ, или работать?

— Такъ ты тово... показывай... — бормочетъ Матвѣй, кротко мигая глазами.

— Показывай... Все я: я и показывай, я и дѣлай. У самихъ ума нѣтъ! Мѣрять чиркулемъ, вотъ нужно что! Не вымѣрявши, нельзя ледъ ломать. Мѣряй! Бери чиркуль!

Матвѣй беретъ изъ рукъ Сережки циркуль и неумѣло, топчась на одномъ мѣстѣ и тыча во всѣ стороны локтями,

начинаетъ выводить на льду окружность. Сережка презрительно щуритъ глаза и видимо наслаждается его застѣнчивостью и невѣжествомъ.

— Э-э-э-!—сердится онъ.—И того ужъ не можешь! Сказано, мужикъ глупый, деревеньщина! Тебѣ гусей пасти, а не Іордань дѣлать! Дай сюда чиркуль! Дай сюда, тебѣ говорю!

Сережка рветъ изъ рукъ вспотѣвшаго Матвѣя циркуль и въ одно мгновеніе, молодцовато повернувшись на одномъ каблукѣ, чертитъ на льду окружность. Границы для будущей Іордани уже готовы; теперь остается только колоть ледъ...

Но прежде чѣмъ приступить къ работѣ, Сережка долго еще ломается, капризничаетъ, попрекаетъ:

— Я не обязанъ на васъ работать! Ты при церкви служишь, ты и дѣлай!

Онъ видимо наслаждается своимъ обособленнымъ положеніемъ, въ какое поставила его теперь судьба, давшая ему рѣдкій талантъ — удивлять разъ въ годъ весь міръ своимъ искусствомъ. Бѣдному, кроткому Матвѣю приходится выслушать отъ него много ядовитыхъ, презрительныхъ словъ. Принимается Сережка за дѣло съ досадой, съ сердцемъ. Ему лѣнь. Не успѣлъ онъ начертить окружность, какъ его уже тянетъ наверхъ въ село пить чай, шататься, пустословить.

— Я сейчасъ приду... —говоритъ онъ, закуривая.—А ты тутъ пока, чѣмъ такъ стоять и считать воронъ, принесъ бы на чемъ сѣсть, да подмети.

Матвѣй остается одинъ. Воздухъ сѣръ и неласковъ, но тихъ. Изъ-за разбросанныхъ по берегу избъ привѣтливо выглядываетъ бѣлая церковь. Около ея золотыхъ крестовъ, не переставая, кружатся галки. Въ сторону отъ села, гдѣ берегъ обрывается и становится крутымъ, надъ самой кру-

чей стоитъ спутанная лошадь неподвижно, какъ каменная,— должно быть, спитъ, или задумалась.

Матвѣй стоитъ тоже неподвижно, какъ статуя, и терпѣливо ждетъ. Задумчиво сонный видъ рѣки, круженье галокъ и лошадь нагоняютъ на него дремоту. Проходитъ часъ, другой, а Сережки все нѣтъ. Давно уже рѣка подметена и принесенъ ящикъ, чтобъ сидѣть, а пьянчуга не показывается. Матвѣй ждетъ и только позѣвываетъ. Чувство скуки ему незнакомо. Прикажутъ ему стоять на рѣкѣ день, мѣсяцъ, годъ, и онъ будетъ стоять.

Наконецъ Сережка показывается изъ-за избъ. Онъ идетъ въ развалку, еле ступая. Идти далеко, лѣнь, и онъ спускается не по дорогѣ, а выбираетъ короткій путь, сверху внизъ по прямой линіи, и при этомъ вязнетъ въ снѣгу, цѣпляется за кусты, ползетъ на спинѣ—и все это медленно, съ остановками.

— Ты что же это? — набрасывается онъ на Матвѣя. — Что безъ дѣла стоишь? Когда же колоть ледъ?

Матвѣй крестится, беретъ въ обѣ руки ломъ и начинаетъ колоть ледъ, строго придерживаясь начерченной окружности. Сережка садится на ящикъ и слѣдитъ за тяжелыми, неуклюжими движеніями своего помощника.

— Легче у краевъ! Легче!—командуетъ онъ.—Не умѣешь, такъ не берись, а коли взялся, такъ дѣлай. Ты!

Наверху собирается толпа. Сережка, при видѣ зрителей, еще больше волнуется.

— Возьму и не стану дѣлать... — говоритъ онъ, закуривая вонючую папиросу и сплевывая. — Погляжу, какъ вы безъ меня тутъ. Въ прошломъ годѣ въ Костюковѣ Стенка Гульковъ взялся по моему Іордань строить. И что жъ? Смѣхъ одинъ вышелъ. Костюковскіе къ намъ же и пришли — видимо не видимо! Изо всѣхъ деревень народу навалило.

— Потому окромѣ насъ нигдѣ настоящей Іордани...

— Работай, некогда разговаривать.. Да, дѣдъ... Во всей

губерніи другой такой Іордани не найдешь. Солдаты сказываютъ, поди-ка поищи, въ городахъ даже хуже. Легче, легче!

Матвѣй кряхтитъ и отдувается. Работа не легкая. Ледъ крѣпокъ и глубокъ; нужно его скалывать и тотчасъ же уносить куски далеко въ сторону, чтобы не загромождать площади.

Но какъ ни тяжела работа, какъ ни безтолкова команда Сережки, къ тремъ часамъ дня на Быстрянкѣ уже темнѣетъ большой водяной кругъ.

— Въ прошломъ годѣ лучше было...—сердится Сережка.— И этого даже ты не могъ сдѣлать! Э, голова! Держатъ же такихъ дураковъ при храмѣ Божіемъ! Ступай, доску принеси колышки дѣлать! Неси кругъ, ворона! Да того... хлѣба захвати гдѣ-нибудь... огурцовъ, что ли.

Матвѣй уходитъ и, немного погодя, приноситъ на плечахъ громадный деревянный кругъ, покрашенный еще въ прежніе годы, съ разноцвѣтными узорами. Въ центрѣ круга красный крестъ, по краямъ дырочки для колышковъ. Сережка беретъ этотъ кругъ и закрываетъ имъ прорубь.

— Какъ разъ... годится... Подновимъ только краску и за первый сортъ... Ну, что жъ стоишь? Дѣлай аналой! Или того... ступай бревна принеси, крестъ дѣлать...

Матвѣй, съ самаго утра ничего не ѣвшій и не пившій, опять плетется на гору. Какъ ни лѣнивъ Сережка, но колышки онъ дѣлаетъ самъ, собственноручно. Онъ знаетъ, что эти колышки обладаютъ чудодѣйственной силою: кому достанется колышекъ послѣ водосвятія, тотъ весь годъ будетъ счастливъ. Такая ли работа неблагодарна?

Но самая настоящая работа начинается со слѣдующаго дня. Тутъ Сережка являетъ себя передъ невѣжественнымъ Матвѣемъ во всемъ величіи своего таланта. Его болтовнѣ, попрекамъ, капризамъ и прихотямъ нѣтъ конца. Сколачиваетъ Матвѣй изъ двухъ большихъ бревенъ высокій крестъ,

онъ не доволенъ и велитъ передѣлывать. Стоитъ Матвѣй, Сережка сердится, отчего онъ не идетъ; онъ идетъ, Сережка кричитъ ему, чтобы онъ не шелъ, а работалъ. Не удовлетворяютъ его ни инструменты, ни погода, ни собственный талантъ; ничто не нравится.

Матвѣй выпиливаетъ большой кусокъ льда для аналоя.

— Зачѣмъ же ты уголокъ отшибъ?—кричитъ Сережка и злобно таращитъ на него глаза.—Зачѣмъ же ты, я тебя спрашиваю, уголокъ отшибъ?

— Прости, Христа ради.

— Дѣлай сызнова!

Матвѣй пилитъ снова... и нѣтъ конца его мукамъ! Около проруби, покрытой изукрашеннымъ кругомъ, долженъ стоять аналой; на аналоѣ нужно выточить крестъ и раскрытое евангеліе. Но это не все. За аналоемъ будетъ стоять высокій крестъ, видимый всей толпѣ и играющій на солнцѣ, какъ осыпанный алмазами и рубинами. На крестѣ голубь, выточенный изъ льда. Путь отъ церкви къ Іордани будетъ посыпанъ елками и можжевельникомъ. Такова задача.

Прежде всего Сережка принимается за аналой. Работаетъ онъ терпугомъ, долотомъ и шиломъ. Крестъ на аналоѣ, евангеліе и епитрахиль, спускающаяся съ аналоя, удаются ему вполнѣ. Затѣмъ приступаетъ къ голубю. Пока онъ старается выточить на лицѣ голубя кротость и смиренномудріе, Матвѣй, поворачиваясь какъ медвѣдь, обдѣлываетъ крестъ, сколоченный изъ бревенъ. Онъ беретъ крестъ и окунаетъ его въ прорубь. Дождавшись, когда вода замерзнетъ на крестѣ, онъ окунаетъ его въ другой разъ, и такъ до тѣхъ поръ, пока бревна не покроются густымъ слоемъ льда... Работа не легкая, требующая и избытка силъ, и терпѣнія.

Но вотъ тонкая работа кончена. Сережка бѣгаетъ по селу, какъ угорѣлый. Онъ спотыкается, бранится, клянется, что сейчасъ пойдетъ на рѣку и сломаетъ всю работу. Это онъ ищетъ подходящихъ красокъ.

Карманы у него полны охры, синьки, сурика, мѣдянки; не заплативъ ни копейки, онъ опрометью выбѣгаетъ изъ одной лавки и бѣжитъ въ другую. Изъ лавки рукой подать въ кабакъ. Тутъ выпьетъ, махнетъ рукой и, не заплативъ, летитъ дальше. Въ одной избѣ беретъ онъ свекловичныхъ бураковъ, въ другой луковичной шелухи, изъ которой дѣлаетъ онъ желтую краску. Онъ бранится, толкается, грозитъ и... хоть бы одна живая душа огрызнулась! Всѣ улыбаются ему, сочувствуютъ, величаютъ Сергѣемъ Никитичемъ, всѣ чувствуютъ, что художество есть не его личное, а общее, народное дѣло. Одинъ творитъ, остальные ему помогаютъ. Сережка самъ по себѣ ничтожество, лѣнтяй, пьянчуга и мотъ, но когда онъ съ сурикомъ, или циркулемъ въ рукахъ, то онъ уже нѣчто высшее, Божій слуга.

Настаетъ крещенское утро. Церковная ограда и оба берега на далекомъ пространствѣ кишатъ народомъ. Все, что составляетъ Іордань, старательно скрыто подъ новыми рогожами. Сережка смирно ходитъ около рогожъ и старается побороть волненіе. Онъ видитъ тысячи народа: тутъ много и изъ чужихъ приходовъ; всѣ эти люди въ морозъ, по снѣгу прошли не мало верстъ пѣшкомъ только затѣмъ, чтобы увидѣть его знаменитую Іордань. Матвѣй, который кончилъ свое чернорабочее, медвѣжье дѣло, уже опять въ церкви; его не видно, не слышно; про него уже забыли... Погода прекрасная... На небѣ ни облачка. Солнце свѣтитъ ослѣпительно.

Наверху раздается благовѣстъ... Тысячи головъ обнажаются, движатся тысячи рукъ,—тысячи крестныхъ знаменій!

И Сережка не знаетъ, куда дѣваться отъ нетерпѣнія. Но вотъ, наконецъ, звонятъ къ «Достойно»; затѣмъ, полчаса спустя, на колокольнѣ и въ толпѣ замѣтно какое-то волненіе. Изъ церкви одну за другою выносятъ хоругви, раздается бойкій, спѣшащій трезвонъ. Сережка дрожащей

рукой сдергиваетъ рогожи... и народъ видитъ нѣчто необычайное. Аналой, деревянный кругъ, колышки и крестъ на льду переливаютъ тысячами красокъ. Крестъ и голубь испускаютъ изъ себя такіе лучи, что смотрѣть больно... Боже милостивый, какъ хорошо! Въ толпѣ пробѣгаетъ гулъ удивленія и восторга; трезвонъ дѣлается еще громче, день еще яснѣе. Хоругви колышатся и двигаются надъ толпой, точно по волнамъ. Крестный ходъ, сіяя ризами иконъ и духовенства, медленно сходитъ внизъ по дорогѣ и направляется къ Іордани. Машутъ колокольнѣ руками, чтобы тамъ перестали звонить, и водосвятіе начинается. Служатъ долго, медленно, видимо стараясь продлить торжество и радость общей народной молитвы. Тишина.

Но вотъ погружаютъ крестъ, и воздухъ оглашается необыкновеннымъ гуломъ. Пальба изъ ружей, трезвонъ, громкія выраженія восторга, крики и давка въ погонѣ за колышками. Сережка прислушивается къ этому гулу, видитъ тысячи устремленныхъ на него глазъ, и душа лѣнтяя наполняется чувствомъ славы и торжества.

УПРАЗДНИЛИ!

Недавно, во время половодья, помѣщикъ, отставной прапорщикъ Вывертовъ угощалъ заѣхавшаго къ нему землемѣра Катавасова. Выпивали, закусывали и говорили о новостяхъ. Катавасовъ, какъ городской житель, обо всемъ зналъ: о холерѣ, о войнѣ и даже объ увеличеніи акциза въ размѣрѣ одной копейки на градусъ. Онъ говорилъ, а Вывертовъ слушалъ, ахалъ и каждую новость встрѣчалъ восклицаніями: «Скажите, однако! Ишь ты вѣдь! Ааа»...

— А отчего вы нынче безъ погончиковъ, Семенъ Антипычъ?—полюбопытствовалъ онъ между прочимъ.

Землемѣръ не сразу отвѣтилъ. Онъ помолчалъ, выпилъ рюмку водки, махнулъ рукой и тогда уже сказалъ:

— Упразднили!

— Ишь-ты! Ааа... Я газетъ-то не читаю и ничего про это не знаю. Стало-быть, нынче гражданское вѣдомство не носитъ уже погоновъ? Скажите, однако! А это, знаете ли, отчасти хорошо: солдатики не будутъ васъ съ господами офицерами смѣшивать и честь вамъ отдавать. Отчасти же, признаться, и не хорошо. Нѣтъ уже у васъ того вида, сановитости! Нѣтъ того благородства!

— Ну, да что!—сказалъ землемѣръ и махнулъ рукой.—

Внѣшній видъ наружности не составляетъ важнаго предмета. Въ погонахъ ты, или безъ погоновъ—это все равно, было бы въ тебѣ званіе сохранено. Мы нисколько не обижаемся. А вотъ васъ такъ дѣйствительно обидѣли, Павелъ Игнатьичъ! Могу посочувствовать.

— То-есть, какъ-съ?—спросилъ Вывертовъ.—Кто же меня можетъ обидѣть?

— Я насчетъ того факта, что васъ упразднили. Прапорщикъ хоть и маленькій чинъ, хоть и ни то, ни сё, но все же онъ слуга отечества, офицеръ... кровь проливалъ... За что его упразднять?

— То-есть... извините, я васъ не совсѣмъ понимаю-съ... залепеталъ Вывертовъ, блѣднѣя и дѣлая большіе глаза.— Кто же меня упразднялъ?

— Да развѣ вы не слыхали? Былъ такой указъ, чтобъ прапорщиковъ вовсе не было. Чтобъ ни одного прапорщика! Чтобъ и духу ихъ не было! Да развѣ вы не слыхали? Всѣхъ служащихъ прапорщиковъ велѣно въ подпоручики произвести, а вы, отставные, какъ знаете. Хотите, будьте прапорщиками, а не хотите, такъ и не надо.

— Гм... Кто же я теперь такой есть?

— А Богъ васъ знаетъ, кто вы. Вы теперь — ничего, недоумѣніе, эѳиръ! Теперь вы и сами не разберете, кто вы такой.

Вывертовъ хотѣлъ спросить что-то, но не смогъ. Подъ ложечкой у него похолодѣло, колѣни подогнулись, языкъ не поворачивался. Какъ жевалъ колбасу, такъ она и осталась у него во рту не разжеванной.

— Не хорошо съ вами поступили, что и говорить!—сказалъ землемѣръ и вздохнулъ.—Все хорошо, но этого мѣропріятія одобрить не могу. То-то, небось, теперь въ иностранныхъ газетахъ! А?

— Опять-таки я не понимаю... выговорилъ Вывертовъ.— Ежели я теперь не прапорщикъ, то кто же я такой? Никто?

Нуль? Стало-быть, ежели я васъ понимаю, мнѣ можетъ теперь всякій сгрубить, можетъ на меня тыкнуть?

— Этого ужъ я не знаю. Насъ же принимаютъ теперь за кондукторовъ! Намедни начальникъ движенія на здѣшней дорогѣ идетъ, знаете ли, въ своей инженерной шинели, по-нынѣшнему безъ погоновъ, а какой-то генералъ и кричитъ: «Кондукторъ, скоро ли поѣздъ пойдетъ?» Вцѣпились! Скандалъ! Объ этомъ въ газетахъ нельзя писать, но вѣдь... всѣмъ извѣстно! Шила въ мѣшкѣ не утаишь!

Вывертовъ, ошеломленный новостью, ужъ больше не пилъ и не ѣлъ. Разъ попробовалъ онъ выпить холоднаго квасу, чтобы прійти въ чувство, но квасъ остановился поперекъ горла и—назадъ.

Проводивъ землемѣра, упраздненный прапорщикъ заходилъ по всѣмъ комнатамъ и сталъ думать. Думалъ, думалъ и ничего не надумалъ. Ночью онъ лежалъ въ постели, вздыхалъ и тоже думалъ.

— Да будетъ тебѣ мурлыкать!—сказала жена Арина Матвѣевна и толкнула его локтемъ. — Стонетъ, словно родить собирается! Можетъ-быть, это еще и не правда. Ты завтра съѣзди къ кому-нибудь и спроси. Тряпка!

— А вотъ какъ останешься безъ званія и титула, тогда тебѣ и будетъ тряпка. Развалилась тутъ, какъ бѣлуга, и — тряпка! Не ты, небось, кровь проливала!

На другой день утромъ, всю ночь не спавшій Вывертовъ запрягъ своего каураго въ бричку и поѣхалъ наводить справки. Рѣшилъ онъ заѣхать къ кому-нибудь изъ сосѣдей, а ежели представится надобность, то и къ самому предводителю. Проѣзжая черезъ Ипатьево, онъ встрѣтился тамъ съ протоіереемъ Пафнутіемъ Амаликитянскимъ. Отецъ протоіерей шелъ отъ церкви къ дому и, сердито помахивая жезломъ, то и дѣло оборачивался къ шедшему за нимъ дьячку и бормоталъ: «Да и дуракъ же ты, братецъ! Вотъ дуракъ!»

Вывертовъ вылѣзъ изъ брички и подошелъ подъ благословеніе.

— Съ праздникомъ васъ, отецъ протоіерей!—поздравилъ онъ, цѣлуя руку.—Обѣдню изволили служить-съ?

— Да, литургію.

— Такъ-съ... У всякаго свое дѣло! Вы стадо духовное пасете, мы землю удобряемъ по мѣрѣ силъ... А отчего вы сегодня безъ орденовъ?

Батюшка вмѣсто отвѣта нахмурился, махнулъ рукой и зашагалъ дальше.

— Имъ запретили!—пояснилъ дьячокъ шопотомъ.

Вывертовъ проводилъ глазами сердито шагавшаго протоіерея, и сердце его сжалось отъ горькаго предчувствія: сообщеніе, сдѣланное землемѣромъ, казалось теперь близкимъ къ истинѣ!

Прежде всего заѣхалъ онъ къ сосѣду маіору Ижицѣ, и когда его бричка въѣзжала въ маіорскій дворъ, онъ увидѣлъ картину. Ижица въ халатѣ и турецкой фескѣ стоялъ посреди двора, сердито топалъ ногами и размахивалъ руками. Мимо него взадъ и впередъ кучеръ Филька водилъ хромавшую лошадь.

— Негодяй!—кипятился маіоръ.—Мошенникъ! Каналья! Повѣсить тебя мало, анаѳему! Афганецъ! Ахъ, мое вамъ почтеніе!—сказалъ онъ, увидѣвъ Вывертова.—Очень радъ васъ видѣть. Какъ вамъ это понравится? Недѣля ужъ, какъ ссадилъ лошади ногу, и молчитъ, мошенникъ! Ни слова! Не догляди я самъ, пропало бы къ чорту копыто! А? Каковъ народецъ? И его не бить по мордѣ? Не бить? Не бить, я васъ спрашиваю?

— Лошадка славная,—сказалъ Вывертовъ, подходя къ Ижицѣ.—Жалко! Вы, маіоръ, за коноваломъ пошлите. У меня, маіоръ, на деревнѣ есть отличный коновалъ!

— Маіоръ... проворчалъ Ижица, презрительно улыбаясь.—

Маіоръ!.. Не до шутокъ мнѣ! У меня лошадь заболѣла, а вы: маіоръ! маіоръ! Точно галка: крр!.. крр!

— Я васъ, маіоръ, не понимаю. Нешто можно благороднаго человѣка съ галкой сравнивать?

— Да какой же я маіоръ? Нешто я маіоръ?

— Кто же вы?

— А чортъ меня знаетъ, кто я!—сказалъ Ижица.—Ужъ больше года, какъ маіоровъ нѣтъ. Да вы что же это? Вчера только родились, что ли?

Вывертовъ съ ужасомъ поглядѣлъ на Ижицу и сталъ отирать съ лица потъ, предчувствуя что-то очень недоброе.

— Однако позвольте же... сказалъ онъ. — Я васъ все-таки не понимаю... Маіоръ, вѣдь, чинъ значительный!

— Да-съ!!

— Такъ какъ же это? И вы... ничего?

Маіоръ только махнулъ рукой и началъ разсказывать ему, какъ подлецъ Филька сшибъ лошади копыто, разсказывалъ длинно и въ концѣ-концовъ даже къ самому лицу его поднесъ больное копыто съ гноящейся ссадиной и навознымъ пластыремъ, но Вывертовъ не понималъ, не чувствовалъ и глядѣлъ на все какъ сквозь рѣшётку. Безсознательно онъ простился, влѣзъ въ свою бричку и крикнулъ съ отчаяніемъ:

— Къ предводителю! Живо! Луни кнутомъ!

Предводитель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ягодышевъ жилъ не далеко. Черезъ какой-нибудь часъ Вывертовъ входилъ уже къ нему въ кабинетъ и кланялся. Предводитель сидѣлъ на софѣ и читалъ «Новое Время». Увидѣвъ входящаго, онъ кивнулъ головой и указалъ на кресло.

— Я, ваше превосходительство,—началъ Вывертовъ,—долженъ былъ сначала представиться вамъ, но находясь въ невѣдѣніи касательно своего званія, осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему превосходительству за разъясненіемъ...

— Позвольте-съ, почтеннѣйшій,—перебилъ его предводи-

тель. — Прежде всего не называйте меня превосходительствомъ. Прошу-съ!

— Что вы-съ... Мы люди маленькіе...

— Не въ томъ дѣло-съ! Пишутъ вотъ... (предводитель ткнулъ въ «Новое Время» и проткнулъ его пальцемъ) пишутъ вотъ, что мы, дѣйствительные статскіе совѣтники, не будемъ ужъ болѣе превосходительствами. За достовѣрное сообщаютъ-съ! Что-жъ? И не нужно, милостивый государь! Не нужно! Не называйте! И не надо!

Ягодышевъ всталъ и гордо прошелся по кабинету... Вывертовъ испустилъ вздохъ и уронилъ на полъ фуражку.

«Ужъ ежели до нихъ добрались,—подумалъ онъ, — то о прапорщикахъ да о маіорахъ и спрашивать нечего. Уйду лучше...»

Вывертовъ пробормоталъ что-то и вышелъ, забывъ въ кабинетѣ предводителя фуражку. Черезъ два часа онъ пріѣхалъ къ себѣ домой блѣдный, безъ шапки, съ тупымъ выраженіемъ ужаса на лицѣ. Вылѣзая изъ брички, онъ робко взглянулъ на небо: не упразднили ли ужъ и солнца? Жена, пораженная его видомъ, забросала его вопросами, но на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ только маханіемъ руки...

Недѣлю онъ не пилъ, не ѣлъ, не спалъ, а какъ шальной ходилъ изъ угла въ уголъ и думалъ. Лицо его осунулось, взоры потускнѣли... Ни съ кѣмъ онъ не заговаривалъ, ни къ кому ни за чѣмъ не обращался, а когда Арина Матвѣевна приставала къ нему съ вопросами, онъ только отмахивался рукой и—ни звука... Ужъ чего только съ нимъ ни дѣлали, чтобы привести его въ чувство! Поили его бузиной, давали «на внутрь» масла изъ лампадки, сажали на горячій кирпичъ, но ничто не помогало, онъ хирѣлъ и отмахивался. Позвали, наконецъ, для вразумленія отца Пафнутія. Протоіерей полъ-дня бился, объясняя ему, что все теперь клонится не къ уничиженію, а къ возвеличенію, но доброе

сѣмя его упало на неблагодарную почву. Взялъ пятерку за труды, да такъ и уѣхалъ, ничего не добившись.

Помолчавъ недѣлю, Вывертовъ какъ будто бы заговорилъ.

— Что жъ ты молчишь, харя?—набросился онъ внезапно на казачка Илюшку.—Груби! Издѣвайся! Тыкай на уничтоженнаго! Торжествуй!

Сказалъ это, заплакалъ и опять замолчалъ на недѣлю. Арина Матвѣевна рѣшила пустить ему кровь. Пріѣхалъ фельдшеръ, выпустилъ изъ него двѣ тарелки крови, и отъ этого словно бы полегчало. На другой день послѣ кровопролитія, Вывертовъ подошелъ къ кровати, на которой лежала жена, и сказалъ:

— Я, Арина, этого такъ не оставлю. Теперь я на все рѣшился... Чинъ я свой заслужилъ, и никто не имѣетъ полнаго права на него посягать. Я вотъ что надумалъ: напишу какому-нибудь высокопоставленному лицу прошеніе и подпишусь: прапорщикъ такой-то... пра-пор-щикъ... Понимаешь? На-зло! Пра-пор-щикъ... Пускай! На-зло!

И эта мысль такъ понравилась Вывертову, что онъ просіялъ и даже попросилъ ѣсть. Теперь онъ, озаренный новымъ рѣшеніемъ, ходитъ по комнатамъ, язвительно улыбается и мечтаетъ:

— Пра-пор-щикъ... На-зло!

УНТЕРЪ ПРИШИБЕЕВЪ.

— Унтеръ-офицеръ Пришибеевъ! Вы обвиняетесь въ томъ, что 3-го сего сентября оскорбили словами и дѣйствіемъ урядника Жигина, волостного старшину Аляшова, сотскаго Ефимова, понятыхъ Иванова и Гаврилова и еще шестерыхъ крестьянъ, при чемъ первымъ тремъ было нанесено вами оскорбленіе при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Признаете вы себя виновнымъ?

Пришибеевъ, сморщенный унтеръ съ колючимъ лицомъ, дѣлаетъ руки по швамъ и отвѣчаетъ хриплымъ, придушеннымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, точно командуя:

— Ваше высокородіе, господинъ мировой судья! Сталобыть, по всѣмъ статьямъ закона выходитъ причина аттестовать всякое обстоятельство во взаимности. Виновенъ не я, а всѣ прочіе. Все это дѣло вышло изъ-за, царствіе ему небесное, мертваго трупа. Иду это я третьяго числа съ женой Анфисой тихо, благородно, смотрю—стоитъ на берегу куча разнаго народа людей. По какому полному праву тутъ народъ собрался? спрашиваю. Зачѣмъ? Нешто въ законѣ сказано, чтобъ народъ табуномъ ходилъ? Кричу: разойдись! Сталъ расталкивать народъ, чтобъ расходились по домамъ, приказалъ сотскому гнать въ-зашей...

— Позвольте, вы вѣдь не урядникъ, не староста,—развѣ это ваше дѣло народъ разгонять?

— Не его! Не его! — слышатся голоса изъ разныхъ угловъ камеры.—Житья отъ него нѣту, вашескородіе! Пятнадцать лѣтъ отъ него терпимъ! Какъ пришелъ со службы, такъ съ той поры хоть изъ села бѣги. Замучилъ всѣхъ!

— Именно такъ, вашескородіе!—говоритъ свидѣтель староста.—Всѣмъ міромъ жалимся. Жить съ нимъ никакъ невозможно! Съ образами ли ходимъ, свадьба ли, или, положимъ, случай какой, вездѣ онъ кричитъ, шумитъ, все порядки вводитъ. Ребятамъ уши деретъ, за бабами подглядываетъ, чтобъ чего не вышло, словно свекоръ какой... Намеднись по избамъ ходилъ, приказывалъ, чтобъ пѣсней не пѣли и чтобъ огней не жгли. Закона, говоритъ, такого нѣтъ, чтобъ пѣсни пѣть.

— Погодите, вы еще успѣете дать показаніе,—говоритъ мировой,—а теперь пусть Пришибеевъ продолжаетъ. Продолжайте, Пришибеевъ!

— Слушаю-съ!—хрипитъ унтеръ.—Вы, ваше высокородіе, изволите говорить, не мое это дѣло народъ разгонять... Хорошо-съ... А ежели безпорядки? Нешто можно дозволять, чтобы народъ безобразилъ? Гдѣ это въ законѣ написано, чтобъ народу волю давать? Я не могу дозволять-съ. Ежели я не стану ихъ разгонять, да взыскивать, то кто же станетъ? Никто порядковъ настоящихъ не знаетъ, во всемъ селѣ только я одинъ, можно сказать, ваше высокородіе, знаю, какъ обходиться съ людями простого званія, и, ваше высокородіе, я могу все понимать. Я не мужикъ, я унтеръ-офицеръ, отставной каптенармусъ, въ Варшавѣ служилъ, въ штабѣ-съ, а послѣ того, изволите знать, какъ въ чистую вышелъ, былъ въ пожарныхъ-съ, а послѣ того по слабости болѣзни ушелъ изъ пожарныхъ, и два года въ мужской классической прогимназіи въ швейцарахъ служилъ... Всѣ порядки знаю-съ. А мужикъ простой человѣкъ, онъ ничего не понимаетъ, и долженъ меня слушать, потому — для его же пользы. Взять хоть это дѣло къ примѣру... Разгоняю я

народъ, а на берегу на песочкѣ утоплый трупъ мертваго человѣка. По какому такому основанію, спрашиваю, онъ тутъ лежитъ? Нешто это порядокъ? Что урядникъ глядитъ? Отчего ты, говорю, урядникъ, начальству знать не даешь? Можетъ, этотъ утоплый покойникъ самъ утопъ, а можетъ, тутъ дѣло Сибирью пахнетъ. Можетъ, тутъ уголовное смертоубійство... А урядникъ Жигинъ никакого вниманія, только папироску куритъ. «Что это, говоритъ, у васъ за указчикъ такой? Откуда, говоритъ, онъ у васъ такой взялся? Нешто мы безъ него, говоритъ, не знаемъ нашего поведенія?» Стало-быть, говорю, ты не знаешь, дуракъ этакой, коли тутъ стоишь и безъ вниманія. «Я, говоритъ, еще вчера далъ знать становому приставу». Зачѣмъ же, спрашиваю, становому приставу? По какой статьѣ свода законовъ? Нешто въ такихъ дѣлахъ, когда утопшіе, или удавившіе, и прочее тому подобное,—нешто въ такихъ дѣлахъ становой можетъ? Тутъ, говорю, дѣло уголовное, гражданское... Тутъ, говорю, скорѣй посылать эстафетъ господину слѣдователю и судьямъ-съ. И перво-на-перво ты долженъ, говорю, составить актъ и послать господину мировому судьѣ. А онъ, урядникъ, все слушаетъ и смѣется. И мужики тоже. Всѣ смѣялись, ваше высокородіе. Подъ присягой могу показать. И этотъ смѣялся, и вотъ этотъ, и Жигинъ смѣялся. Что, говорю, зубья скалите? А урядникъ и говоритъ: «мировому, говоритъ, судьѣ такія дѣла не подсудны». Отъ этихъ самыхъ словъ меня даже въ жаръ бросило. Урядникъ, вѣдь ты это сказывалъ? — обращается унтеръ къ уряднику Жигину.

— Сказывалъ.

— Всѣ слыхали, какъ ты это самое при всемъ простомъ народѣ. «Мировому судьѣ такія дѣла неподсудны». Всѣ слыхали, какъ ты это самое... Меня, ваше высокородіе, въ жаръ бросило, я даже сробѣлъ весь. Повтори, говорю, повтори, такой-сякой, что ты сказалъ! Онъ опять эти самыя слова... Я къ нему. Какъ же, говорю, ты

можешь такъ объяснять про господина мирового судью? Ты, полицейскій урядникъ, да противъ власти? А? Да ты, говорю, знаешь, что господинъ мировой судья, ежели пожелаютъ, могутъ тебя за такія слова въ губернское жандармское управленіе по причинѣ твоего неблагонадежнаго поведенія? Да ты, знаешь, говорю, куда за такія политическія слова тебя угнать можетъ господинъ мировой судья? А старшина говоритъ:—«Мировой, говоритъ, дальше своихъ предѣловъ ничего обозначить не можетъ. Только малыя дѣла ему подсудны». Такъ и сказалъ, всѣ слышали... Какъ же, говорю, ты смѣешь власть уничижать? Ну, говорю, со мной не шути шутокъ, а то дѣло, братъ, плохо. Бывало, въ Варшавѣ, или когда въ швейцарахъ былъ въ мужской классической прогимназіи, то какъ заслышу какія неподходящія слова, то гляжу на улицу, не видать ли жандарма; «поди, говорю, сюда, кавалеръ»,—и все ему докладываю. А тутъ въ деревнѣ кому скажешь?.. Взяло меня зло. Обидно стало, что нынѣшній народъ забылся въ своеволіи и неповиновеніи, я размахнулся и... конечно, не то чтобы сильно, а такъ, правильно, полегоньку, чтобъ не смѣлъ про ваше высокородіе такія слова говорить... За старшину урядникъ вступился. Я, стало-быть, и урядника... И пошло... Погорячился, ваше высокородіе, ну да вѣдь безъ того нельзя, чтобъ не побить. Ежели глупаго человѣка не побьешь, то на твоей же душѣ грѣхъ. Особливо, ежели за дѣло... ежели безпорядокъ...

— Позвольте! За непорядками есть кому глядѣть. На это есть урядникъ, староста, сотскій...

— Уряднику за всѣмъ не углядѣть, да урядникъ и не понимаетъ того, что я понимаю...

— Но поймите, что это не ваше дѣло!

— Чего-съ? Какъ же это не мое? Чудно-съ... Люди безобразятъ и не мое дѣло! Что-жъ мнѣ хвалить ихъ, что-ли? Они вотъ жалятся вамъ, что я пѣсни пѣть запрещаю...

Да что хорошаго въ пѣсняхъ-то? Вмѣсто того, чтобъ дѣломъ какимъ заниматься, они пѣсни... А еще тоже моду взяли вечера съ огнемъ сидѣть. Нужно спать ложиться, а у нихъ разговоры да смѣхи. У меня записано-съ!

— Что у васъ записано?

— Кто съ огнемъ сидитъ.

Пришибеевъ вынимаетъ изъ кармана засаленную бумажку, надѣваетъ очки и читаетъ:

— Которые крестьяне сидятъ съ огнемъ: Иванъ Прохоровъ, Савва Микифоровъ, Петръ Петровъ. Солдатка Шустрова вдова живетъ въ развратномъ беззаконіи съ Семеномъ Кисловымъ. Игнатъ Сверчокъ занимается волшебствомъ и жена его Мавра есть вѣдьма, по ночамъ ходитъ доить чужихъ коровъ.

— Довольно!—говоритъ судья и начинаетъ допрашивать свидѣтелей.

Унтеръ Пришибеевъ поднимаетъ очки на лобъ и съ удивленіемъ глядитъ на мирового, который, очевидно, не на его сторонѣ. Его выпученные глаза блестятъ, носъ становится ярко-краснымъ. Глядитъ онъ на мирового, на свидѣтелей и никакъ не можетъ понять, отчего это мировой такъ взволнованъ, и отчего изъ всѣхъ угловъ камеры слышится то ропотъ, то сдержанный смѣхъ. Непонятенъ ему и приговоръ: на мѣсяцъ подъ арестъ!

— За что?!—говоритъ онъ, разводя въ недоумѣніи руками.—По какому закону?

И для него ясно, что міръ измѣнился и что жить на свѣтѣ уже никакъ не возможно. Мрачныя, унылыя мысли овладѣваютъ имъ. Но выйдя изъ камеры и увидѣвъ мужиковъ, которые толпятся и говорятъ о чемъ-то, онъ по привычкѣ, съ которой уже совладать не можетъ, вытягиваетъ руки по швамъ и кричитъ хриплымъ, сердитымъ голосомъ:

— Народъ, расходись! Не толпись! По домамъ!

АНЮТА.

Въ самомъ дешевомъ номеркѣ меблированныхъ комнатъ «Лисабонъ», изъ угла въ уголъ ходилъ студентъ-медикъ 3-го курса, Степанъ Клочковъ, и усердно зубрилъ свою медицину. Отъ неустанной, напряженной зубрячки у него пересохло во рту и выступилъ на лбу потъ.

У окна, подернутаго у краевъ ледяными узорами, сидѣла на табуретѣ его жилица, Анюта, маленькая, худенькая брюнетка лѣтъ 25-ти, очень блѣдная, съ кроткими, сѣрыми глазами. Согнувши спину, она вышивала красными нитками по воротнику мужской сорочки. Работа была спѣшная... Коридорные часы сипло пробили два пополудни, а въ номеркѣ еще не было убрано. Скомканное одѣяло, разбросанныя подушки, книги, платье, большой, грязный тазъ, наполненный мыльными помоями, въ которыхъ плавали окурки, соръ на полу,—все, казалось, было свалено въ одну кучу, нарочно перемѣшано, скомкано...

— Правое легкое состоитъ изъ трехъ долей...—зубрилъ Клочковъ. — Границы! Верхняя доля на передней стѣнкѣ груди достигаетъ до 4—5 реберъ, на боковой поверхности до 4-го ребра... назади до spina scapulae...

Клочковъ, силясь представить себѣ только что прочитан-

ное, поднялъ глаза къ потолку. Не получивъ яснаго представленія, онъ сталъ прощупывать у себя сквозь жилетку верхнія ребра.

— Эти ребра похожи на рояльные клавиши, — сказалъ онъ. — Чтобы не спутаться въ счетѣ, къ нимъ непремѣнно нужно привыкнуть. Придется поштудировать на скелетѣ и на живомъ человѣкѣ... А ну-ка, Анюта, дай-ка, я оріентируюсь!

Анюта оставила вышиванье, сняла кофточку и выпрямилась. Клочковъ сѣлъ противъ нея, нахмурился и сталъ считать ея ребра.

— Гм... Первое ребро не прощупывается... Оно за ключицей... Вотъ это будетъ второе ребро... Такъ-съ... Это вотъ третье... Это вотъ четвертое... Гм... Такъ-съ... Что ты жмешься?

— У васъ пальцы холодные!

— Ну, ну... не умрешь, не вертись. Стало-быть, это третье ребро, а это четвертое... Тощая ты такая на видъ, а ребра едва прощупываются. Это второе... это третье... Нѣтъ, этакъ спутаешься и не представишь себѣ ясно... Придется нарисовать. Гдѣ мой уголекъ?

Клочковъ взялъ уголекъ и начертилъ имъ на груди у Анюты нѣсколько параллельныхъ линій, соотвѣтствующихъ ребрамъ.

— Превосходно. Все, какъ на ладони... Ну-съ, а теперь и постучать можно. Встань-ка!

Анюта встала и подняла подбородокъ. Клочковъ занялся выстукиваніемъ, и такъ погрузился въ это занятіе, что не замѣтилъ, какъ губы, носъ и пальцы у Анюты посинѣли отъ холода. Анюта дрожала и боялась, что медикъ, замѣтивъ ея дрожь, перестанетъ чертить углемъ и стучать, и потомъ, пожалуй, дурно сдастъ экзаменъ.

— Теперь все ясно,—сказалъ Клочковъ, переставъ сту-

чать.—Ты сиди такъ и не стирай угля, а я пока подзубрю еще немножко.

И медикъ опять сталъ ходить и зубрить. Анюта, точно татуированная, съ черными полосами на груди, съежившись отъ холода, сидѣла и думала. Она говорила вообще очень мало, всегда молчала и все думала, думала...

За всѣ шесть-семь лѣтъ ея шатанія по меблированнымъ комнатамъ, такихъ, какъ Клочковъ, знала она человѣкъ пять. Теперь всѣ они уже покончали курсы, вышли въ люди и, конечно, какъ порядочные люди, давно уже забыли ее. Одинъ изъ нихъ живетъ въ Парижѣ, два докторами, четвертый художникъ, а пятый даже, говорятъ, уже профессоръ. Клочковъ—шестой... Скоро и этотъ кончитъ курсъ, выйдетъ въ люди. Несомнѣнно, будущее прекрасно, и изъ Клочкова, вѣроятно, выйдетъ большой человѣкъ, но настоящее совсѣмъ плохо: у Клочкова нѣтъ табаку, нѣтъ чаю, и сахару осталось четыре кусочка. Нужно какъ можно скорѣе оканчивать вышиванье, нести къ заказчицѣ и потомъ купить на полученный четвертакъ и чаю, и табаку.

— Можно войти?—послышалось за дверью.

Анюта быстро накинула себѣ на плечи шерстяной платокъ. Вошелъ художникъ Фетисовъ.

— А я къ вамъ съ просьбой,—началъ онъ, обращаясь къ Клочкову, и звѣрски глядя изъ-подъ нависшихъ на лобъ волосъ.—Сдѣлайте одолженіе, одолжите мнѣ вашу прекрасную дѣвицу часика на два! Пишу, видите ли, картину, а безъ натурщицы никакъ нельзя!

— Ахъ, съ удовольствіемъ!—согласился Клочковъ.—Ступай, Анюта.

— Чего я тамъ не видѣла!— тихо проговорила Анюта.

— Ну, полно! Человѣкъ для искусства проситъ, а не для пустяковъ какихъ-нибудь. Отчего не помочь, если можешь?

Анюта стала одѣваться.

— А что вы пишете?—спросилъ Клочковъ.

— Психею. Хорошій сюжетъ, да все какъ-то не выходитъ; приходится все съ разныхъ натурщицъ писать. Вчера писалъ одну съ синими ногами. Почему, спрашиваю, у тебя синія ноги? Это, говоритъ, чулки линяютъ. А вы все зубрите! Счастливый человѣкъ, терпѣніе есть.

— Медицина такая штука, что никакъ нельзя безъ зубрячки.

— Гм... Извините, Клочковъ, но вы ужасно по-свински живете! Чортъ знаетъ, какъ живете!

— То-есть какъ? Иначе нельзя жить... Отъ батьки я получаю только двѣнадцать въ мѣсяцъ, а на эти деньги мудрено жить порядочно.

— Такъ-то такъ...—сказалъ художникъ и брезгливо поморщился,—но можно все-таки лучше жить... Развитой человѣкъ обязательно долженъ быть эстетикомъ. Не правда ли? А у васъ тутъ чортъ знаетъ что! Постель не прибрана, помои, соръ... вчерашняя каша на тарелкѣ... тьфу!

— Это правда, — сказалъ медикъ и сконфузился, — но Анютѣ некогда было сегодня убрать. Все время занята.

Когда художникъ и Анюта вышли, Клочковъ легъ на диванъ и сталъ зубрить лежа, потомъ нечаянно уснулъ, и, проснувшись черезъ часъ, подперъ голову кулаками и мрачно задумался. Ему вспомнились слова художника о томъ, что развитой человѣкъ обязательно долженъ быть эстетикомъ, и его обстановка въ самомъ дѣлѣ казалась ему теперь противной, отталкивающей. Онъ точно бы провидѣлъ умственнымъ окомъ то свое будущее, когда онъ будетъ принимать своихъ больныхъ въ кабинетѣ, пить чай въ просторной столовой, въ обществѣ жены, порядочной женщины,—и теперь этотъ тазъ съ помоями, въ которомъ плавали окурки, имѣлъ видъ до невѣроятія гадкій. Анюта тоже представля-

лась некрасивой, неряшливой, жалкой... И онъ рѣшилъ разстаться съ нею, немедля, во что̀ бы то ни стало.

Когда она, вернувшись отъ художника, снимала шубу, онъ поднялся и сказалъ ей серьезно:

— Вотъ что, моя милая... Садись и выслушай. Намъ нужно разстаться! Однимъ словомъ, жить съ тобою я больше не желаю.

Анюта вернулась отъ художника такая утомленная, изнеможенная. Лицо у нея отъ долгаго стоянія на натурѣ осунулось, похудѣло, и подбородокъ сталъ острѣй. Въ отвѣтъ на слова медика, она ничего не сказала и только губы у нея задрожали.

— Согласись, что рано или поздно намъ все равно пришлось-бы разстаться,—сказалъ медикъ.—Ты хорошая, добрая, и ты не глупая, ты поймешь...

Анюта опять надѣла шубу, молча завернула свое вышиванье въ бумагу, собрала нитки, иголки; свертокъ съ четырьмя кусочками сахару нашла на окнѣ и положила на столѣ возлѣ книгъ.

— Это ваше... сахаръ... — тихо сказала она и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Ну, что же ты плачешь?—спросилъ Клочковъ.

Онъ прошелся по комнатѣ въ смущеніи и сказалъ:

— Странная ты, право... Сама вѣдь знаешь, что намъ необходимо разстаться. Не вѣкъ же намъ быть вмѣстѣ.

Она уже забрала всѣ свои узелки и уже повернулась къ нему, чтобы проститься, и ему стало жаль ея.

«Развѣ пусть еще одну недѣлю поживетъ здѣсь?—подумалъ онъ.—Въ самомъ дѣлѣ, пусть еще поживетъ, а черезъ недѣлю я велю ей уйти».

И досадуя на свою безхарактерность, онъ крикнулъ ей сурово:

— Ну, что же стоишь! Уходить, такъ уходить, а не хочешь, такъ снимай шубу и оставайся! Оставайся!

Анюта сняла шубу, молча, потихоньку, потомъ высморкалась, тоже потихоньку, вздохнула и безшумно направилась къ своей постоянной позиціи—къ табурету у окна.

Студентъ потянулъ къ себѣ учебникъ и опять заходилъ изъ угла въ уголъ.

— Правое легкое состоитъ изъ трехъ долей...—зубрилъ онъ.—Верхняя доля на передней стѣнкѣ груди достигаетъ до 4—5 реберъ...

А въ коридорѣ кто-то кричалъ во все горло:

— Грригорій, самоваръ!

ВЪ МОСКВѢ НА ТРУБНОЙ ПЛОЩАДИ.

Небольшая площадь близъ Рождественскаго монастыря, которую называютъ Трубной, или просто Трубой; по воскресеньямъ, на ней бываетъ торгъ. Копошатся, какъ раки въ рѣшетѣ, сотни тулуповъ, бекешъ, мѣховыхъ картузовъ, цилиндровъ. Слышно разноголосое пѣніе птицъ, напоминающее весну. Если свѣтитъ солнце и на небѣ нѣтъ облаковъ, то пѣніе и запахъ сѣна чувствуются сильнѣе и это воспоминаніе о веснѣ возбуждаетъ мысль и уноситъ ее далеко-далеко. По одному краю площадки тянется рядъ возовъ. На возахъ не сѣно, не капуста, не бобы, а щеглы, чижи, красавки, жаворонки, черные и сѣрые дрозды, синицы, снигири. Все это прыгаетъ въ плохихъ, самодѣлковыхъ клѣткахъ, поглядываетъ съ завистью на свободныхъ воробьевъ и щебечетъ. Щеглы по пятаку, чижи подороже, остальная же птица имѣетъ самую неопредѣленную цѣнность.

— Почемъ жаворонокъ?

Продавецъ и самъ не знаетъ, какая цѣна его жаворонку. Онъ чешетъ затылокъ и запрашиваетъ сколько Богъ на душу положитъ — или рубль, или три копейки, смотря по покупателю. Есть и дорогія птицы. На запачканной жердочкѣ сидитъ полинялый старикъ-дроздъ съ ощипаннымъ хвостомъ. Онъ солиденъ, важенъ и неподвиженъ, какъ отстав-

ной генералъ. На свою неволю онъ давно уже махнулъ лапкой и на голубое небо давно уже глядитъ равнодушно. Должно-быть, за это свое равнодушіе онъ и почитается разсудительной птицей. Его нельзя продать дешевле какъ за сорокъ копеекъ. Около птицъ толкутся, шлепая по грязи, гимназисты, мастеровые, молодые люди въ модныхъ пальто, любители въ до нельзя поношенныхъ шапкахъ, въ подсученныхъ, истрепанныхъ, точно мышами изъѣденныхъ брюкахъ. Юнцамъ и мастеровымъ продаютъ самокъ за самцовъ, молодыхъ за старыхъ... Они мало смыслятъ въ птицахъ. Зато любителя не обманешь. Любитель издали видитъ и понимаетъ птицу.

— Положительности нѣтъ въ этой птицѣ,—говоритъ любитель, засматривая чижу въ ротъ и считая перья въ его хвостѣ.—Онъ теперь поетъ, это вѣрно, но что жъ изъ этого? И я въ компаніи запою. Нѣтъ, ты, братъ, мнѣ безъ компаніи, оратъ, запой; запой въ одиночку, ежели можешь... Ты подай мнѣ того вонъ, что̀ сидитъ и молчитъ! Тихоню подай! Этотъ молчитъ, стало-быть, себѣ на умѣ...

Между возами съ птицей попадаются возы и съ другого рода живностью. Тутъ вы видите зайцевъ, кроликовъ, ежей, морскихъ свинокъ, хорьковъ. Сидитъ заяцъ и съ горя солому жуетъ. Морскія свинки дрожатъ отъ холода, а ежи съ любопытствомъ посматриваютъ изъ-подъ своихъ колючекъ на публику.

— Я гдѣ-то читалъ,—говоритъ чиновникъ почтоваго вѣдомства, въ полиняломъ пальто, ни къ кому не обращаясь и любовно поглядывая на зайца,—я читалъ, что у какого-то ученаго кошка, мышь, кобчикъ и воробей изъ одной чашки ѣли.

— Очень это возможно, господинъ. Потому кошка битая, и у кобчика, небось, весь хвостъ повыдерганъ. Никакой учености тутъ нѣтъ, сударь. У моего кума была кошка, которая, извините, огурцы ѣла. Недѣли двѣ полосовалъ

кнутовищемъ, покудова выучилъ. Заяцъ, ежели его бить, спички можетъ зажигать. Чему вы удивляетесь? Очень просто! Возьметъ въ ротъ спичку и—чиркъ! Животное то же, что и человѣкъ. Человѣкъ отъ битья умнѣй бываетъ, такъ и тварь.

Въ толпѣ снуютъ чуйки съ пѣтухами и утками подъ мышкой. Птица все тощая, голодная. Изъ клѣтокъ высовываютъ свои некрасивыя, облѣзлыя головы цыплята и клюютъ что-то въ грязи. Мальчишки съ голубями засматриваютъ вамъ въ лицо и тщатся узнать въ васъ голубинаго любителя.

— Да-съ! Говорить вамъ нечего!—кричитъ кто-то сердито. — Вы посмотрите, а потомъ и говорите! Нешто это голубь? Это орелъ, а не голубь!

Высокій, тонкій человѣкъ съ бачками и бритыми усами, по наружности лакей, больной и пьяный, продаетъ бѣлую, какъ снѣгъ, болонку. Старуха-болонка плачетъ.

— Велѣла вотъ продать эту пакость, — говоритъ лакей, презрительно усмѣхаясь. — Обанкрутилась на старости лѣтъ, ѣсть нечего и теперь вотъ собакъ да кошекъ продаетъ. Плачетъ, цѣлуетъ ихъ въ поганыя морды, а сама продаетъ отъ нужды. Ей-Богу, фактъ! Купите, господа! На кофій деньги надобны.

Но никто не смѣется. Мальчишка стоитъ возлѣ и, прищуривъ одинъ глазъ, смотритъ на него серьезно, съ состраданіемъ.

Интереснѣе всего рыбный отдѣлъ. Душъ десять мужиковъ сидятъ въ рядъ. Передъ каждымъ изъ нихъ ведро, въ ведрахъ же маленькій, кромѣшный адъ. Тамъ въ зеленоватой, мутной водѣ копошатся карасики, вьюнки, малявки, улитки, лягушки-жерлянки, тритоны. Большіе рѣчные жуки съ поломанными ногами шныряютъ по маленькой поверхности, карабкаясь на карасей и перескакивая черезъ лягушекъ. Лягушки лѣзутъ на жуковъ, тритоны на лягушекъ. Живуча

тварь! Темнозеленые лини, какъ болѣе дорогая рыба, пользуются льготой: ихъ держатъ въ особой баночкѣ, гдѣ плавать нельзя, но все же не такъ тѣсно...

— Важная рыба карась! Держанный карась, ваше высокоблагородіе, чтобъ онъ издохъ! Его хоть годъ держи въ ведрѣ, а онъ все живъ! Недѣля ужъ, какъ поймалъ я этихъ самыхъ рыбовъ. Наловилъ я ихъ, милостивый государь, въ Перервѣ и оттуда пѣшкомъ. Караси по двѣ копейки, вьюны по три, а малявки гривенникъ за десятокъ, чтобъ онѣ издохли! Извольте малявокъ за пятакъ. Червячковъ не прикажете ли?

Продавецъ лѣзетъ въ ведро и достаетъ оттуда своими грубыми, жесткими пальцами нѣжную малявку, или карасика, величиной съ ноготь. Около ведеръ разложены лески, крючки, жерлицы, и отливаютъ на солнцѣ пунцовымъ огнемъ прудовые червяки.

Около возовъ съ птицей и около ведеръ съ рыбой ходитъ старецъ-любитель въ мѣховомъ картузѣ, желѣзныхъ очкахъ и калошахъ, похожихъ на два броненосца. Это, какъ его называютъ здѣсь, «типъ». За душой у него ни копейки, но, несмотря на это, онъ торгуется, волнуется, пристаетъ къ покупателямъ съ совѣтами. За какой-нибудь часъ онъ успѣваетъ осмотрѣть всѣхъ зайцевъ, голубей и рыбъ, осмотрѣть до тонкостей, опредѣлить всѣмъ, каждой изъ этихъ тварей породу, возрастъ и цѣну. Его, какъ ребенка, интересуютъ щеглята, карасики и малявки. Заговорите съ нимъ, напримѣръ, о дроздахъ, и чудакъ разскажетъ вамъ такое, чего вы не найдете ни въ одной книгѣ. Разскажетъ вамъ съ восхищеніемъ, страстно и вдобавокъ еще и въ невѣжествѣ упрекнетъ. Про щеглятъ и снигирей онъ готовъ говорить безъ конца, выпучивъ глаза и сильно размахивая руками. Здѣсь на Трубѣ его можно встрѣтить только въ холодное время, лѣтомъ же онъ гдѣ-то за Москвой перепеловъ на дудочку ловитъ и рыбку удитъ.

А вотъ и другой «типъ», — очень высокій, очень худой господинъ въ темныхъ очкахъ, бритый, въ фуражкѣ съ кокардой, похожій на подьячаго стараго времени. Это любитель; онъ имѣетъ не малый чинъ, служитъ учителемъ въ гимназіи, и это извѣстно завсегдатаямъ Трубы, и они относятся къ нему съ уваженіемъ, встрѣчаютъ его поклонами и даже придумали для него особенный титулъ: «ваше мѣстоименіе». Подъ Сухаревой онъ роется въ книгахъ, а на Трубѣ ищетъ хорошихъ голубей.

— Пожалуйте! — кричатъ ему голубятники. — Господинъ учитель, ваше мѣстоименіе, обратите ваше вниманіе на турмановъ! Ваше мѣстоименіе!

— Ваше мѣстоименіе!—кричатъ ему съ разныхъ сторонъ.

— Ваше мѣстоименіе!—повторяетъ гдѣ-то на бульварѣ мальчишка.

А «его мѣстоименіе», очевидно, давно уже привыкшій къ этому своему титулу, серьезный, строгій, беретъ въ обѣ руки голубя и, поднявъ его выше головы, начинаетъ разсматривать и при этомъ хмурится и становится еще болѣе серьезнымъ, какъ заговорщикъ.

И Труба, этотъ небольшой кусочекъ Москвы, гдѣ животныхъ любятъ такъ нѣжно и гдѣ ихъ такъ мучаютъ, живетъ своей маленькой жизнью, шумитъ и волнуется, и тѣмъ дѣловымъ и богомольнымъ людямъ, которые проходятъ мимо по бульвару, не понятно, зачѣмъ собралась эта толпа людей, эта пестрая смѣсь шапокъ, картузовъ и цилиндровъ, о чемъ тутъ говорятъ, чѣмъ торгуютъ.

ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛІЯ.

У отставного генералъ-маіора Булдѣева разболѣлись зубы. Онъ полоскалъ ротъ водкой, коньякомъ, прикладывалъ къ больному зубу табачную копоть, опій, скипидаръ, керосинъ, мазалъ щеку іодомъ, въ ушахъ у него была вата, смоченная въ спирту, но все это или не помогало, или вызывало тошноту. Пріѣзжалъ докторъ. Онъ поковырялъ въ зубѣ, прописалъ хину, но и это не помогло. На предложеніе вырвать больной зубъ, генералъ отвѣтилъ отказомъ. Всѣ домашніе,—жена, дѣти, прислуга, даже поваренокъ Петька предлагали каждый свое средство. Между прочимъ и приказчикъ Булдѣева Иванъ Елисѣичъ пришелъ къ нему и посовѣтовалъ полѣчиться заговоромъ.

— Тутъ, въ вашемъ уѣздѣ, ваше превосходительство, сказалъ онъ,—лѣтъ десять назадъ служилъ акцизный Яковъ Васильичъ. Заговаривалъ зубы—первый сортъ. Бывало отвернется къ окошку, пошепчетъ, поплюетъ и какъ рукой! Сила ему такая дадена...

— Гдѣ-же онъ теперь?

— А послѣ того, какъ его изъ акцизныхъ увольняли, въ Саратовѣ у тещи живетъ. Теперь только зубами и кормится. Ежели у котораго человѣка заболитъ зубъ, то и идутъ къ нему, помогаетъ... Тамошнихъ саратовскихъ на

дому у себя пользуетъ, а ежели которые изъ другихъ городовъ, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что такъ молъ вотъ и такъ... у раба Божьяго Алексія зубы болятъ, прошу выпользовать. А деньги за лѣченіе почтой пошлете.

— Ерунда! Шарлатанство!

— А вы попытайте, ваше превосходительство. До водки очень охотникъ, живетъ не съ женой, а съ нѣмкой, ругатель, но, можно сказать, чудодѣйственный господинъ!

— Пошли, Алеша!—взмолилась генеральша.—Ты вотъ не вѣришь въ заговоры, а я на себѣ испытала. Хотя ты и не вѣришь, но отчего не послать? Руки вѣдь не отвалятся отъ этого.

— Ну, ладно,—согласился Булдѣевъ.—Тутъ не только что къ акцизному, но и къ чорту депешу пошлешь... Охъ! Мочи нѣтъ! Ну, гдѣ твой акцизный живетъ? Какъ къ нему писать?

Генералъ сѣлъ за столъ и взялъ перо въ руки.

— Его въ Саратовѣ каждая собака знаетъ,—сказалъ приказчикъ.—Извольте писать, ваше превосходительство, въ городъ Саратовъ, стало быть... Его благородію господину Якову Васильичу... Васильичу...

— Ну?

— Васильичу... Якову Васильичу... а по фамиліи... А фамилію вотъ и забылъ!.. Васильичу... Чортъ... Какъ же его фамилія? Давеча, какъ сюда шелъ, помнилъ... Позвольте-съ...

Иванъ Елисѣичъ поднялъ глаза къ потолку и зашевелилъ губами. Булдѣевъ и генеральша ожидали нетерпѣливо.

— Ну, что же? Скорѣй думай!

— Сейчасъ... Васильичу... Якову Васильичу... Забылъ! Такая еще простая фамилія... словно какъ бы лошадиная... Кобылинъ? Нѣтъ, не Кобылинъ. Постойте... Жеребцовъ нешто? Нѣтъ, и не Жеребцовъ. Помню, фамилія лошадиная, а какая—изъ головы вышибло...

— Жеребятниковъ?

— Никакъ нѣтъ. Постойте... Кобылицынъ... Кобылятниковъ... Кобелевъ...

— Это ужъ собачья, а не лошадиная. Жеребчиковъ?

— Нѣтъ, и не Жеребчиковъ... Лошадининъ... Лошаковъ... Жеребкинъ... Все не то!

— Ну такъ какъ же я буду ему писать? Ты подумай!

— Сейчасъ. Лошадкинъ... Кобылкинъ... Коренной...

— Коренниковъ?—спросила генеральша.

— Никакъ нѣтъ. Пристяжкинъ... Нѣтъ, не то! Забылъ!

— Такъ зачѣмъ же, чортъ тебя возьми, съ совѣтами лѣзешь, ежели забылъ?—разсердился генералъ. — Ступай отсюда вонъ!

Иванъ Евсѣичъ медленно вышелъ, а генералъ схватилъ себя за щеку и заходилъ по комнатамъ.

— Ой, батюшки!—вопилъ онъ.—Ой, матушки! Охъ, свѣта бѣлаго не вижу!

Приказчикъ вышелъ въ садъ и, поднявъ къ небу глаза, сталъ припоминать фамилію акцизнаго:

— Жеребчиковъ... Жеребковскій... Жеребенко... Нѣтъ, не то! Лошадинскій... Лошадевичъ... Жеребковичъ... Кобылянскій...

Немного погодя, его позвали къ господамъ.

— Вспомнилъ?—спросилъ генералъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Можетъ-быть, Конявскій? Лошадниковъ? Нѣтъ?

И въ домѣ, всѣ наперерывъ, стали изобрѣтать фамиліи. Перебрали всѣ возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... Въ домѣ, въ саду, въ людской и кухнѣ люди ходили изъ угла въ уголъ и, почесывая лбы, искали фамилію...

Приказчика то и дѣло требовали въ домъ.

— Табуновъ?—спрашивали у него — Копытинъ? Жеребовскій?

— Никакъ нѣтъ, —отвѣчалъ Иванъ Евсѣичъ и, поднявъ вверхъ глаза, продолжалъ думать вслухъ: —Коненко... Конченко... Жеребѣевъ... Кобылѣевъ...

— Папа!—кричали изъ дѣтской.—Тройкинъ! Уздечкинъ!

Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпѣливый, замученный генералъ пообѣщалъ дать пять рублей тому, кто вспомнитъ настоящую фамилію, и за Иваномъ Евсѣичемъ стали ходить цѣлыми толпами...

— Гнѣдовъ!—говорили ему.—Рысистый! Лошадицкій!

Но наступилъ вечеръ, а фамилія все еще не была найдена. Такъ и спать легли, не пославъ телеграммы.

Генералъ не спалъ всю ночь, ходилъ изъ угла въ уголъ и стоналъ... Въ третьемъ часу утра онъ вышелъ изъ дому, и постучался въ окно къ приказчику.

— Не Мериновъ ли?—спросилъ онъ плачущимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не Мериновъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Иванъ Евсѣичъ и виновато вздохнулъ.

— Да можетъ-быть, фамилія не лошадиная, а какая-нибудь другая!

— Истинно слово, ваше превосходительство, лошадиная... Это очень даже отлично помню.

— Экій ты какой, братецъ, безпамятный... Для меня теперь эта фамилія дороже, кажется, всего на свѣтѣ. Замучился!

Утромъ генералъ опять послалъ за докторомъ.

— Пускай рветъ!—рѣшилъ онъ.—Нѣтъ больше силъ терпѣть...

Пріѣхалъ докторъ и вырвалъ больной зубъ. Боль утихла тотчасъ же, и генералъ успокоился. Сдѣлавъ свое дѣло и получивъ, что слѣдуетъ, за трудъ, докторъ сѣлъ въ свою бричку и поѣхалъ домой. За воротами въ полѣ онъ встрѣтилъ Ивана Евсѣича... Приказчикъ стоялъ на краю дороги и, глядя сосредоточенно себѣ подъ ноги, о чемъ-то думалъ.

Судя по морщинамъ, бороздившимъ его лобъ, и по выраженію глазъ, думы его были напряженны, мучительны...

— Булановъ... Черезсѣдельниковъ... бормоталъ онъ. — Засупонинъ... Лошадскій...

— Иванъ Евсѣичъ!—обратился къ нему докторъ.—Не могу ли я, голубчикъ, купить у васъ четвертей пять овса? Мнѣ продаютъ наши мужички овесъ, да ужъ больно плохой...

Иванъ Евсѣичъ тупо поглядѣлъ на доктора, какъ-то дико улыбнулся и, не сказавъ въ отвѣтъ ни одного слова, всплеснувъ руками, побѣжалъ къ усадьбѣ съ такой быстротой, точно за нимъ гналась бѣшеная собака.

— Надумалъ, ваше превосходительство!—закричалъ онъ радостно, не своимъ голосомъ, влетая въ кабинетъ къ генералу. — Надумалъ, дай Богъ здоровья доктору! Овсовъ! Овсовъ фамилія акцизнаго! Овсовъ, ваше превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

— Накося!—сказалъ генералъ съ презрѣніемъ и поднесъ къ лицу его два кукиша.—Не нужно мнѣ теперь твоей лошадиной фамиліи! Накося!

ТРАГИКЪ.

Былъ бенефисъ трагика Феногенова.

Давали «Князя Серебрянаго». Самъ бенефиціантъ игралъ Вяземскаго, антрепренеръ Лимонадовъ—дружину Морозова, г-жа Беобахтова — Елену... Спектакль вышелъ на славу. Трагикъ дѣлалъ буквально чудеса. Онъ похищалъ Елену одной рукой и держалъ ее выше головы, когда проносилъ черезъ сцену. Онъ кричалъ, шипѣлъ, стучалъ ногами, рвалъ у себя на груди кафтанъ. Отказываясь отъ поединка съ Морозовымъ, онъ трясся всѣмъ тѣломъ, какъ въ дѣйствительности никогда не трясутся, и съ шумомъ задыхался. Театръ дрожалъ отъ аплодисментовъ. Вызовамъ не было конца. Феногенову поднесли серебряный портсигаръ и букетъ съ длинными лентами. Дамы махали платками, заставляли мужчинъ аплодировать, многія плакали... Но болѣе всѣхъ восторгалась игрой и волновалась дочь исправника Сидорѣцкаго, Маша. Она сидѣла въ первомъ ряду креселъ, рядомъ со своимъ папашей, не отрывала глазъ отъ сцены даже въ антрактахъ и была въ полномъ восторгѣ. Ея тоненькія ручки и ножки дрожали, глазки были полны слезъ, лицо становилось все блѣднѣй и блѣднѣй. И не мудрено: она была въ театрѣ первый разъ въ жизни!

— Какъ хорошо они представляютъ! Какъ отлично! —

обращалась она къ своему папашѣ-исправнику всякій разъ, когда опускался занавѣсъ.—Какъ хорошъ Феногеновъ!

И если бы папаша могъ читать на лицахъ, онъ прочелъ бы на блѣдномъ личикѣ своей дочки восторгъ, доходящій до страданія. Она страдала и отъ игры, и отъ пьесы, и отъ обстановки. Когда въ антрактѣ полковой оркестръ начиналъ играть свою музыку, она въ изнеможеніи закрывала глаза.

— Папа! — обратилась она къ отцу въ послѣднемъ антрактѣ.—Пойди на сцену и скажи имъ всѣмъ, чтобы приходили къ намъ завтра обѣдать!

Исправникъ пошелъ за сцену, похвалилъ тамъ всѣхъ за хорошую игру и сказалъ г-жѣ Беобахтовой комплиментъ:

— Ваше красивое лицо просится на полотно. О, зачѣмъ я не владѣю кистью!

И шаркнулъ ногой, потомъ пригласилъ артистовъ къ себѣ на обѣдъ.

— Всѣ приходите, кромѣ женскаго пола,—шепнулъ онъ.— Актрисъ не надо, потому что у меня дочка.

На другой день у исправника обѣдали артисты. Пришли только антрепренеръ Лимонадовъ, трагикъ Феногеновъ и комикъ Водолазовъ; остальные сослались на недосугъ и не пришли. Обѣдъ прошелъ скучно. Лимонадовъ все время увѣрялъ исправника, что онъ его уважаетъ и вообще чтитъ всякое начальство, Водолазовъ представлялъ пьяныхъ купцовъ и армянъ, а Феногеновъ, высокій, плотный малороссъ (въ паспортѣ онъ назывался Кнышъ) съ черными глазами и нахмуреннымъ лбомъ, продекламировалъ «У парадного подъѣзда» и «Быть или не быть?». Лимонадовъ со слезами на глазахъ разсказалъ о свиданіи своемъ съ бывшимъ губернаторомъ генераломъ Канючинымъ. Исправникъ слушалъ, скучалъ и благодушно улыбался. Несмотря даже на то, что отъ Лимонадова сильно пахло жжеными перьями, а на Феногеновѣ былъ чужой фракъ и сапоги съ кривыми

каблуками, онъ былъ доволенъ. Они нравились его дочкѣ, веселили ее, и этого ему было достаточно! А Маша глядѣла на артистовъ, не отрывала отъ нихъ глазъ ни на минуту. Никогда ранѣе она не видала такихъ умныхъ, необыкновенныхъ людей!

Вечеромъ исправникъ и Маша опять были въ театрѣ. Черезъ недѣлю артисты опять обѣдали у начальства, и съ этого раза стали почти каждый день приходить въ домъ исправника, то обѣдать, то ужинать, и Маша еще сильнѣе привязалась къ театру и стала бывать въ немъ ежедневно.

Она влюбилась въ трагика Феногенова. Въ одно прекрасное утро, когда исправникъ ѣздилъ встрѣчать архіерея, она бѣжала съ труппой Лимонадова и на пути повѣнчалась со своимъ возлюбленнымъ. Отпраздновавъ свадьбу, артисты сочинили длинное, чувствительное письмо и отправили его къ исправнику. Сочиняли всѣ разомъ.

— Ты ему мотивы, мотивы ты ему! — говорилъ Лимонадовъ, диктуя Водолазову. — Почтенія ему подпусти... Они, чинодралы, любятъ это. Надбавь чего-нибудь этакого... чтобъ прослезился...

Отвѣтъ на это письмо былъ самый неутѣшительный. Исправникъ отрекался отъ дочери, вышедшей, какъ онъ писалъ, «за глупаго, праздношатающагося хохла, не имѣющаго опредѣленныхъ занятій».

И на другой день послѣ того, какъ пришелъ этотъ отвѣтъ, Маша писала своему отцу:

«Папа, онъ бьетъ меня! Прости насъ!»

Онъ билъ ее, билъ за кулисами въ присутствіи Лимонадова, прачки и двухъ ламповщиковъ! Онъ помнилъ, какъ за четыре дня до свадьбы, вечеромъ, сидѣлъ онъ со всей труппой въ трактирѣ «Лондонъ»; всѣ говорили о Машѣ, труппа совѣтовала ему «рискнуть», а Лимонадовъ убѣждалъ со слезами на глазахъ:

— Глупо и нераціонально отказываться отъ такого слу-

чая! Да вѣдь за этакія деньги не то что жениться, въ Сибирь пойти можно! Женишься, построишь свой собственный театръ, и бери меня тогда къ себѣ въ труппу. Не я ужъ тогда владыка, а ты владыка.

Феногеновъ помнилъ объ этомъ и теперь бормоталъ, сжимая кулаки:

— Если онъ не пришлетъ денегъ, такъ я изъ нея щепы нащеплю. Я не позволю себя обманывать, чортъ меня раздери!

Изъ одного губернскаго города труппа хотѣла уѣхать тайкомъ отъ Маши, но Маша узнала и прибѣжала на вокзалъ послѣ второго звонка, когда актеры уже сидѣли въ вагонахъ.

— Я оскорбленъ вашимъ отцомъ! — сказалъ ей трагикъ.—Между нами все кончено!

А она, несмотря на то, что въ вагонѣ былъ народъ, согнула свои маленькія ножки, стала передъ нимъ на колѣни и протянула съ мольбой руки.

— Я люблю васъ!—просила она.—Не гоните меня, Кондратій Иванычъ! Я не могу жить безъ васъ!

Вняли ея мольбамъ и, посовѣтовавшись, приняли ее въ труппу на амплуа «сплошной графини», — такъ называли маленькихъ актрисъ, выходившихъ на сцену обыкновенно толпой и игравшихъ роли безъ рѣчей... Сначала Маша играла горничныхъ и пажей, но потомъ, когда г-жа Беобахтова, цвѣтъ лимонадовской труппы, бѣжала, то ее сдѣлали ingénue. Играла она плохо: сюсюкала, конфузилась. Скоро, впрочемъ, привыкла и стала нравиться публикѣ. Феногеновъ былъ очень недоволенъ.

— Развѣ это актриса?—говорилъ онъ.—Ни фигуры, ни манеръ, а такъ только... одна глупость...

Въ одномъ губернскомъ городѣ труппа Лимонадова давала «Разбойниковъ» Шиллера. Феногеновъ изображалъ Франца, Маша—Амалію. Трагикъ кричалъ и трясся, Маша

читала свою роль, какъ хорошо заученный урокъ, и пьеса сошла бы, какъ сходятъ вообще пьесы, если бы не случился маленькій скандалъ. Все шло благополучно до того мѣста въ пьесѣ, гдѣ Францъ объясняется въ любви Амаліи, а она хватаетъ его шпагу. Малороссъ прокричалъ, прошипѣлъ, затрясся и сжалъ въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ Машу. А Маша вмѣсто того, чтобы отпихнуть его, крикнуть ему «прочь!», задрожала въ его объятіяхъ, какъ птичка, и не двигалась... Она точно застыла.

— Пожалѣйте меня!—прошептала она ему на ухо.—О, пожалѣйте меня! Я такъ несчастна!

— Роли не знаешь! Суфлера слушай!—прошипѣлъ трагикъ и сунулъ ей въ руки шпагу.

Послѣ спектакля Лимонадовъ и Феногеновъ сидѣли въ кассѣ и вели бесѣду.

— Жена твоя ролей не учитъ, это ты правильно...—говорилъ антрепренеръ. — Функціи своей не знаетъ... У всякаго человѣка есть своя функція... Такъ вотъ она ея-то не знаетъ...

Феногеновъ слушалъ, вздыхалъ и хмурился, хмурился...

На другой день утромъ Маша сидѣла въ мелочной лавочкѣ и писала:

«Папа, онъ бьетъ меня! Прости насъ! Вышли намъ денегъ!»

СТРАДАЛЬЦЫ.

Лизочка Кудринская, молоденькая дамочка, имѣющая много поклонниковъ, вдругъ заболѣла, да такъ серьезно, что мужъ ея не пошелъ на службу и ея мамашѣ въ Тверь была послана телеграмма. Исторію своей болѣзни она разсказываетъ такимъ образомъ:

— Поѣхала я въ Лѣсное къ тетѣ. Пожила я тамъ недѣлю и потомъ со всѣми отправилась къ кузинѣ Варѣ. Варинъ мужъ, вы знаете, бука и деспотъ (я застрѣлила бы такого мужа), но время мы провели тамъ весело. Во-первыхъ, я тамъ участвовала въ любительскомъ спектаклѣ. Шелъ «Скандалъ въ благородномъ семействѣ». Хрусталевъ игралъ изумительно! Во время антракта я выпила холодной, ужасно холодной лимонной воды съ немножечкомъ коньяку... Лимонная вода съ коньякомъ очень похожа на шампанское... Выпила и ничего не почувствовала. На другой день послѣ спектакля ѣздила я верхомъ съ этимъ Адольфомъ Иванычемъ. Было немножко сыро и меня продуло. Вѣроятно я тогда же простудилась. Дня черезъ три я поѣхала къ себѣ домой посмотрѣть, какъ живетъ мой милый, мой хорошій Вася, и кстати взять шелковое платье, то самое, что цвѣточками. Васи, конечно, не застала дома. Пошла я въ кухню сказать Прасковьѣ, чтобы она поставила самоваръ, гляжу,

а у ней на столѣ хорошенькія молоденькія рѣпочки и морковочки, точно игрушечки. Я съѣла одну морковочку, ну, и рѣпку. Очень немного съѣла, но представьте, вдругъ у меня начинается рѣзь... Спазмы, спазмы, спазмы... Ахъ, умираю! Прибѣгаетъ со службы Вася. Натурально, хватаетъ себя за волосы и блѣднѣетъ. Бѣгутъ за докторомъ... Понимаете? Умираю и умираю!

Спазмы начались въ полдень, въ третьемъ часу пріѣзжалъ докторъ, а въ шесть Лизочка уснула и спала крѣпкимъ сномъ до двухъ часовъ ночи.

Бьетъ два часа... Свѣтъ маленькой ночной лампы скудно пробивается сквозь голубой абажуръ. Лизочка лежитъ въ постели. Ея бѣлый кружевной чепчикъ рѣзко вырисовывается на темномъ фонѣ красной подушки. На ея блѣдномъ лицѣ и круглыхъ, сдобныхъ плечахъ лежатъ узорчатыя тѣни отъ абажура. У ногъ сидитъ Василій Степановичъ, ея мужъ. Бѣдняга счастливъ, что его жена, наконецъ, дома и въ то же время страшно напуганъ ея болѣзнью.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, Лизочка?—спрашиваетъ онъ шопотомъ, замѣтивъ, что она проснулась.

— Мнѣ лучше...—стонетъ Лизочка.—Спазмовъ уже не чувствую, но не спится... Не могу уснуть!

— Не пора ли тебѣ, мой ангелъ, перемѣнить компрессъ?

Лизочка приподнимается медленно, со страдальческимъ выраженіемъ и граціозно склоняетъ голову на бокъ. Василій Степанычъ священнодѣйственно, едва касаясь пальцами горячаго тѣла, перемѣняетъ компрессъ. Лизочка пожимается, смѣется отъ холодной воды, которая щекочетъ ее, и опять ложится.

— Ты, бѣдный, не спишь!—стонетъ она.

— Могу ли я спать!

— Это у меня нервное, Вася. Я очень нервная женщина. Докторъ прописалъ мнѣ противъ желудка, но я чувствую, что онъ не понялъ моей болѣзни. Тутъ нервы, а не

желудокъ, клянусь тебѣ, что это нервы. Одного только я боюсь, какъ бы моя болѣзнь не приняла дурного оборота.

— Нѣтъ, Лизочка, нѣтъ! Завтра же ты будешь здорова!

— Едва ли! За себя я не боюсь... мнѣ все равно, даже я рада умереть, но мнѣ тебя жаль! Вдругъ ты овдовѣешь и останешься одинъ.

Васечка рѣдко пользуется обществомъ жены и давно уже привыкъ къ одиночеству, но слова Лизочки его тревожатъ.

— Богъ знаетъ, что ты говоришь, мамочка! Къ чему эти мрачныя мысли?

— Что жъ? Поплачешь, погорюешь, а потомъ и привыкнешь. Даже женишься.

Мужъ хватаетъ себя за голову.

— Ну, ну, не буду,—успокаиваетъ его Лизочка.—Только ты долженъ быть ко всему готовъ.

«А вдругъ я въ самомъ дѣлѣ умру!»—думаетъ она, закрывая глаза.

И Лизочка рисуетъ себѣ картину собственной смерти, какъ вокругъ ея смертнаго одра тѣснятся мать, мужъ, кузина Варя съ мужемъ, родня, поклонники ея «таланта», какъ она шепчетъ послѣднее «прости». Всѣ плачутъ. Потомъ, когда она уже мертва, ее, интересно блѣдную, черноволосую, одѣваютъ въ розовое платье (оно ей къ лицу) и кладутъ въ очень дорогой гробъ на золотыхъ ножкахъ, полный цвѣтовъ. Пахнетъ ладаномъ, трещатъ свѣчи. Мужъ не отходитъ отъ гроба, а поклонники таланта не отрываютъ отъ нея глазъ: «Какъ живая! Она въ гробу прекрасна!» Весь городъ говоритъ о безвременно угасшей жизни. Но вотъ ее несутъ въ церковь. Несутъ: Иванъ Петровичъ, Адольфъ Иванычъ, Варинъ мужъ, Николай Семенычъ и тотъ черноглазый студентъ, который научилъ ее пить лимонную воду съ коньякомъ. Жаль только, что не играетъ музыка. Послѣ панихиды—прощаніе. Церковь полна рыданіями. Приносятъ крышку съ кистями и... Лизочка навѣки разстается

съ дневнымъ свѣтомъ. Слышно, какъ прибиваютъ гвозди. Стукъ, стукъ, стукъ!

Лизочка вздрагиваетъ и открываетъ глаза.

— Вася, ты здѣсь?—спрашиваетъ она.—У меня такія мрачныя мысли. Боже, неужели я такъ несчастна, что не усну? Вася, пожалѣй меня, разскажи мнѣ что-нибудь!

— Что же тебѣ разсказать?

— Что-нибудь... любовное,—говоритъ томно Лизочка.— Или разскажи что-нибудь изъ еврейскаго быта...

Василій Степанычъ, готовый на все, лишь бы только его жена была весела и не говорила о смерти, зачесываетъ надъ ушами пейсы, дѣлаетъ смѣшную физіономію и подходитъ къ Лизочкѣ.

— А вже не надо ли вамъ цасы поцинять? — спрашиваетъ онъ.

— Надо, надо!— хохочетъ Лизочка и подаетъ ему со столика свои золотые часы.—Починяй!

Вася беретъ часы, долго разсматриваетъ механизмъ и, весь скорчившись, говоритъ:

— Нельжя ихъ поцинять... Тутъ зъ однимъ колесомъ два жубцы нѣту.

Въ этомъ и заключается все представленіе. Лизочка хохочетъ и хлопаетъ въ ладоши.

— Отлично! — восклицаетъ она. — Удивительно! Знаешь, Вася? Ты ужасно глупо дѣлаешь, что не участвуешь въ любительскихъ спектакляхъ! У тебя замѣчательный талантъ! Ты гораздо лучше Сысупова. У насъ участвовалъ въ «Я именинникъ» любитель, нѣкій Сысуновъ. Первоклассный комическій талантъ! Представь: носъ толстый, какъ брюква, глаза зеленые, а ходитъ, какъ журавль... Мы всѣ хохотали. Постой, я покажу тебѣ, какъ онъ ходитъ.

Лизочка прыгаетъ съ кровати и начинаетъ шагать по полу уже безъ чепчика, босая.

— Мое почтеніе!—говоритъ она басомъ, подражая муж-

скому голосу.—Что хорошенькаго? Что новаго подъ луной? Ха, ха, ха!—хохочетъ она.

— Ха, ха, ха!—вторитъ Вася.

И оба супруга, хохоча, забывъ про болѣзнь, гоняются другъ за другомъ по спальнѣ. Бѣготня кончается тѣмъ, что Вася ловитъ жену за сорочку и жадно осыпаетъ ее поцѣлуями. Послѣ одного особенно страстнаго объятія, Лизочка вдругъ вспоминаетъ, что она серьезно больна...

— Какія глупости!—говоритъ она, дѣлая серьезное лицо и укрываясь одѣяломъ.—Вѣроятно ты забылъ, что я больна! Умно, нечего сказать!

— Извини... конфузится мужъ.

— Болѣзнь приметъ дурной оборотъ, вотъ ты и будешь виноватъ. Не добрый! Не хорошій!

Лизочка закрываетъ глаза и молчитъ. Прежнія томность и страдальческое выраженіе возращаются къ ней, опять слышатся легкіе стоны. Вася перемѣняетъ компрессъ и довольный, что его жена дома, а не въ бѣгахъ у тети, смиренно сидитъ у ея ногъ. Не спитъ онъ до самаго утра. Въ десять часовъ приходитъ докторъ.

— Ну, какъ мы себя чувствуемъ? — спрашиваетъ онъ, щупая пульсъ.—Спали?

— Плохо,—отвѣчаетъ за Лизочку мужъ. — Очень плохо!

Докторъ отходитъ къ окну и засматривается на прохожаго трубочиста.

— Докторъ, мнѣ можно сегодня выпить кофе?—спрашиваетъ Лизочка.

— Можно.

— А мнѣ можно сегодня встать?

— Оно, пожалуй, можно, но... лучше полежите еще денекъ.

— Настроена она дурно... шепчетъ Вася ему на ухо.— Мысли мрачныя... міровоззрѣніе какое-то... Я страшно за нее безпокоюсь!

Докторъ садится за столикъ и, потеревъ ладонью лобъ,

прописываетъ Лизочкѣ бромистаго натрія, потомъ раскланивается и, пообѣщавъ побывать еще вечеромъ, уѣзжаетъ. Вася не идетъ на службу, а все сидитъ у ногъ жены... Въ полдень съѣзжаются поклонники таланта. Они встревожены, испуганы, привезли много цвѣтовъ, французскихъ книжекъ. Лизочка, одѣтая въ бѣлоснѣжный чепчикъ и легкую блузку, лежитъ въ постели и смотритъ загадочно, будто не вѣритъ въ свое выздоровленіе. Поклонники таланта видятъ мужа, но охотно прощаютъ ему его присутствіе: ихъ и его соединило у этого ложа одно несчастье!

Въ шесть часовъ вечера Лизочка засыпаетъ и опять спитъ до двухъ часовъ ночи. Вася, попрежнему, сидитъ у ея ногъ, борется съ дремотой, перемѣняетъ компрессъ, изображаетъ изъ еврейскаго быта, а утромъ послѣ второй страдальческой ночи, Лиза уже вертится передъ зеркаломъ и надѣваетъ шляпку.

— Куда же ты, мой другъ? — спрашиваетъ Вася, глядя на нее умоляюще.

— Какъ?—удивляется Лизочка, дѣлая испуганное лицо.— Развѣ ты не знаешь, что сегодня у Марьи Львовны репетиція?

Проводивъ ее, Вася, отъ нечего-дѣлать, отъ скуки, беретъ свой портфель и ѣдетъ на службу. Отъ безсонныхъ ночей у него болитъ голова, такъ болитъ, что лѣвый глазъ не слушается и закрывается самъ собою...

— Что это съ вами, батюшка мой?—спрашиваетъ его начальникъ.—Что такое?

Вася машетъ рукой и садится.

— И не спрашивайте, ваше сіятельство,—говоритъ онъ со вздохомъ.—Столько я выстрадалъ за эти два дня... столько выстрадалъ! Лиза больна!

— Господи!—пугается начальникъ,—Лизавета Павловна? Что съ ней?

Василій Степанычъ только разводитъ руками и подни-

маетъ глаза къ потолку, какъ бы желая сказать: «на то воля Провидѣнія!»

— Ахъ, мой другъ, я могу сочувствовать вамъ всей душой!—вздыхаетъ начальникъ, закатывая глаза.—Я, душа моя, потерялъ жену... понимаю. Это такая потеря... такая потеря! Это ужясно... это ужясно! Надѣюсь, теперь Лизавета Павловна здорова? Какой докторъ лѣчитъ?

— Фонъ-Штеркъ.

— Фонъ-Штеркъ? Но вы бы лучше къ Магнусу обратились, или къ Семандрицкому. На васъ, однако, очень блѣдное лицо! Вы сами больной человѣкъ! Это ужясно!

— Да, ваше сіятельство... не спалъ... столько выстрадалъ... пережилъ!

— А приходилъ! Зачѣмъ же вы приходили, не понимаю? Развѣ можно себя заставлять? Развѣ такъ можно дѣлать себѣ больно? Ходите домой и сидите тамъ, пока не выздоровѣете! Ходите, я приказываю вамъ! Усердіе хорошее особенность молодого чиновника, но не надо забывать, какъ говорили римляне, mens sana in corpore sano, то-есть здоровая голова въ здоровомъ корпусѣ!

Вася соглашается, кладетъ бумаги обратно въ портфель и, простившись съ начальникомъ, ѣдетъ домой спать.

НАКАНУНѢ ПОСТА.

— Павелъ Васильичъ!—будитъ Пелагея Ивановна своего мужа.—А Павелъ Васильичъ! Ты бы пошелъ позанимался со Степой, а то онъ сидитъ надъ книгой и плачетъ. Опять чего-то не понимаетъ!

Павелъ Васильичъ поднимается, креститъ зѣвающій ротъ и говоритъ мягко:

— Сейчасъ, душенька!

Кошка, спящая рядомъ съ нимъ, тоже поднимается, вытягиваетъ хвостъ, перегибаетъ спину и жмурится. Тишина... Слышно какъ за обоями бѣгаютъ мыши. Надѣвъ сапоги и халатъ, Павелъ Васильичъ, помятый и хмурый съ просонокъ, идетъ изъ спальни въ столовую; при его появленіи другая кошка, которая обнюхивала на окнѣ рыбное заливное, прыгаетъ съ окна на полъ и прячется за шкафъ.

— Просили тебя нюхать!—сердится онъ, накрывая рыбу газетной бумагой.—Свинья ты послѣ этого, а не кошка...

Изъ столовой дверь ведетъ въ дѣтскую. Тутъ за столомъ, покрытымъ пятнами и глубокими царапинами, сидитъ Степа, гимназистъ второго класса съ капризнымъ выраженіемъ лица и съ заплаканными глазами. Приподнявъ колѣни почти до подбородка и охвативъ ихъ руками, онъ качается, какъ китайскій болванчикъ, и сердито глядитъ въ задачникъ.

— Учишься? — спрашиваетъ Павелъ Васильичъ, подсаживаясь къ столу и зѣвая.—Такъ, братецъ ты мой... Погуляли, поспали, блиновъ покушали, а завтра сухояденіе, покаяніе и на работу пожалуйте. Всякій періодъ времени имѣетъ свой предѣлъ. Что это у тебя глаза заплаканные? Зубренція одолѣла? Знать, послѣ блиновъ противно науками питаться? То-то вотъ оно и есть.

— Да ты что тамъ надъ ребенкомъ смѣешься?—кричитъ изъ другой комнаты Пелагея Ивановна. — Чѣмъ смѣяться, показалъ бы лучше! Вѣдь онъ завтра опять единицу получитъ, горе мое!

— Ты чего не понимаешь? — спрашиваетъ Павелъ Васильичъ у Степы.

— Да вотъ... дѣленіе дробей!—сердито отвѣчаетъ тотъ.— Дѣленіе дроби на дробь...

— Гм... чудакъ! Что же тутъ? Тутъ и понимать нечего. Отзубри правило, вотъ и все... Чтобы раздѣлить дробь на дробь, то для этой цѣли нужно числителя первой дроби помножить на знаменателя второй и это будетъ числителемъ частнаго... Ну-съ, за симъ знаменатель первой дроби...

— Я это и безъ васъ знаю! — перебиваетъ его Степа, сбивая щелчкомъ со стола орѣховую скорлупу.—Вы покажите мнѣ доказательство!

— Доказательство? Хорошо, давай карандашъ. Слушай. Положимъ, намъ нужно семь восьмыхъ раздѣлить на двѣ пятыхъ. Такъ-съ. Механика тутъ въ томъ, братецъ ты мой, что требуется эти дроби раздѣлить другъ на дружку... Самоваръ поставили?

— Не знаю.

— Пора ужъ чай пить... Восьмой часъ. Ну-съ, теперь слушай. Будемъ такъ разсуждать. Положимъ, намъ нужно раздѣлить семь восьмыхъ не на двѣ пятыхъ, а на два, то есть только на числителя. Дѣлимъ. Что же получается?

— Семь шестнадцатыхъ.

— Такъ. Молодецъ. Ну-съ, штукенція въ томъ, братецъ ты мой, что мы... что, стало-быть, если мы дѣлили на два, то... Постой, я самъ запутался. Помню, у насъ въ гимназіи учителемъ ариѳметики былъ Сигизмундъ Урбанычъ, изъ поляковъ. Такъ тотъ, бывало, каждый урокъ путался. Начнетъ теорему доказывать, спутается и побагровѣетъ весь и по классу забѣгаетъ, точно его шиломъ кто-нибудь въ спину, потомъ разъ пять высморкается и начнетъ плакать. Но мы, знаешь, великодушны были, дѣлали видъ, что не замѣчаемъ. «Что съ вами, спрашиваемъ, Сигизмундъ Урбанычъ? У васъ зубы болятъ?» И скажи пожалуйста, весь классъ изъ разбойниковъ состоялъ, изъ сорви-головъ, но, понимаешь ты, великодушны были! Такихъ маленькихъ, какъ ты, въ мое время не было, а все верзилы, этакіе балбесы, одинъ другого выше. Къ примѣру сказать, у насъ въ третьемъ классѣ былъ Мамахинъ: Господи, что за дубина! Понимаешь ты, дылда въ сажень ростомъ, идетъ — полъ дрожитъ, хватитъ кулачищемъ по спинѣ—духъ вонъ! Не то, что мы, даже учители его боялись. Такъ вотъ этотъ самый Мамахинъ бывало...

За дверью слышатся шаги Пелагеи Ивановны. Павелъ Васильевичъ мигаетъ на дверь и шепчетъ:

— Мать идетъ. Давай заниматься. Ну такъ вотъ, братецъ ты мой,—возвышаетъ онъ голосъ,—эту дробь надо помножить на эту. Ну-съ, а для этого нужно числителя первой дроби пом...

— Идите чай пить!—кричитъ Пелагея Ивановна.

Павелъ Васильичъ и его сынъ бросаютъ ариѳметику и идутъ пить чай. А въ столовой уже сидитъ Пелагея Ивановна, и съ ней тетенька, которая всегда молчитъ, и другая тетенька, глухонѣмая, и бабушка Марковна—повитуха, принимавшая Степу. Самоваръ шипитъ и пускаетъ паръ, отъ котораго на потолкѣ ложатся большія, волнистыя тѣни. Изъ передней, задравъ вверхъ хвосты, входятъ кошки, заспанныя, меланхолическія...

— Пей, Марковна, съ вареньемъ,—обращается Пелагея Ивановна къ повитухѣ,—завтра постъ великій, наѣдайся сегодня!

Марковна набираетъ полную ложечку варенья, нерѣшительно, словно порохъ, подноситъ ко рту и, покосившись на Павла Васильича, ѣстъ; тотчасъ же ея лицо покрывается сладкой улыбкой, такой же сладкой, какъ само варенье.

— Варенье очень даже отличное,—говоритъ она.—Вы, матушка, Пелагея Ивановна, сами изволили варить?

— Сама. Кому же другому? Я все сама. Степочка, я тебѣ не жидко чай налила? Ахъ ты уже выпилъ! Давай, ангелочекъ мой, я тебѣ еще налью.

— Такъ вотъ этотъ самый Мамахинъ, братецъ ты мой,—продолжаетъ Павелъ Васильичъ, поворачиваясь къ Степѣ,—терпѣть не могъ учителя французскаго языка. «Я, кричитъ, дворянинъ и не позволю, чтобъ французъ надо мною старшимъ былъ! Мы, кричитъ, въ двѣнадцатомъ году французовъ били!» Ну, его, конечно, пороли... си-льно пороли! А онъ, бывало, какъ замѣтитъ, что его пороть хотятъ, прыгъ въ окно и былъ таковъ! Этакъ дней пять—шесть потомъ въ гимназію не показывается. Мать приходитъ къ директору, молитъ Христомъ-Богомъ: «Господинъ директоръ, будьте столь добры, найдите моего Мишку, посѣките его подлеца!» А директоръ ей: «Помилуйте, сударыня, у насъ съ нимъ пять швейцаровъ не справятся!»

— Господи, уродятся же такіе разбойники! — шепчетъ Пелагея Ивановна, съ ужасомъ глядя на мужа.—Каково-то бѣдной матери!

Наступаетъ молчаніе. Степа громко зѣваетъ и разсматриваетъ на чайницѣ китайца, котораго онъ видѣлъ ужъ тысячу разъ. Обѣ тетеньки и Марковна осторожно хлебаютъ изъ блюдечекъ. Въ воздухѣ тишина и духота отъ печки... На лицахъ и въ движеніяхъ лѣнь, пресыщеніе, когда же-

лудки до верха полны, а ѣсть все-таки нужно. Убираются самоваръ, чашки и скатерть, а семья все сидитъ за столомъ... Пелагея Ивановна то и дѣло вскакиваетъ и съ выраженіемъ ужаса на лицѣ убѣгаетъ въ кухню, чтобы поговорить тамъ съ кухаркой насчетъ ужина. Обѣ тетеньки сидятъ въ прежнихъ позахъ, неподвижно, сложивъ ручки на груди, и дремлютъ, поглядывая своими оловянными глазками на лампу. Марковна каждую минуту икаетъ и спрашиваетъ:

— Отчего это я икаю? Кажется, и не кушала ничего такого... и словно бы не пила... Икъ!

Павелъ Васильичъ и Степа сидятъ рядомъ, касаясь другъ друга головами и, нагнувшись къ столу, разсматриваютъ «Ниву» 1878 года.

— «Памятникъ Леонардо-де-Винчи передъ галлереей Виктора Эмануила въ Миланѣ». Ишь ты... Въ родѣ какъ бы тріумфальныя ворота... Кавалеръ съ дамой... А тамъ вдали человѣчки...

— Этотъ человѣчекъ похожъ на нашего гимназиста Нискубина,—говоритъ Степа.

— Перелистывай дальше... «Хоботокъ обыкновенной мухи, видимый въ микроскопъ». Вотъ такъ хоботокъ! Ай да муха! Что же, братъ, будетъ, ежели клопа подъ микроскопомъ поглядѣть! Вотъ гадость!

Старинные часы въ залѣ сипло, точно простуженные, не бьютъ, а кашляютъ ровно десять разъ. Въ столовую входитъ кухарка Анна и—бухъ хозяину въ ноги!

— Простите, Христа-ради, Павелъ Васильичъ!—говоритъ она, подпимаясь вся красная.

— Прости и ты меня Христа-ради,—отвѣчаетъ Павелъ Васильичъ равнодушно.

Анна тѣмъ же порядкомъ подходитъ къ остальнымъ членамъ семьи, бухаетъ въ ноги и проситъ прощенья. Ми-

нуетъ она одну только Марковну, которую, какъ неблагородную, считаетъ недостойной поклоненія.

Проходитъ еще полчаса въ тишинѣ и спокойствіи... «Нива» лежитъ уже на диванѣ, и Павелъ Васильичъ, поднявъ вверхъ палецъ, читаетъ наизусть латинскіе стихи, которые онъ выучилъ когда-то въ дѣтствѣ. Степа глядитъ на его палецъ съ обручальнымъ кольцомъ, слушаетъ непонятную рѣчь и дремлетъ; третъ кулаками глаза, а они у него еще больше слипаются.

— Пойду спать...—говоритъ онъ, потягиваясь и зѣвая.

— Что? Спать?—спрашиваетъ Пелагея Ивановна.—А заговляться?

— Я не хочу.

— Да ты въ своемъ умѣ?—пугается мамаша.—Какъ же можно не заговляться? Вѣдь во весь постъ не дадутъ тебѣ скоромнаго!

Павелъ Васильичъ тоже пугается.

— Да, да, братъ,—говоритъ онъ.—Семь недѣль мать не дастъ скоромнаго. Нельзя, надо заговѣться.

— Ахъ, да мнѣ спать хочется!—капризничаетъ Степа.

— Въ такомъ случаѣ накрывайте скорѣй на столъ! — кричитъ встревоженно Павелъ Васильичъ.—Анна, что ты тамъ, дура, сидишь? Иди поскорѣй накрывай на столъ!

Пелагея Ивановна всплескиваетъ руками и бѣжитъ въ кухню съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ домѣ пожаръ.

— Скорѣй! Скорѣй! — слышится по всему дому. — Степочка спать хочетъ! Анна! Ахъ Боже мой, что же это такое? Скорѣй!

Черезъ пять минутъ столъ уже накрытъ. Кошки опять, задравъ вверхъ хвосты, выгибая спины и потягиваясь, сходятся въ столовую... Семья начинаетъ ужинать. Ѣсть никому не хочется, у всѣхъ желудки переполнены, но ѣсть все-таки нужно.

ЖИТЕЙСКАЯ МЕЛОЧЬ.

Николай Ильичъ Бѣляевъ, петербургскій домовладѣлецъ, бывающій часто на скачкахъ, человѣкъ молодой, лѣтъ тридцати двухъ, упитанный, розовый, какъ-то подъ вечеръ зашелъ къ госпожѣ Ирниной, Ольгѣ Ивановнѣ, съ которою онъ жилъ, или, по его выраженію, тянулъ скучный и длинный романъ. И въ самомъ дѣлѣ первыя страницы этого романа, интересныя и вдохновенныя, давно уже были прочтены; теперь страницы тянулись, и все тянулись, не представляя ничего ни новаго, ни интереснаго.

Не заставъ Ольги Ивановны дома, мой герой прилегъ въ гостиной на кушетку и принялся ждать.

— Добрый вечеръ, Николай Ильичъ! — услышалъ онъ дѣтскій голосъ. — Мама сейчасъ придетъ. Она пошла съ Соней къ портнихѣ.

Въ той же гостиной на диванѣ лежалъ сынъ Ольги Ивановны, Алеша, мальчикъ лѣтъ восьми, стройный, выхоленный, одѣтый по картинкѣ въ бархатную курточку и длинные, черные чулки. Онъ лежалъ на атласной подушкѣ и, очевидно, подражая акробату, котораго недавно видѣлъ въ циркѣ, задиралъ вверхъ то одну ногу, то другую. Когда утомлялись его изящныя ноги, онъ пускалъ въ ходъ руки, или же порывисто вскакивалъ и становился на четвереньки,

пытаясь стать вверхъ ногами. Все это продѣлывалъ онъ съ самымъ серьезнымъ лицомъ, мученически пыхтя, точно и самъ не радъ былъ, что Богъ далъ ему такое безпокойное тѣло.

— А, здравствуй, мой другъ! — сказалъ Бѣляевъ. — Это ты? А я тебя и не замѣтилъ. Мама здорова?

Алеша, взявшійся правой рукой за носокъ лѣвой ноги и принявшій самую неестественную позу, перевернулся, вскочилъ и выглянулъ изъ-за большого, мохнатаго абажура на Бѣляева.

— Какъ вамъ сказать? — сказалъ онъ и пожалъ плечами. — Вѣдь мама въ сущности никогда не бываетъ здорова. Она вѣдь женщина, а у женщинъ, Николай Ильичъ, всегда что-нибудь болитъ.

Бѣляевъ отъ нечего-дѣлать сталъ разсматривать лицо Алеши. Раньше онъ во все время, пока былъ знакомъ съ Ольгой Ивановной, ни разу не обратилъ вниманія на мальчика и совершенно не замѣчалъ его существованія: торчитъ передъ глазами мальчикъ, а къ чему онъ тутъ, какую роль играетъ—и думать объ этомъ какъ-то не хочется.

Въ вечернихъ сумеркахъ лицо Алеши съ его блѣднымъ лбомъ и черными, не мигающими глазами неожиданно напомнило Бѣляеву Ольгу Ивановну, какою она была на первыхъ страницахъ романа. И ему захотѣлось приласкать мальчика.

— Поди-ка сюда, клопъ! — сказалъ онъ. — Дай-ка, я на тебя поближе погляжу.

Мальчикъ прыгнулъ съ дивана и подбѣжалъ къ Бѣляеву.

— Ну? — началъ Николай Ильичъ, кладя руку на его тощее плечо.—Что? Живешь?

— Какъ вамъ сказать? Прежде жилось гораздо лучше.

— Почему?

— Очень просто! Прежде мы съ Соней занимались только

музыкой и чтеніемъ, а теперь намъ французскіе стихи задаютъ. А вы недавно стриглись!

— Да, недавно.

— То-то я замѣчаю. У васъ бородка стала короче. Позвольте мнѣ за нее потрогать... Не больно?

— Нѣтъ, не больно.

— Отчего это, когда за одинъ волосокъ тянешь, то больно, а когда тянешь за много волосъ, то ни капельки не больно? Ха, ха! А, знаете, вы напрасно бакеновъ не носите. Тутъ вотъ пробрить, а съ боковъ... вотъ тутъ вотъ оставить волосы...

Мальчикъ прижался къ Бѣляеву и сталъ играть его цѣпочкой.

— Когда я поступлю въ гимназію, — говорилъ онъ, — мама мнѣ купитъ часы. Я ее попрошу, чтобы она мнѣ такую же цѣпочку купила... Ка-кой ме-даль-онъ! У папы точно такой же медальонъ, только у васъ тутъ полосочки, а у него буквы... Въ середкѣ у него портретъ мамы. У папы теперь другая цѣпочка, не кольцами, а лентой...

— Откуда ты знаешь? Развѣ ты видаешь папу?

— Я? Мм... нѣтъ! Я...

Алеша покраснѣлъ и въ сильномъ смущеніи, уличенный во лжи, сталъ усердно царапать ногтемъ медальонъ. Бѣляевъ пристально поглядѣлъ ему въ лицо и спросилъ:

— Видаешь папу?

— Н...нѣтъ!..

— Нѣтъ, ты откровенно, по совѣсти... По лицу вѣдь вижу, что говоришь неправду. Коли проболтался, такъ нечего ужъ тутъ вилять. Говори, видаешь? Ну, по дружески!

Алеша задумался.

— А вы не скажете мамѣ?—спросилъ онъ.

— Ну вотъ еще!

— Честное слово?

— Честное слово.

— Побожитесь!

— Ахъ, несносный какой! За кого ты меня принимаешь!

Алеша оглянулся, сдѣлалъ большіе глаза и зашепталъ:

— Только ради Бога, не говорите мамѣ... Вообще никому не говорите, потому что тутъ секретъ. Не дай Богъ, узнаетъ мама, то достанется и мнѣ, и Сонѣ, и Пелагеѣ... Ну, слушайте. Съ папой я и Соня видимся каждый вторникъ и пятницу. Когда Пелагея водитъ насъ передъ обѣдомъ гулять, то мы заходимъ въ кондитерскую Апфеля, а тамъ ужъ насъ ждетъ папа... Онъ всегда въ отдѣльной комнаткѣ сидитъ, гдѣ, знаете, этакій мраморный столъ и пепельница въ видѣ гуся безъ спины...

— Что же вы тамъ дѣлаете?

— Ничего! Сначала здороваемся, потомъ всѣ садимся за столикъ и папа начинаетъ угощать насъ кофеемъ и пирожками. Соня, знаете, ѣстъ пирожки съ мясомъ, а я терпѣть не могу съ мясомъ! Я люблю съ капустой и съ яйцами. Мы такъ наѣдаемся, что потомъ за обѣдомъ, чтобы мама не замѣтила, мы стараемся ѣсть какъ можно больше.

— О чемъ же вы тамъ говорите?

— Съ папой? Обо всемъ. Онъ насъ цѣлуетъ, обнимаетъ, разсказываетъ разныя смѣшныя остроты. Знаете, онъ говоритъ, что когда мы вырастемъ, то онъ возьметъ насъ къ себѣ жить. Соня не хочетъ, а я согласенъ. Конечно, безъ мамы будетъ скучно, но я вѣдь буду ей письма писать! Странное дѣло, можно будетъ даже по праздникамъ къ ней съ визитомъ приходить—не правда ли? Еще папа говоритъ, что онъ мнѣ лошадь купитъ. Добрѣйшій человѣкъ! Я не знаю, зачѣмъ это мама не позоветъ его къ себѣ жить и запрещаетъ намъ видаться съ нимъ. Вѣдь онъ очень любитъ маму. Всегда онъ насъ спрашиваетъ, какъ ея здоровье, что она дѣлаетъ. Когда она была боль-

па, то онъ схватилъ себя за голову вотъ этакъ и... и все бѣгаетъ, бѣгаетъ. Все проситъ насъ, чтобъ мы слушались ея и почитали. Послушайте, правда, что мы несчастные?

— Гм... Почему же?

— Это папа говоритъ. Вы, говоритъ, несчастныя дѣти. Даже слушать его странно. Вы, говоритъ, несчастные, я несчастный и мама несчастная. Молитесь, говоритъ, Богу и за себя, и за нее.

Алеша остановилъ свой взглядъ на чучелѣ птицы и задумался.

— Такъ-съ...—промычалъ Бѣляевъ.—Такъ вотъ вы, значитъ, какъ. Въ кондитерскихъ конгрессы сочиняете. И мама не знаетъ?

— Нѣ-ѣтъ... Откуда же ей знать? Пелагея вѣдь ни за что не скажетъ. А позавчера папа насъ грушами угощалъ. Сладкія, какъ варенье! Я двѣ съѣлъ.

— Гм... Ну, а того.... послушай, про меня папа ничего не говоритъ?

— Про васъ? Какъ вамъ сказать?

Алеша пытливо поглядѣлъ въ лицо Бѣляева и пожалъ плечами.

— Особеннаго ничего не говоритъ.

— Примѣрно, что говоритъ?

— А вы не обидитесь?

— Ну, вотъ еще! Развѣ онъ меня бранитъ?

— Онъ не бранитъ, но, знаете ли... сердится на васъ. Онъ говоритъ, что черезъ васъ мама несчастна и что вы... погубили маму. Вѣдь онъ какой-то странный! Я ему растолковываю, что вы добрый, никогда не кричите на маму, а онъ только головой качаетъ.

— Такъ-таки и говоритъ, что я ее погубилъ?

— Да. Вы не обижайтесь, Николай Ильичъ!

Бѣляевъ поднялся, постоялъ и заходилъ по гостиной.

— Это и странно, и... смѣшно! — забормоталъ онъ, по-

жимая плечами и насмѣшливо улыбаясь. — Самъ кругомъ виноватъ, и я же погубилъ, а? Скажите, какой невинный барашекъ. Такъ-таки онъ тебѣ и говорилъ, что я погубилъ твою мать?

— Да, но... вѣдь вы же сказали, что не будете обижаться!

— Я не обижаюсь и... и не твое дѣло! Нѣтъ, это... это даже смѣшно! Я попалъ, какъ куръ во щи, и я же оказываюсь виноватымъ!

Послышался звонокъ. Мальчикъ рванулся съ мѣста и выбѣжалъ вонъ. Черезъ минуту въ гостиную вошла дама съ маленькой дѣвочкой — это была Ольга Ивановна, мать Алеши. За нею вприпрыжку, громко напѣвая и болтая руками, слѣдовалъ Алеша. Бѣляевъ кивнулъ головой и продолжалъ ходить.

— Конечно, кого же теперь обвинять, какъ не меня?— бормоталъ онъ, фыркая. — Онъ правъ! Онъ оскорбленный мужъ!

— О чемъ ты это?—спросила Ольга Ивановна.

— О чемъ?.. А вотъ послушай-ка, какія штуки проповѣдуетъ твой благовѣрный! Оказывается, что я подлецъ и злодѣй, я погубилъ и тебя, и дѣтей. Всѣ вы несчастные и одинъ только я ужасно счастливъ! Ужасно, ужасно счастливъ!

— Я не понимаю, Николай! Что такое?

— А вотъ послушай сего юнаго синьора!—сказалъ Бѣляевъ и указалъ на Алешу.

Алеша покраснѣлъ, потомъ вдругъ поблѣднѣлъ и все лицо его перекосило отъ испуга.

— Николай Ильичъ!—громко прошепталъ онъ.—Тссс!

Ольга Ивановна удивленно поглядѣла на Алешу, на Бѣляева, потомъ опять на Алешу.

— Спроси-ка! — продолжалъ Бѣляевъ. — Твоя Пелагея, этакая дура набитая, водитъ ихъ по кондитерскимъ и

устраиваетъ тамъ свиданія съ папашенькой. Но не въ этомъ дѣло, дѣло въ томъ, что папашенька страдалецъ, а я злодѣй, я негодяй, разбившій вамъ обоимъ жизнь...

— Николай Ильичъ!—простоналъ Алеша.—Вѣдь вы дали честное слово!

— Э, отстань! — махнулъ рукой Бѣляевъ. — Тутъ поважнѣе всякихъ честныхъ словъ. Меня лицемѣріе возмущаетъ, ложь!

— Не понимаю! — проговорила Ольга Ивановна, и слезы заблестѣли у нея на глазахъ.—Послушай Лелька, — обратилась она къ сыну,—ты видаешься съ отцомъ?

Алеша не слышалъ ея и съ ужасомъ глядѣлъ на Бѣляева.

— Не можетъ быть! — сказала мать. — Пойду допрошу Пелагею.

Ольга Ивановна вышла.

— Послушайте, вѣдь вы честное слово дали! — проговорилъ Алеша, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Бѣляевъ махнулъ на него рукой и продолжалъ ходить. Онъ былъ погруженъ въ свою обиду и уже попрежнему не замѣчалъ присутствія мальчика. Ему, большому и серьезному человѣку, было совсѣмъ не до мальчиковъ. А Алеша усѣлся въ уголъ и съ ужасомъ разсказывалъ Сонѣ, какъ его обманули. Онъ дрожалъ, заикался, плакалъ; это онъ первый разъ въ жизни лицомъ къ лицу такъ грубо столкнулся съ ложью; ранѣе же онъ не зналъ, что на этомъ свѣтѣ, кромѣ сладкихъ грушъ, пирожковъ и дорогихъ часовъ, существуетъ еще и многое другое, чему нѣтъ названія на дѣтскомъ языкѣ.

МАСКА.

Въ Х—омъ общественномъ клубѣ съ благотворительной цѣлью давали балъ-маскарадъ, или, какъ его называли мѣстныя барышни,—балъ-парей.

Было 12 часовъ ночи. Не танцующіе интеллигенты безъ масокъ—ихъ было пять душъ—сидѣли въ читальнѣ за большимъ столомъ и, уткнувъ носы и бороды въ газеты, читали, дремали и, по выраженію мѣстнаго корреспондента столичныхъ газетъ, очень либеральнаго господина, — «мыслили».

Изъ общей залы доносились звуки кадрили «Вьюшки». Мимо двери, сильно стуча ногами и звеня посудой, то и дѣло пробѣгали лакеи. Въ самой же читальнѣ царила глубокая тишина.

— Здѣсь, кажется, удобнѣе будетъ!—вдругъ послышался низкій, придушенный голосъ, который, какъ казалось, выходилъ изъ печки.—Валяйте сюда! Сюда, ребята!

Дверь отворилась и въ читальню вошелъ широкій, приземистый мужчина, одѣтый въ кучерской костюмъ и шляпу съ павлиньими перьями, въ маскѣ. За нимъ слѣдомъ вошли двѣ дамы въ маскахъ и лакей съ подносомъ. На подносѣ была пузатая бутыль съ ликеромъ, бутылки три краснаго и нѣсколько стакановъ.

— Сюда! Здѣсь и прохладнѣе будетъ, — сказалъ мужчина.—Становь подносъ на столъ... Садитесь, мамзели! Же ву при а ля тримонтранъ! А вы, господа, подвиньтесь... нечего тутъ!

Мужчина покачнулся и смахнулъ рукой со стола нѣсколько журналовъ.

— Становь сюда! А вы, господа читатели, подвиньтесь; некогда тутъ съ газетами да съ политикой... Бросайте!

— Я просилъ бы васъ потише,—сказалъ одинъ изъ интеллигентовъ, поглядѣвъ на маску черезъ очки. — Здѣсь читальня, а не буфетъ... Здѣсь не мѣсто пить.

— Почему не мѣсто? Нешто столъ качается, или потолокъ обвалиться можетъ? Чудно! Но... некогда разговаривать! Бросайте газеты... Почитали малость и будетъ съ васъ; и такъ ужъ умны очень, да и глаза попортишь, а главнѣе всего — я не желаю и все тутъ.

Лакей поставилъ подносъ на столъ и, перекинувъ салфетку черезъ локоть, сталъ у двери. Дамы тотчасъ же принялись за красное.

— И какъ это есть такіе умные люди, что для нихъ газеты лучше этихъ напитковъ, — началъ мужчина съ павлиньими перьями, наливая себѣ ликеру.—А по моему мнѣнію, вы, господа почтенные, любите газеты оттого, что вамъ выпить не на что. Такъ ли я говорю? Ха, ха!.. Читаютъ! Ну, а о чемъ тамъ написано? Господинъ въ очкахъ! Про какіе факты вы читаете? Ха, ха! Ну, да брось! Будетъ тебѣ кочевряжиться! Выпей лучше!

Мужчина съ павлиньими перьями приподнялся и вырвалъ газету изъ рукъ у господина въ очкахъ. Тотъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и съ удивленіемъ поглядѣлъ на прочихъ интеллигентовъ, тѣ—на него.

— Вы забываетесь, милостивый государь! — вспыхнулъ онъ. — Вы обращаете читальню въ кабакъ, вы позволяете себѣ безчинствовать, вырывать изъ рукъ газеты! Я не по-

зволю! Вы не знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло, милостивый государь! Я директоръ банка Жестяковъ!..

— А плевать мнѣ, что ты—Жестяковъ! А газетѣ твоей вотъ какая честь...

Мужчина поднялъ газету и изорвалъ ее въ клочки.

— Господа, что же это такое?—пробормоталъ Жестяковъ, обомлѣвъ.—Это странно, это... это даже сверхъестественно...

— Они разсердившись,—засмѣялся мужчина.—Фу-ты, ну-ты, испугался! Даже поджилки трясутся. Вотъ что, господа почтенные! Шутки въ сторону, разговаривать съ вами мнѣ не охотно... Потому, какъ я желаю остаться тутъ съ мамзелями одинъ, и желаю себѣ тутъ удовольствіе доставить, то прошу не претикословить и выйти... Пожалуйте-съ! Господинъ Белебухинъ, выходи къ свиньямъ собачьимъ! Что рыло наморщилъ? Говорю выходи, стало-быть, и выходи! Живо у меня, а то, гляди, не ровенъ часъ, какъ бы въ шею не влетѣло!

— То-есть, какъ же это?—спросилъ казначей сиротскаго суда Белебухинъ, краснѣя и пожимая плечами.—Я даже не понимаю... Какой-то нахалъ врывается сюда и... вдругъ этакія вещи!

— Какое это такое слово нахалъ?—крикнулъ мужчина съ павлиньими перьями, разсердившись, и стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что на подносѣ запрыгали стаканы.—Кому ты говоришь? Ты думаешь, какъ я въ маскѣ, такъ ты можешь мнѣ разныя слова говорить? Перецъ ты этакій! Выходи, коли говорю! Директоръ банка, проваливай по добру по здорову! Всѣ уходите, чтобъ ни одной шельмы тутъ не оставалось! Ай-да, къ свиньямъ собачьимъ!

— А вотъ мы сейчасъ увидимъ!—сказалъ Жестяковъ, у котораго даже очки вспотѣли отъ волненія.—Я покажу вамъ! Эй, позови-ка сюда дежурнаго старшину!

Черезъ минуту вошелъ маленькій рыженькій старшина съ голубой ленточкой на лацканѣ, запыхавшійся отъ танцевъ.

— Прошу васъ выйти! — началъ онъ. — Здѣсь не мѣсто пить! Пожалуйте въ буфетъ!

— Ты откуда это выскочилъ? — спросилъ мужчина въ маскѣ.—Нешто я тебя звалъ?

— Прошу не тыкать, а извольте выйти!

— Вотъ что, милый человѣкъ: даю тебѣ минуту сроку... Потому, какъ ты старшина и главное лицо, то вотъ выведи этихъ артистовъ подъ ручки. Мамзелямъ моимъ не ндравится, ежели здѣсь есть кто посторонній... Онѣ стѣсняются, а я за свои деньги желаю, чтобы онѣ были въ натуральномъ видѣ.

— Очевидно, этотъ самодуръ не понимаетъ, что онъ не въ хлѣву!—крикнулъ Жестяковъ.—Позвать сюда Евстрата Спиридоныча!

— Евстратъ Спиридонычъ! — понеслось по клубу. — Гдѣ Евстратъ Спиридонычъ?

Евстратъ Спиридонычъ, старикъ въ полицейскомъ мундирѣ, не замедлилъ явиться.

— Прошу васъ выйти отсюда! — прохрипѣлъ онъ, выпучивая свои страшные глаза и шевеля нафабренными усами.

— А вѣдь испугалъ! — проговорилъ мужчина и захохоталъ отъ удовольствія.—Ей-ей, испугалъ! Бываютъ же такія страсти, побей меня Богъ! Усы какъ у кота, глаза вытаращилъ... Хе, хе, хе!

— Прошу не разсуждать! — крикнулъ изо всей силы Евстратъ Спиридонычъ и задрожалъ.—Выйди вонъ! Я прикажу тебя вывести!

Въ читальнѣ поднялся невообразимый шумъ. Евстратъ Спиридонычъ, красный, какъ ракъ, кричалъ стуча ногами. Жестяковъ кричалъ. Белебухинъ кричалъ. Кричали всѣ интеллигенты, но голоса всѣхъ ихъ покрывалъ низкій, гу-

стой, придушенный басъ мужчины въ маскѣ. Танцы, благодаря всеобщей сумятицѣ, прекратились и публика повалила изъ залы къ читальнѣ.

Евстратъ Спиридонычъ для внушительности позвалъ всѣхъ полицейскихъ, бывшихъ въ клубѣ, и сѣлъ писать протоколъ.

— Пиши, пиши, — говорила маска, тыча пальцемъ ему подъ перо. — Теперь что же со мной, съ бѣднымъ, будетъ? Бѣдная моя головушка! За что же губите вы меня, сиротинушку? Ха, ха! Ну что жъ? Готовъ протоколъ? Всѣ расписавшись? Ну, теперь глядите!.. Разъ... два... три!!..

Мужчина поднялся, вытянулся во весь ростъ и сорвалъ съ себя маску. Открывъ свое пьяное лицо и поглядѣвъ на всѣхъ, любуясь произведеннымъ эффектомъ, онъ упалъ въ кресло и радостно захохоталъ. А впечатлѣніе, дѣйствительно, произвелъ онъ необыкновенное. Всѣ интеллигенты растерянно переглянулись и поблѣднѣли, нѣкоторые почесали затылки. Евстратъ Спиридонычъ крякнулъ, какъ человѣкъ, сдѣлавшій нечаянно большую глупость.

Въ буянѣ всѣ узнали мѣстнаго милліонера, фабриканта, потомственнаго почетнаго гражданина Пятигорова, извѣстнаго своими скандалами, благотворительностью и, какъ не разъ говорилось въ мѣстномъ вѣстникѣ,—любовью къ просвѣщенію.

— Что жъ, уйдете, или нѣтъ? — спросилъ Пятигоровъ послѣ минутнаго молчанія.

Интеллигенты молча, не говоря ни слова, вышли на цыпочкахъ изъ читальни, и Пятигоровъ заперъ за ними двери.

— Ты же вѣдь зналъ, что это Пятигоровъ! — хрипѣлъ черезъ минуту Евстратъ Спиридонычъ вполголоса, тряся за плечо лакея, вносившаго въ читальню вино. — Отчего ты молчалъ?

— Не велѣли сказывать-съ!

— Не велѣли сказывать... Какъ засажу я тебя, анаѳему на мѣсяцъ, такъ тогда будешь знать «не велѣли сказывать». Вонъ!!.. А вы-то хороши, господа,—обратился онъ къ интеллигентамъ.—Бунтъ подняли! Не могли выйти изъ читальни на десять минутокъ! Вотъ теперь и расхлебывайте кашу. Эхъ, господа, господа... Не люблю, ей-Богу!

Интеллигенты заходили по клубу унылые, потерянные, виноватые, шепчась и точно предчувствуя что-то не доброе... Жены и дочери ихъ, узнавъ, что Пятигоровъ «обиженъ» и сердится, притихли и стали расходиться по домамъ. Танцы прекратились.

Въ два часа изъ читальни вышелъ Пятигоровъ; онъ былъ пьянъ и пошатывался. Войдя въ залу, онъ сѣлъ около оркестра и задремалъ подъ музыку, потомъ печально склонилъ голову и захрапѣлъ.

— Не играйте! — замахали старшины музыкантамъ. — Тсс!.. Егоръ Нилычъ спитъ...

— Не прикажете ли васъ домой проводить, Егоръ Нилычъ? — спросилъ Белебухинъ, нагнувшись къ уху милліонера.

Пятигоровъ сдѣлалъ губами такъ, точно хотѣлъ сдунуть со щеки муху.

— Не прикажете ли васъ домой проводить, — повторилъ Белебухинъ,—или сказать, чтобъ экипажикъ подали?

— А? Ково? Ты... чево тебѣ?

— Проводить домой-съ... Баиньки пора...

— До-домой желаю... Прроводи!

Белебухинъ просіялъ отъ удовольствія и началъ поднимать Пятигорова. Къ нему подскочили другіе интеллигенты и, пріятно улыбаясь, подняли потомственнаго почетнаго гражданина и осторожно повели къ экипажу.

— Вѣдь этакъ одурачить цѣлую компанію можетъ только артистъ, талантъ,—весело говорилъ Жестяковъ, подсаживая его.—Я буквально пораженъ, Егоръ Нилычъ! До сихъ поръ

хохочу... Ха, ха... А мы-то кипятимся, хлопочемъ! Ха, ха! Вѣрите? и въ театрахъ никогда такъ не смѣялся... Бездна комизма! Всю жизнь буду помнить этотъ незапамятный вечеръ!

Проводивъ Пятигорова, интеллигенты повеселѣли и успокоились.

— Мнѣ руку подалъ на прощанье,—проговорилъ Жестяковъ, очень довольный.—Значитъ, ничего, не сердится...

— Дай-то Богъ! — вздохнулъ Евстратъ Спиридонычъ. — Негодяй, подлый человѣкъ, но вѣдь—благодѣтель!.. Нельзя!..

ПЕРЕПОЛОХЪ.

Машенька Павлецкая, молоденькая, едва только кончившая курсъ институтка, вернувшись съ прогулки въ домъ Кушкиныхъ, гдѣ она жила въ гувернанткахъ, застала необыкновенный переполохъ. Отворявшій ей швейцаръ Михайло былъ взволнованъ и красенъ, какъ ракъ.

Сверху доносился шумъ.

«Вѣроятно съ хозяйкой припадокъ...—подумала Машенька,—или съ мужемъ поссорилась»...

Въ передней и въ коридорѣ встрѣтила она горничныхъ. Одна горничная плакала. Затѣмъ Машенька видѣла, какъ изъ дверей ея комнаты выбѣжалъ самъ хозяинъ Николай Сергѣичъ, маленькій, еще не старый человѣкъ съ обрюзгшимъ лицомъ и съ большой плѣшью. Онъ былъ красенъ. Его передергивало... Не замѣчая гувернантки, онъ прошелъ мимо нея и, поднимая вверхъ руки, воскликнулъ:

— О, какъ это ужасно! Какъ безтактно! Какъ глупо, дико! Мерзко!

Машенька вошла въ свою комнату, и тутъ ей въ первый разъ въ жизни пришлось испытать во всей остротѣ чувство, которое такъ знакомо людямъ зависимымъ, безотвѣтнымъ, живущимъ на хлѣбахъ у богатыхъ и знатныхъ. Въ ея комнатѣ дѣлали обыскъ. Хозяйка Федосья Васильевна, полная, плечи-

стая дама съ густыми черными бровями, простоволосая и угловатая, съ едва замѣтными усиками и съ красными руками, лицомъ и манерами похожая на простую бабу-кухарку, стояла у ея стола и вкладывала обратно въ рабочую сумку клубки шерсти, лоскутки, бумажки... Очевидно, появленіе гувернантки было для нея неожиданно, такъ какъ, оглянувшись и увидѣвъ ея блѣдное, удивленное лицо, она слегка смутилась и пробормотала:

— Pardon, я... я нечаянно разсыпала... зацѣпила рукавомъ...

И сказавъ еще что-то, мадамъ Кушкина зашуршала шлейфомъ и вышла. Машенька обвела удивленными глазами свою комнату и, ничего не понимая, не зная, что думать, пожала плечами, похолодѣла отъ страха... Что̀ Федосья Васильевна искала въ ея сумкѣ? Если дѣйствительно, какъ она говоритъ, она нечаянно зацѣпила рукавомъ и разсыпала, то зачѣмъ же выскочилъ изъ комнаты такой красный и взволнованный Николай Сергѣичъ? Зачѣмъ у стола слегка выдвинутъ одинъ ящикъ? Копилка, въ которую гувернантка прятала гривенники и старыя марки, была отперта. Ее отперли, но запереть не сумѣли, хотя и исцарапали весь замокъ. Этажерка съ книгами, поверхность стола, постель—все носило на себѣ свѣжіе слѣды обыска. И въ корзинѣ съ бѣльемъ то же. Бѣлье было сложено аккуратно, но не въ томъ порядкѣ, въ какомъ оставила его Машенька, уходя изъ дому. Обыскъ, значитъ, былъ настоящій, самый настоящій, но къ чему онъ, зачѣмъ? Что случилось? Машенька вспомнила волненіе швейцара, переполохъ, который все еще продолжался, заплаканную горничную; не имѣло ли все это связи съ только-что бывшимъ у нея обыскомъ? Не замѣшана ли она въ какомъ-нибудь страшномъ дѣлѣ? Машенька поблѣднѣла и вся холодная опустилась на корзину съ бѣльемъ.

Въ комнату вошла горничная.

— Лиза, вы не знаете, зачѣмъ это меня... обыскивали?— спросила у нея гувернантка.

— У барыни пропала брошка въ двѣ тысячи...—сказала Лиза.

— Да, но зачѣмъ же меня обыскивать?

— Всѣхъ, барышня, обыскивали. И меня всю обыскали... Насъ раздѣвали всѣхъ до гола и обыскивали... А я, барышня, вотъ, какъ передъ Богомъ... Не то, чтобъ ихнюю брошку, но даже къ туалету близко не подходила. Я и въ полиціи то же скажу.

— Но... зачѣмъ же меня обыскивать?—продолжала недоумѣвать гувернантка.

— Брошку, говорю, украли... Барыня сама своими руками все обшарила. Даже швейцара Михайлу сами обыскивали. Чистый срамъ! Николай Сергѣичъ только глядитъ да кудахчетъ, какъ курица. А вы, барышня, напрасно это дрожите. У васъ ничего не нашли! Ежели не вы брошку взяли, такъ вамъ и бояться нечего.

— Но вѣдь это, Лиза, низко... оскорбительно! — сказала Машенька, задыхаясь отъ негодованія.—Вѣдь это подлость, низость! Какое она имѣла право подозрѣвать меня и рыться въ моихъ вещахъ?

— Въ чужихъ людяхъ живете, барышня, — вздохнула Лиза. — Хоть вы и барышня, а все же... какъ бы прислуга... Это не то, что у папаши съ мамашей жить...

Машенька повалилась въ постель и горько зарыдала. Никогда еще надъ нею не совершали такого насилія, никогда еще ея такъ глубоко не оскорбляли, какъ теперь... Ее, благовоспитанную, чувствительную дѣвицу, дочь учителя, заподозрили въ воровствѣ, обыскали, какъ уличную женщину! Выше такого оскорбленія, кажется, и придумать нельзя. И къ этому чувству обиды присоединился еще тяжелый страхъ: что теперь будетъ!? Въ голову ея полѣзли всякія несообразности. Если ее могли заподозрить въ во-

ровствѣ, то значитъ, могутъ теперь арестовать, раздѣть догола и обыскать, потомъ вести подъ конвоемъ по улицѣ, засадить въ темную, холодную камеру съ мышами и мокрицами, точь-въ-точь въ такую, въ какой сидѣла княжна Тараканова. Кто вступится за нее? Родители ея живутъ далеко въ провинціи; чтобы пріѣхать къ ней, у нихъ нѣтъ денегъ. Въ столицѣ она одна, какъ въ пустынномъ полѣ, безъ родныхъ и знакомыхъ. Что хотятъ, то и могутъ съ ней сдѣлать.

«Побѣгу ко всѣмъ судьямъ и защитникамъ... — думала Машенька, дрожа.—Я объясню имъ, присягну... Они повѣрятъ, что я не могу быть воровкой!»

Машенька вспомнила, что у нея въ корзинѣ подъ простынями лежатъ сладости, которыя она, по старой институтской привычкѣ, прятала за обѣдомъ въ карманъ и уносила къ себѣ въ комнату. Отъ мысли, что эта ея маленькая тайна уже извѣстна хозяевамъ, ее бросило въ жаръ, стало стыдно, и отъ всего этого—отъ страха, стыда, отъ обиды началось сильное сердцебіеніе, которое отдавало въ виски, въ руки, глубоко въ животъ.

— Пожалуйте кушать!—позвали Машеньку.

«Идти или нѣтъ?»

Машенька поправила прическу, утерлась мокрымъ полотенцемъ и пошла въ столовую. Тамъ уже начали обѣдать... За однимъ концомъ стола сидѣла Федосья Васильевна, важная, съ тупымъ, серьезнымъ лицомъ, за другимъ—Николай Сергѣичъ. По сторонамъ сидѣли гости и дѣти. Обѣдать подавали два лакея во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Всѣ знали, что въ домѣ переполохъ, что хозяйка въ горѣ, и молчали. Слышны были только жеванье и стукъ ложекъ о тарелки.

Разговоръ начала сама хозяйка.

— Что у насъ къ третьему блюду?—спросила она у лакея, томнымъ, страдальческимъ голосомъ.

— Эстуржонъ аля рюссъ!—отвѣтилъ лакей.

— Это, Феня, я заказалъ...—поторопился сказать Николай Сергѣичъ.—Рыбы захотѣлось. Если тебѣ не нравится, ma chère, то пусть не подаютъ. Я вѣдь это такъ... между прочимъ...

Федосья Васильевна не любила кушаній, которыя заказывала не она сама, и теперь глаза у нея наполнились слезами.

— Ну, перестанемъ волноваться,—сказалъ сладкимъ голосомъ Мамиковъ, ея домашній докторъ, слегка касаясь ея руки и улыбаясь также сладко. — Мы и безъ того достаточно нервны. Забудемъ о брошп! Здоровье дороже двухъ тысячъ!

— Мнѣ не жалко двухъ тысячъ! — отвѣтила хозяйка, и крупная слеза потекла по ея щекѣ.—Меня возмущаетъ самый фактъ! Я не потерплю въ своемъ домѣ воровъ. Мнѣ не жаль, мнѣ ничего не жаль, но красть у меня—это такая неблагодарность! Такъ платятъ мнѣ за мою доброту...

Всѣ глядѣли въ свои тарелки, но Машенькѣ показалось, что послѣ словъ хозяйки на нее всѣ взглянули. Комокъ вдругъ подступилъ къ горлу, она заплакала и прижала платокъ къ лицу.

— Pardon,—пробормотала она.—Я не могу. Голова болитъ. Уйду.

И она встала изъ-за стола, неловко гремя стуломъ и еще больше смущаясь, и быстро вышла.

— Богъ знаетъ что!—проговорилъ Николай Сергѣичъ, морщась. — Нужно было дѣлать у нея обыскъ! Какъ это, право... некстати.

— Я не говорю, что она взяла брошку, — сказала Федосья Васильевна, — но развѣ ты можешь поручиться за нее? Я, признаюсь, плохо вѣрю этимъ ученымъ бѣднячкамъ.

— Право, Феня, некстати... Извини, Феня, но по закону ты не имѣешь никакого права дѣлать обыски.

— Я не знаю вашихъ законовъ. Я только знаю, что у меня пропала брошка, вотъ и все. И я найду эту брошку! — она ударила по тарелкѣ вилкой, и глаза у нея гнѣвно сверкнули. — А вы ѣшьте и не вмѣшивайтесь въ мои дѣла!

Николай Сергѣевичъ кротко опустилъ глаза и вздохнулъ. Машенька между тѣмъ, придя къ себѣ въ комнату, повалилась въ постель. Ей уже не было ни страшно, ни стыдно, а мучило ее сильное желаніе пойти и отхлопать по щекамъ эту черствую, эту надменную, тупую, счастливую женщину.

Лежа, она дышала въ подушку и мечтала о томъ, какъ бы хорошо было пойти теперь купить самую дорогую брошь и бросить ею въ лицо этой самодуркѣ. Если бы Богъ далъ, Федосья Васильевна разорилась, пошла бы по міру и поняла бы весь ужасъ нищеты и подневольнаго состоянія и если бы оскорбленная Машенька подала ей милостыню. О, если бы получить большое наслѣдство, купить коляску и прокатить съ шумомъ мимо ея оконъ, чтобы она позавидовала!

Но все это мечты, въ дѣйствительности же оставалось только одно — поскорѣе уйти, не оставаться здѣсь ни одного часа. Правда, страшно потерять мѣсто, опять ѣхать къ родителямъ, у которыхъ ничего нѣтъ, но что же дѣлать? Машенька не могла видѣть уже ни хозяйки, ни своей маленькой комнаты, ей было здѣсь душно, жутко. Федосья Васильевна, помѣшанная на болѣзняхъ и на своемъ мнимомъ аристократизмѣ, опротивѣла ей до того, что, кажется, все на свѣтѣ стало грубо и неприглядно оттого, что живетъ эта женщина. Машенька прыгнула съ кровати и стала укладываться.

— Можно войти? — спросилъ за дверью Николай Сер-

гѣичъ; онъ подошолъ къ двери неслышно и говорилъ тихимъ, мягкимъ голосомъ.—Можно?

— Войдите.

Онъ вошелъ и остановился у двери. Глаза его глядѣли тускло и красный носикъ его лоснился. Послѣ обѣда онъ пилъ пиво, и это было замѣтно по его походкѣ, по слабымъ, вялымъ рукамъ.

— Это что же?—спросилъ онъ, указывая на корзину.

— Укладываюсь. Простите, Николай Сергѣичъ, но я не могу долѣе оставаться въ вашемъ домѣ. Меня глубоко оскорбилъ этотъ обыскъ!

— Я понимаю... Только вы это напрасно... Зачѣмъ? Обыскали, а вы того... что вамъ отъ этого? Васъ не убудетъ отъ этого.

Машенька молчала и продолжала укладываться. Николай Сергѣичъ пощипалъ свои усы, какъ бы придумывая, что сказать еще, и продолжалъ заискивающимъ голосомъ:

— Я, конечно, понимаю, но надо быть снисходительной. Знаете, моя жена нервная, взбалмошная, нельзя судить строго...

Машенька молчала.

— Если ужъ вы такъ оскорблены, — продолжалъ Николай Сергѣичъ, — то извольте, я готовъ извиниться передъ вами. Извините.

Машенька ничего не отвѣтила, а только ниже нагнулась къ своему чемодану. Этотъ испитой, нерѣшительный человѣкъ ровно ничего не значилъ въ домѣ. Онъ игралъ жалкую роль приживала и лишняго человѣка даже у прислуги; и извиненіе его тоже ничего не значило.

— Гм... Молчите? Вамъ мало этого? Въ такомъ случаѣ я за жену извиняюсь. Отъ имени жены... Она поступила не тактично, я признаю, какъ дворянинъ...

Николай Сергѣичъ прошелся, вздохнулъ и продолжалъ:

— Вамъ надо еще, значитъ, чтобъ у меня ковыряло

вотъ тутъ, подъ сердцемъ... Вамъ надо, чтобы меня совѣсть мучила...

— Я знаю, Николай Сергѣичъ, вы не виноваты, — сказала Машенька, глядя ему прямо въ лицо своими большими, заплаканными глазами. — Зачѣмъ же вамъ мучиться?

— Конечно... Но вы все-таки того... не уѣзжайте... Прошу васъ.

Машенька отрицательно покачала головой. Николай Сергѣичъ остановился у окна и забарабанилъ по стеклу.

— Для меня подобныя недоразумѣнія — это чистая пытка, — проговорилъ онъ. — Что же мнѣ на колѣни передъ вами становиться, что ли? Вашу гордость оскорбили и вотъ вы плакали, собираетесь уѣхать, но вѣдь и у меня тоже есть гордость, а вы ея не щадите. Или хотите, чтобъ я сказалъ вамъ то, чего и на исповѣди не скажу? Хотите? Послушайте, вы хотите, чтобы я признался въ томъ, въ чемъ даже предъ смертью на духу не признаюсь?

Машенька молчала.

— Я взялъ у жены брошку!—быстро сказалъ Николай Сергѣичъ. — Довольны теперь? Удовлетворены? Да, я... взялъ... Только, конечно, я надѣюсь на вашу скромность... Ради Бога, никому ни слова, ни полъ-намека!

Машенька, удивленная и испуганная, продолжала укладываться; она хватала свои вещи, мяла ихъ и безпорядочно совала въ чемоданъ и корзину. Теперь, послѣ откровеннаго признанія, сдѣланнаго Николаемъ Сергѣичемъ, она не могла оставаться ни одной минуты и уже не понимала, какъ она могла жить раньше въ этомъ домѣ.

— И удивляться нечего... — продолжалъ Николай Сергѣичъ, помолчавъ немного. — Обыкновенная исторія! Мнѣ деньги нужны, а она... не даетъ. Вѣдь этотъ домъ и все это мой отецъ наживалъ, Марья Андреевна! Все вѣдь это мое, и брошка принадлежала моей матери и... все мое! А

она забрала, завладѣла всѣмъ... Не судиться же мнѣ съ ней, согласитесь... Прошу васъ, убѣдительно, извините и... и останьтесь. Tout comprendre, tout pardoner. Остаетесь?

— Нѣтъ!—сказала Машенька рѣшительно, начиная дрожать.—Оставьте меня, умоляю васъ.

— Ну, Богъ съ вами, — вздохнулъ Николай Сергѣичъ, садясь на скамеечку около чемодана.—Я, признаться, люблю тѣхъ, кто еще умѣетъ оскорбляться, презирать и прочее. Вѣкъ бы сидѣлъ и на ваше негодующее лицо глядѣлъ... Такъ, стало-быть, не остаетесь? Я понимаю... Иначе и быть не должно... Да, конечно... Вамъ-то хорошо, а вотъ мнѣ такъ—тпррр!.. Ни на шагъ изъ этого погреба. Поѣхать бы въ какое-нибудь наше имѣніе, да тамъ вездѣ сидятъ эти женины прохвосты... управляющіе, агрономы, чортъ бы ихъ взялъ. Закладываютъ, перезакладываютъ... Рыбы не ловить, травы не топтать, деревьевъ не ломать.

— Николай Сергѣичъ! — послышался изъ залы голосъ Федосьи Васильевны.—Агнія, позови барина!

— Такъ не остаетесь? — спросилъ Николай Сергѣичъ, быстро поднимаясь и идя къ двери.—А то бы остались, ей Богу. Вечеркомъ я заходилъ бы къ вамъ... толковали бы. А? Останьтесь! Уйдете вы и во всемъ домѣ не останется ни одного человѣческаго лица. Вѣдь это ужасно!

Блѣдное, испитое лицо Николая Сергѣича умоляло, но Машенька отрицательно покачала головой, и онъ, махнувъ рукой, вышелъ.

Черезъ полчаса она была уже въ дорогѣ.

ШУТОЧКА.

Ясный, зимній полдень... Морозъ крѣпокъ, трещитъ, и у Наденьки, которая держитъ меня подъ руку, покрываются серебристымъ инеемъ кудри на вискахъ и пушокъ надъ верхней губой. Мы стоимъ на высокой горѣ. Отъ нашихъ ногъ до самой земли тянется покатая плоскость, въ которую солнце глядится какъ въ зеркало. Возлѣ насъ маленькія санки, обитыя ярко-краснымъ сукномъ.

— Съѣдемте внизъ, Надежда Петровна! — умоляю я. — Одинъ только разъ! Увѣряю васъ, мы останемся цѣлы и невредимы.

Но Наденька боится. Все пространство отъ ея маленькихъ калошъ до конца ледяной горы, кажется ей страшной, неизмѣримо глубокой пропастью. У нея замираетъ духъ и прерывается дыханіе, когда она глядитъ внизъ, когда я только предлагаю сѣсть въ санки, но что же будетъ, если она рискнетъ полетѣть въ пропасть! Она умретъ, сойдетъ съ ума.

— Умоляю васъ!—говорю я.—Не надо бояться! Поймите же, это малодушіе, трусость!

Наденька наконецъ уступаетъ, и я по лицу вижу, что она уступаетъ съ опасностью для жизни. Я сажаю ее блѣд-

ную, дрожащую въ санки, обхватываю рукой и вмѣстѣ съ нею низвергаюсь въ бездну.

Санки летятъ, какъ пуля. Разсѣкаемый воздухъ бьетъ въ лицо, реветъ, свиститъ въ ушахъ, рвэтъ, больно щиплетъ отъ злости, хочетъ сорвать съ плечъ голову. Отъ напора вѣтра нѣтъ силъ дышать. Кажется, самъ дьяволъ обхватилъ насъ лапами и съ ревомъ тащитъ въ адъ. Окружающіе предметы сливаются въ одну длинную, стремительно бѣгущую полосу... Вотъ-вотъ еще мгновеніе и кажется,—мы погибнемъ!

— Я люблю васъ, Надя!—говорю я вполголоса.

Санки начинаютъ бѣжать все тише и тише, ревъ вѣтра и жужжанье полозьевъ не такъ уже страшны, дыханіе перестаетъ замирать, и мы, наконецъ, внизу. Наденька ни жива, ни мертва. Она блѣдна, едва дышитъ... Я помогаю ей подняться.

— Ни за что въ другой разъ не поѣду,—говоритъ она, глядя на меня широкими, полными ужаса глазами.—Ни за что на свѣтѣ! Я едва не умерла!

Немного погодя, она приходитъ въ себя и уже вопросительно заглядываетъ мнѣ въ глаза: я ли сказалъ тѣ четыре слова, или же они только послышались ей въ шумѣ вихря? А я стою возлѣ нея, курю и внимательно разсматриваю свою перчатку.

Она беретъ меня подъ руку, и мы долго гуляемъ около горы. Загадка, видимо, не даетъ ей покою. Были сказаны тѣ слова, или нѣтъ? Да, или нѣтъ? Да, или нѣтъ? Это вопросъ самолюбія, чести, жизни, счастья, вопросъ очень важный, самый важный на свѣтѣ. Наденька нетерпѣливо, грустно, проникающимъ взоромъ заглядываетъ мнѣ въ лицо, отвѣчаетъ невпопадъ, ждетъ, не заговорю ли я. О, какая игра на этомъ миломъ лицѣ, какая игра! Я вижу, она борется съ собой, ей нужно что-то сказать, о чемъ-то спро-

сить, но она не находитъ словъ, ей неловко, страшно, мѣшаетъ радость...

— Знаете что?—говоритъ она, не глядя на меня.

— Что?—спрашиваю я.

— Давайте еще разъ... прокатимъ.

Мы взбираемся по лѣстницѣ на гору. Опять я сажаю блѣдную, дрожащую Наденьку въ санки, опять мы летимъ въ страшную пропасть, опять реветъ вѣтеръ и жужжатъ полозья и опять при самомъ сильномъ и шумномъ разлетѣ санокъ я говорю вполголоса:

— Я люблю васъ, Наденька!

Когда санки останавливаются, Наденька окидываетъ взглядомъ гору, по которой мы только что катили, потомъ долго всматривается въ мое лицо, вслушивается въ мой голосъ, равнодушный и безстрастный, и вся, вся, даже муфта и башлыкъ ея, вся ея фигурка выражаютъ крайнее недоумѣніе. И на лицѣ у нея написано:

— Въ чемъ же дѣло? Кто произнесъ *тѣ* слова? Онъ или мнѣ только послышалось?

Эта неизвѣстность безпокоитъ ее, выводитъ изъ терпѣнія. Бѣдная дѣвочка не отвѣчаетъ на вопросы, хмурится, готова заплакать.

— Не пойти ли намъ домой?—спрашиваю я.

— А мнѣ... мнѣ нравится это катанье, — говоритъ она, краснѣя.—Не проѣхаться ли намъ еще разъ?

Ей «нравится» это катанье, а между тѣмъ, садясь въ санки, она, какъ и въ тѣ разы, блѣдна, еле дышитъ отъ страха, дрожитъ.

Мы спускаемся въ третій разъ, и я вижу, какъ она смотритъ мнѣ въ лицо, слѣдитъ за моими губами. Но я прикладываю къ губамъ платокъ, кашляю и, когда достигаемъ середины горы, успѣваю вымолвить:

— Я люблю васъ, Надя!

И загадка остается загадкой! Наденька молчитъ, о чемъ-то думаетъ... Я провожаю ее съ катка домой, она старается идти тише, замедляетъ шаги и все ждетъ, не скажу ли я ей тѣхъ словъ. И я вижу, какъ страдаетъ ея душа, какъ она дѣлаетъ усилія надъ собой, чтобы не сказать:

— Не можетъ же быть, чтобъ ихъ говорилъ вѣтеръ! И я не хочу, чтобы это говорилъ вѣтеръ!

На другой день утромъ я получаю записочку: «Если пойдете сегодня на катокъ, то заходите за мной. Н.» И съ этого дня я съ Наденькой начинаю каждый день ходить на катокъ, и слетая внизъ на санкахъ, я всякій разъ произношу вполголоса одни и тѣ же слова:

— Я люблю васъ, Надя!

Скоро Наденька привыкаетъ къ этой фразѣ, какъ къ вину или морфію. Она жить безъ нея не можетъ. Правда, летѣть съ горы попрежнему страшно, но теперь уже страхъ и опасность придаютъ особое очарованіе словамъ о любви, словамъ, которыя попрежнему составляютъ загадку и томятъ душу. Подозрѣваются все тѣ же двое: я и вѣтеръ... Кто изъ двухъ признается ей въ любви, она не знаетъ, но ей, повидимому, уже все равно; изъ какого сосуда пить—все равно, лишь бы быть пьянымъ.

Какъ-то въ полдень я отправился на катокъ одинъ; смѣшавшись съ толпой, я вижу, какъ къ горѣ подходитъ Наденька, какъ ищетъ глазами меня... Затѣмъ она робко идетъ вверхъ по лѣсенкѣ... Страшно ѣхать одной, о, какъ страшно! Она блѣдна, какъ снѣгъ, дрожитъ, она идетъ точно на казнь, но идетъ, идетъ безъ оглядки, рѣшительно. Она, очевидно, рѣшила наконецъ попробовать: будутъ ли слышны тѣ изумительныя сладкія слова, когда меня нѣтъ? Я вижу, какъ она, блѣдная, съ раскрытымъ отъ ужаса ртомъ, садится въ санки, закрываетъ глаза и, простившись навѣки съ землей, трогается съ мѣста... «Жжжж»... жужжатъ полозья. Слы-

шитъ ли Наденька тѣ слова, я не знаю... Я вижу только, какъ она поднимается изъ саней изнеможенная, слабая. И видно по ея лицу, она и сама не знаетъ, слышала она что-нибудь или нѣтъ. Страхъ, пока она катила внизъ, отнялъ у нея способность слышать, различать звуки, понимать...

Но вотъ наступаетъ весенній мѣсяцъ мартъ... Солнце становится ласковѣе. Наша ледяная гора темнѣетъ, теряетъ свой блескъ и таетъ наконецъ. Мы перестаемъ кататься. Бѣдной Наденькѣ больше ужъ негдѣ слышать тѣхъ словъ, да и некому произносить ихъ, такъ какъ вѣтра не слышно, а я собираюсь въ Петербургъ—надолго, должно-быть, навсегда.

Какъ-то передъ отъѣздомъ, дня за два, въ сумерки сижу я въ садикѣ, а отъ двора, въ которомъ живетъ Наденька, садикъ этотъ отдѣленъ высокимъ заборомъ съ гвоздями... Еще достаточно холодно, подъ навозомъ еще снѣгъ, деревья мертвы, но уже пахнетъ весной и, укладываясь на ночлегъ, шумно кричатъ грачи. Я подхожу къ забору и долго смотрю въ щель. Я вижу, какъ Наденька выходитъ на крылечко и устремляетъ печальный, тоскующій взоръ на небо... Весенній вѣтеръ дуетъ ей прямо въ блѣдное, унылое лицо... Онъ напоминаетъ ей о томъ вѣтрѣ, который ревѣлъ намъ тогда на горѣ, когда она слышала тѣ четыре слова, и лицо у нея становится грустнымъ, грустнымъ, по щекѣ ползетъ слеза... И бѣдная дѣвочка протягиваетъ обѣ руки, какъ бы прося этотъ вѣтеръ принести ей еще разъ тѣ слова. И я, дождавшись вѣтра, говорю вполголоса:

— Я люблю васъ, Надя!

Боже мой, что дѣлается съ Наденькой! Она вскрикиваетъ, улыбается во все лицо и протягиваетъ навстрѣчу вѣтру руки, радостная, счастливая, такая красивая.

А я иду укладываться...

Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужемъ;

ее выдали, или она сама вышла—это все равно, за секретаря дворянской опеки, и теперь у нея уже трое дѣтей. То, какъ мы вмѣстѣ когда-то ходили на катокъ и какъ вѣтеръ доносилъ до нея слова «я васъ люблю, Наденька», не забыто; для нея теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминаніе въ жизни...

А мнѣ теперь, когда я сталъ старше, уже не понятно, зачѣмъ я говорилъ тѣ слова, для чего шутилъ...

ПИСАТЕЛЬ.

Въ комнатѣ, прилегающей къ чайному магазину купца Ершакова, за высокой конторкой сидѣлъ самъ Ершаковъ, человѣкъ молодой, по модѣ одѣтый, но помятый и видимо пожившій на своемъ вѣку бурно. Судя по его размашистому почерку съ завитушками, капулю и тонкому сигарному запаху, онъ былъ не чуждъ европейской цивилизаціи. Но отъ него еще больше повѣяло культурой, когда изъ магазина вошелъ мальчикъ и доложилъ:

— Писатель пришелъ!

— А!.. Зови его сюда. Да скажи ему, чтобъ калоши свои въ магазинѣ оставилъ.

Черезъ минуту въ комнатку тихо вошелъ сѣдой, плѣшивый старикъ въ рыжемъ, потертомъ пальто, съ краснымъ, помороженнымъ лицомъ и съ выраженіемъ слабости и неувѣренности, какое обыкновенно бываетъ у людей, хотя и мало, но постоянно пьющихъ.

— А, мое почтеніе... сказалъ Ершаковъ, не оглядываясь на вошедшаго.—Что хорошенькаго, господинъ Гейнимъ?

Ершаковъ смѣшивалъ слова «геній» и «Гейне», и они сливались у него въ одно — «Гейнимъ». какъ онъ и называлъ всегда старика.

— Да вотъ-съ, заказикъ принесъ,—отвѣтилъ Гейнимъ.— Уже готово-съ...

— Такъ скоро?

— Въ три дня, Захаръ Семенычъ, не то что рекламу, романъ сочинить можно. Для рекламы и часа довольно.

— Только-то? А торгуешься всегда, словно годовую работу берешь. Ну, показывайте, что вы сочинили?

Гейнимъ вынулъ изъ кармана нѣсколько помятыхъ, исписанныхъ карандашомъ бумажекъ и подошелъ къ конторкѣ.

— У меня еще вчернѣ-съ, въ общихъ чертахъ-съ...— сказалъ онъ.—Я вамъ прочту-съ, а вы вникайте и указывайте въ случаѣ, ежели ошибку найдете. Ошибиться не мудрено, Захаръ Семенычъ... Вѣрите ли? Тремъ магазинамъ сразу рекламу сочинялъ... Это и у Шекспира бы голова закружилась.

Гейнимъ надѣлъ очки, поднялъ брови и началъ читать печальнымъ голосомъ и точно декламируя:

— «Сезонъ 1885—86 г. Поставщикъ китайскихъ чаевъ во всѣ города Европейской и Азіатской Россіи и за границу, З. С. Ершаковъ. Фирма существуетъ съ 1804 года». Все это вступленіе, понимаете, будетъ въ орнаментахъ, между гербами. Я одному купцу рекламу сочинялъ, такъ тотъ взялъ для объявленія гербы разныхъ городовъ. Такъ и вы можете сдѣлать, и я для васъ придумалъ такой орнаментъ, Захаръ Семенычъ: левъ, а у него въ зубахъ лира. Теперь дальше: «Два слова къ нашимъ покупателямъ. Милостивые государи! Ни политическія событія послѣдняго времени, ни холодный индифферентизмъ, все болѣе и болѣе проникающій во всѣ слои нашего общества, ни обмелѣніе Волги, на которое еще такъ недавно указывала лучшая часть нашей прессы—ничто не смущаетъ насъ. Долголѣтнее существованіе нашей фирмы и симпатіи, которыми мы успѣли заручиться, даютъ намъ возможность прочно держаться почвы и не измѣнять разъ навсегда заведенной системѣ, какъ въ сношеніяхъ нашихъ

съ владѣльцами чайныхъ плантацій, такъ равно и въ добросовѣстномъ исполненіи заказовъ. Нашъ девизъ достаточно извѣстенъ. Выражается онъ въ немногихъ, но многозначительныхъ словахъ: добросовѣстность, дешевизна и скорость!!»

— Хорошо! Очень хорошо! — перебилъ Ершаковъ, двигаясь на стулѣ.—Даже не ожидалъ, что такъ сочините. Ловко! Только вотъ что, милый другъ... нужно тутъ какъ-нибудь тѣнь навести, затуманить, какъ-нибудь этакъ, знаешь, фокусъ устроить... Публикуемъ мы тутъ, что фирма только что получила партію свѣжихъ первосборныхъ весеннихъ чаевъ сезона 1885 года... Такъ? А нужно кромѣ того показать, что эти только что полученные чаи лежатъ у насъ въ складѣ уже три года, но тѣмъ не менѣе будто изъ Китая мы ихъ получили только на прошлой недѣлѣ.

— Понимаю-съ... Публика и не замѣтитъ противорѣчія. Въ началѣ объявленія мы напишемъ, что чаи только что получены, а въ концѣ мы такъ скажемъ: «Имѣя большой запасъ чая съ оплатой прежней пошлины, мы безъ ущерба собственнымъ интересамъ можемъ продавать ихъ по прейсъ-куранту прошлыхъ лѣтъ... и т. д.» Ну-съ, на другой страницѣ будетъ прейсъ-курантъ. Тутъ опять пойдутъ гербы и орнаменты... Подъ ними крупнымъ шрифтомъ: «Прейсъ-курантъ отборнымъ ароматическимъ, фучанскимъ, кяхтинскимъ и байховымъ чаямъ перваго весенняго сбора, полученнымъ изъ вновь пріобрѣтенныхъ плантацій»... Дальше-съ: «Обращаемъ вниманіе истинныхъ любителей на лянсинные чаи, изъ коихъ самою большою и заслуженною любовью пользуется «Китайская эмблема, или зависть конкурентовъ» 3 р. 50 к.. Изъ розанистыхъ чаевъ мы особенно рекомендуемъ «Богдыханская Роза» 2 р. и «Глаза Китаянки», 1 р. 80 к. За цѣнами пойдетъ петитомъ о развѣскѣ и пересылкѣ чая. Тутъ же о скидкѣ и насчетъ премій: «Большинство нашихъ конкурентовъ, желая

завлечь къ себѣ покупателей, закидываетъ удочку въ видѣ премій. Мы съ своей стороны протестуемъ противъ этого возмутительнаго пріема и предлагаемъ нашимъ покупателямъ не въ видѣ преміи, а безплатно всѣ приманки, какими угощаютъ конкуренты своихъ жертвъ. Всякій купившій у насъ не менѣе чѣмъ на 50 р., выбираетъ и получаетъ безплатно одну изъ слѣдующихъ пяти вещей: чайникъ изъ британскаго металла, сто визитныхъ карточекъ, планъ города Москвы, чайницу въ видѣ нагой китаянки и книгу «Женихъ удивленъ, или невѣста подъ корытомъ», разсказъ Игриваго Весельчака.»

Кончивъ чтеніе и сдѣлавъ кое-какія поправки, Гейнимъ быстро переписалъ рекламу на-чисто и вручилъ ее Ершакову. Послѣ этого наступило молчаніе... Оба почувствовали себя неловко, какъ-будто совершили какую-то пакость.

— Деньги за работу сейчасъ прикажете получить, или послѣ?—спросилъ Гейнимъ нерѣшительно.

— Когда хотите, хоть сейчасъ... — небрежно отвѣтилъ Ершаковъ. — Ступай въ магазинъ и бери чего хочешь на пять съ полтиной.

— Мнѣ бы деньгами, Захаръ Семенычъ.

— У меня нѣтъ моды деньгами платить. Всѣмъ плачу чаемъ да сахаромъ: и вамъ, и пѣвчимъ, гдѣ я старостой, и дворникамъ. Меньше пьянства.

— Развѣ, Захаръ Семенычъ, мою работу можно равнять съ дворниками, да съ пѣвчими? У меня умственный трудъ.

— Какой трудъ! Сѣлъ, написалъ и все тутъ. Писанья не съѣшь, не выпьешь... плевое дѣло! И рубля не стоитъ.

— Гм... Какъ вы насчетъ писанья разсуждаете... — обидѣлся Гейнимъ. — Не съѣшь, не выпьешь. Того не понимаете, что я, можетъ, когда сочинялъ эту рекламу, душой страдалъ. Пишешь и чувствуешь, что всю Россію въ обманъ вводишь. Дайте денегъ, Захаръ Семенычъ!

— Надоѣлъ, братъ. Не хорошо такъ приставать.

— Ну, ладно. Такъ я сахарнымъ пескомъ возьму. Ваши же молодцы у меня его назадъ возьмутъ по восьми копѣекъ за фунтъ. Потеряю на этой операціи копѣекъ сорокъ, ну, да что дѣлать! Будьте здоровы-съ!

Гейнимъ повернулся, чтобы выйти, но остановился въ дверяхъ, вздохнулъ и сказалъ мрачно:

— Россію обманываю! Всю Россію! Отечество обманываю изъ-за куска хлѣба! Эхъ!

И вышелъ. Ершаковъ закурилъ гаванку, и въ его комнатѣ еще сильнѣе запахло культурнымъ человѣкомъ.

НА СТРАСТНОЙ НЕДѢЛѢ.

— Иди, уже звонятъ. Да смотри, не шали въ церкви, а то Богъ накажетъ.

Мать суетъ мнѣ на расходы нѣсколько мѣдныхъ монетъ и тотчасъ же, забывъ про меня, бѣжитъ съ остывшимъ утюгомъ въ кухню. Я отлично знаю, что послѣ исповѣди мнѣ не дадутъ ни ѣсть, ни пить, а потому, прежде чѣмъ выйти изъ дому, насильно съѣдаю краюху бѣлаго хлѣба, выпиваю два стакана воды. На улицѣ совсѣмъ весна. Мостовыя покрыты бурымъ мѣсивомъ, на которомъ уже начинаютъ обозначаться будущія тропинки; крыши и тротуары сухи; подъ заборами сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нѣжная, молодая зелень. Въ канавахъ, весело журча и пѣнясь, бѣжитъ грязная вода, въ которой не брезгаютъ купаться солнечные лучи. Щепочки, соломинки, скорлупа подсолнуховъ быстро несутся по водѣ, кружатся и цѣпляются за грязную пѣну. Куда, куда плывутъ эти щепочки? Очень возможно, что изъ канавы попадутъ онѣ въ рѣку, изъ рѣки въ море, изъ моря въ океанъ... Я хочу вообразить себѣ этотъ длинный, страшный путь, но моя фантазія обрывается, не дойдя до моря.

Проѣзжаетъ извозчикъ. Онъ чмокаетъ, дергаетъ вожжи и не видитъ, что на задкѣ его пролетки повисли два уличныхъ мальчика. Я хочу присоединиться къ нимъ, но вспоминаю про исповѣдь, и мальчишки начинаютъ казаться мнѣ величайшими грѣшниками.

«На страшномъ судѣ ихъ спросятъ: зачѣмъ вы шалили и обманывали бѣднаго извозчика?—думаю я.—Они начнутъ оправдываться, но нечистые духи схватятъ ихъ и потащатъ въ огонь вѣчный. Но если они будутъ слушаться родителей и подавать нищимъ по копейкѣ, или по бублику, то Богъ сжалится надъ ними и пуститъ ихъ въ рай».

Церковная паперть суха и залита солнечнымъ свѣтомъ. На ней ни души. Нерѣшительно я открываю дверь и вхожу въ церковь. Тутъ въ сумеркахъ, которые кажутся мнѣ густыми и мрачными, какъ никогда, мною овладѣваетъ сознаніе грѣховности и ничтожества. Прежде всего бросаются въ глаза большое распятіе и по сторонамъ его Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ. Паникадила и ставники одѣты въ черные, траурные чехлы, лампадки мерцаютъ тускло и робко, а солнце какъ-будто умышленно минуетъ церковныя окна. Богородица и любимый ученикъ Іисуса Христа, изображенные въ профиль, молча глядятъ на невыносимыя страданія и не замѣчаютъ моего присутствія; я чувствую, что для Нихъ я чужой, лишній, незамѣтный, что не могу помочь Имъ ни словомъ, ни дѣломъ, что я отвратительный, безчестный мальчишка, способный только на шалости, грубости и ябедничество. Я вспоминаю всѣхъ людей, какихъ только я знаю, и всѣ они представляются мнѣ мелкими, глупыми, злыми и неспособными хотя бы на одну каплю уменьшить то страшное горе, которое я теперь вижу; церковныя сумерки дѣлаются гуще и мрачнѣе, и Божія Матерь съ Іоанномъ Богословомъ кажутся мнѣ одинокими.

За свѣчнымъ шкапомъ стоитъ Прокофій Игнатьичъ, старый отставной солдатъ, помощникъ церковнаго старосты.

Поднявъ брови и поглаживая бороду, онъ объясняетъ полушопотомъ какой-то старухѣ:

— Утреня будетъ сегодня съ вечера, сейчасъ же послѣ вечерни. А завтра къ часамъ ударятъ въ восьмомъ часу. Поняла? Въ восьмомъ.

А между двухъ широкихъ колоннъ направо, тамъ, гдѣ начинается придѣлъ Варвары Великомученицы, возлѣ ширмы, ожидая очереди, стоятъ исповѣдники... Тутъ же и Митька, оборванный, некрасиво остриженный мальчикъ съ оттопыренными ушами и маленькими, очень злыми глазами. Это сынъ вдовы поденщицы Настасьи, забіяка, разбойникъ, хватающій съ лотковъ у торговокъ яблоки и не разъ отнимавшій у меня бабки. Онъ сердито оглядываетъ меня и, мнѣ кажется, злорадствуетъ, что не я, а онъ первый пойдетъ за ширму. Во мнѣ закипаетъ злоба, я стараюсь не глядѣть на него и въ глубинѣ души досадую на то, что этому мальчишкѣ простятся сейчасъ грѣхи.

Впереди него стоитъ роскошно одѣтая, красивая дама въ шляпкѣ съ бѣлымъ перомъ. Она замѣтно волнуется, напряженно ждетъ, и одна щека у нея отъ волненія лихорадочно зарумянилась.

Жду я пять минутъ, десять... Изъ-за ширмъ выходитъ прилично одѣтый молодой человѣкъ съ длинной, тощей шеей и въ высокихъ резиновыхъ калошахъ; начинаю мечтать о томъ, какъ я вырасту большой, и какъ куплю себѣ такія же калоши, непремѣнно куплю! Дама вздрагиваетъ и идетъ за ширмы. Ея очередь.

Въ щелку между двумя половинками ширмы видно, какъ дама подходитъ къ аналою и дѣлаетъ земной поклонъ, затѣмъ поднимается и, не глядя на священника, въ ожиданіи поникаетъ головой. Священникъ стоитъ спиной къ ширмамъ, а потому я вижу только его сѣдые, кудрявые волосы, цѣпочку отъ наперснаго креста и широкую спину. А лица не видно. Вздохнувъ и не глядя на даму, онъ начинаетъ го-

ворить быстро, покачивая головой, то возвышая, то понижая свой шопотъ. Дама слушаетъ покорно, какъ виноватая, коротко отвѣчаетъ и глядитъ въ землю.

«Чѣмъ она грѣшна?—думаю я, благоговѣйно посматривая на ея кроткое, красивое лицо. — Боже, прости ей грѣхи! Пошли ей счастье!»

Но вотъ священникъ покрываетъ ея голову эпитрахилью.

— И азъ недостойный іерей...—слышится его голосъ...— властію Его мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ...

Дама дѣлаетъ земной поклонъ, цѣлуетъ крестъ и идетъ назадъ. Уже обѣ щеки ея румяны, но лицо спокойно, ясно, весело.

«Она теперь счастлива, — думаю я, глядя то на нее, то на священника, простившаго ей грѣхи.—Но какъ долженъ быть счастливъ человѣкъ, которому дано право прощать».

Теперь очередь Митьки, но во мнѣ вдругъ вскипаетъ чувство ненависти къ этому разбойнику, я хочу пройти за ширму раньше его, я хочу быть первымъ... Замѣтивъ мое движеніе, онъ бьетъ меня свѣчой по головѣ, я отвѣчаю ему тѣмъ же, и полминуты слышится пыхтѣнье и такіе звуки, какъ-будто кто-то ломаетъ свѣчи... Насъ разнимаютъ. Мой врагъ робко подходитъ къ аналою, не сгибая колѣнъ, кланяется въ землю, но, что дальше, я не вижу; отъ мысли, что сейчасъ послѣ Митьки будетъ моя очередь, въ глазахъ у меня начинаютъ мѣшаться и расплываться предметы; оттопыренныя уши Митьки растутъ и сливаются съ темнымъ затылкомъ, священникъ колеблется, полъ кажется волнистымъ...

Раздается голосъ священника:

— И азъ недостойный іерей...

Теперь ужъ и я двигаюсь за ширмы. Подъ ногами ничего не чувствую, точно иду по воздуху... Подхожу къ аналою, который выше меня. На мгновеніе у меня въ глазахъ

мелькаетъ равнодушное, утомленное лицо священника, но дальше я вижу только его рукавъ съ голубой подкладкой, крестъ и край аналоя. Я чувствую близкое сосѣдство священника, запахъ его рясы, слышу строгій голосъ, и моя щека, обращенная къ нему, начинаетъ горѣть... Многаго отъ волненія я не слышу, но на вопросы отвѣчаю искренно, не своимъ, какимъ-то страннымъ голосомъ, вспоминаю одинокихъ Богородицу и Іоанна Богослова, распятіе, свою мать, и мнѣ хочется плакать, просить прощенія.

— Тебя какъ зовутъ?—спрашиваетъ священникъ, покрывая мою голову мягкою эпитрахилью.

Какъ теперь легко, какъ радостно на душѣ!

Грѣховъ уже нѣтъ, я святъ, я имѣю право идти въ рай! Мнѣ кажется, что отъ меня уже пахнетъ такъ же, какъ отъ рясы, я иду изъ-за ширмъ къ дьякону записываться и нюхаю свои рукава. Церковныя сумерки уже не кажутся мнѣ мрачными и на Митьку я гляжу равнодушно, безъ злобы.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ дьяконъ.

— Ѳедя.

— А по отчеству?

— Не знаю.

— Какъ зовутъ твоего папашу?

— Иванъ Петровичъ.

— Фамилія?

Я молчу.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Девятый годъ.

Прійдя домой, я, чтобы не видѣть, какъ ужинаютъ, поскорѣе ложусь въ постель и, закрывши глаза, мечтаю о томъ, какъ хорошо было бы претерпѣть мученія отъ какого-нибудь Ирода или Діоскора, жить въ пустынѣ и, подобно старцу Серафиму кормить медвѣдей, жить въ келіи и питаться одной просфорой, раздать имущество бѣднымъ, идти въ Кіевъ. Мнѣ слышно, какъ въ столовой накрываютъ на столъ—это

собираются ужинать; будутъ ѣсть винигретъ, пирожки съ капустой и жаренаго судака. Какъ мнѣ хочется ѣсть! Я согласенъ терпѣть всякія мученія, жить въ пустынѣ безъ матери, кормить медвѣдей изъ собственныхъ рукъ, но только сначала съѣсть бы хоть одинъ пирожокъ съ капустой!

— Боже очисти меня грѣшнаго, — молюсь я, укрываясь съ головой. — Ангелъ хранитель, защити меня отъ нечистаго духа.

На другой день, въ четвергъ я просыпаюсь съ душой ясной и чистой, какъ хорошій весенній день. Въ церковь я иду весело, смѣло, чувствуя, что я причастникъ, что на мнѣ роскошная и дорогая рубаха, сшитая изъ шелковаго платья, оставшагося послѣ бабушки. Въ церкви все дышитъ радостью, счастьемъ и весной; лица Богородицы и Іоанна Богослова не такъ печальны, какъ вчера, лица причастниковъ озарены надеждой и, кажется, все прошлое предано забвенію, все прощено. Митька тоже причесанъ и одѣтъ по-праздничному. Я весело гляжу на его оттопыренныя уши и, чтобы показать, что я противъ него ничего не имѣю, говорю ему:

— Ты сегодня красивый и, если бы у тебя не торчали такъ волосы, и если бъ ты не былъ такъ бѣдно одѣтъ, то всѣ бы подумали, что твоя мать не прачка, а благородная. Приходи ко мнѣ на Пасху, будемъ въ бабки играть.

Митька недовѣрчиво глядитъ на меня и грозитъ мнѣ подъ полой кулакомъ.

А вчерашняя дама кажется мнѣ прекрасной. На ней свѣтло-голубое платье и большая, сверкающая брошь въ видѣ подковы. Я любуюсь ею и думаю, что когда я вырасту большой, то непремѣнно женюсь на такой женщинѣ, но вспомнивъ, что жениться—стыдно, я перестаю объ этомъ думать и иду на клиросъ, гдѣ дьячокъ уже читаетъ часы.

PERPETUUM MOBILE.

Судебный слѣдователь Гришуткинъ, старикъ, начавшій службу еще въ дореформенное время, и докторъ Свистицкій, меланхолическій господинъ, ѣхали на вскрытіе. Ѣхали они осенью по проселочной дорогѣ. Темнота была страшная, лилъ неистовый дождь.

— Вѣдь этакая подлость,—ворчалъ слѣдователь.—Не то что цивилизаціи и гуманности, даже климата порядочнаго нѣтъ. Страна, нечего сказать! Европа тоже, подумаешь... Дождь-то, дождь! Словно нанялся, подлецъ! Да вези ты, анаѳема, поскорѣй, если не хочешь, чтобы я тебѣ, подлецу этакому, негодяю, всѣ зубы выбилъ!—крикнулъ онъ работнику, сидѣвшему на козлахъ.

— Страшно, Агей Алексѣичъ! — говорилъ докторъ, вздыхая и кутаясь въ мокрую шубу.—Я даже не замѣчаю этой погоды. Меня гнететъ какое-то странное, тяжелое предчувствіе. Вотъ-вотъ, кажется мнѣ, стрясется надо мной какое-то несчастіе. А я вѣрю въ предчувствія и... жду. Все можетъ случиться. Трупное зараженіе... смерть любимаго существа...

— Хоть при Мишкѣ-то постыдитесь говорить о предчувствіяхъ, баба вы этакая. Хуже того, что есть, не можетъ быть. Этакій дождь—чего хуже? Знаете что, Тимоѳей Васильичъ? Я болѣе не въ состояніи такъ ѣхать. Хоть

убейте, а не могу. Нужно остановиться гдѣ-нибудь переночевать... Кто тутъ близко живетъ?

— Яванъ Яванычъ Ежовъ,—сказалъ Мишка.—Сейчасъ за лѣсомъ, только мостикъ переѣхать.

— Ежовъ? Валяй къ Ежову! Кстати, давно ужъ не былъ у этого стараго грѣшника.

Проѣхали лѣсъ и мостикъ, повернули налѣво, потомъ направо и въѣхали въ большой дворъ предсѣдателя мирового съѣзда, отставного генералъ-маіора Ежова.

— Дома!—сказалъ Гришуткинъ, вылѣзая изъ тарантаса и глядя на окна дома, которыя свѣтились. — Это хорошо, что дома. И напьемся, и наѣдимся, и выспимся... Хоть и дрянной человѣчишка, но гостепріименъ, надо отдать справедливость.

Въ передней встрѣтилъ ихъ самъ Ежовъ, маленькій, сморщенный старикъ съ лицомъ, собравшимся въ колючій комокъ.

— Очень кстати, очень кстати, господа... — заговорилъ онъ. — А мы только-что сѣли ужинать и буженину ѣдимъ, тридцать три моментально. А у меня, знаете, товарищъ прокурора сидитъ. Спасибо ему, ангелу, заѣхалъ за мной. Завтра съ нимъ на съѣздъ ѣхать. У насъ завтра съѣздъ... тридцать три моментально...

Гришуткинъ и Свистицкій вошли въ залъ. Тамъ стоялъ большой столъ, уставленный закусками и винами. За однимъ приборомъ сидѣла дочь хозяина Надежда Ивановна, молодая брюнетка, въ глубокомъ траурѣ по недавно умершемъ мужѣ; за другимъ, рядомъ съ ней, товарищъ прокурора Тюльпанскій, молодой человѣкъ съ бачками и множествомъ синихъ жилокъ на лицѣ.

— Знакомы? — говорилъ Ежовъ, тыча во всѣхъ пальцами.—Это вотъ прокуроръ, это—дочь моя...

Брюнетка улыбнулась и, прищуривъ глаза, подала новоприбывшимъ руку.

— И такъ... съ дорожки, господа! — сказалъ Ежовъ, наливая три рюмки.—Дерзайте, людіе Божіи! И я выпью за компанію, тридцать три моментально. Ну-съ, будемте здоровы...

Выпили. Гришуткинъ закусилъ огурчикомъ и принялся за буженину. Докторъ выпилъ и вздохнулъ. Тюльпанскій закурилъ сигару, попросивъ предварительно у дамы позволенія, причемъ оскалилъ зубы такъ, что показалось, будто у него во рту по крайней мѣрѣ сто зубовъ.

— Ну, что жъ, господа? Рюмки-то, вѣдь, не ждутъ! А? Прокуроръ! Докторъ! За медицину! Люблю медицину. Вообще люблю молодежь, тридцать три моментально. Что бы тамъ ни говорили, а молодежь всегда будетъ идти впереди. Ну-съ, будемте здоровы.

Разговорились. Говорили всѣ, кромѣ прокурора Тюльпанскаго, который сидѣлъ, молчалъ и пускалъ черезъ ноздри табачный дымъ. Было очевидно, что онъ считалъ себя аристократомъ, и презиралъ доктора и слѣдователя. Послѣ ужина Ежовъ, Гришуткинъ и товарищъ прокурора сѣли играть въ винтъ съ болваномъ. Докторъ и Надежда Ивановна сѣли около рояля и разговорились.

— Вы на вскрытіе ѣдете? — начала хорошенькая вдовушка.—Вскрывать мертвеца? Ахъ! Какую надо имѣть силу воли, какой желѣзный характеръ, чтобы не морщась, не мигнувъ глазомъ, заносить ножъ и вонзать его по рукоятку въ тѣло бездыханнаго человѣка. Я, знаете ли, благоговѣю передъ докторами. Это особенные люди, святые люди. Докторъ, отчего вы такъ печальны?—спросила она.

— Предчувствіе какое-то... Меня гнететъ какое-то странное, тяжелое предчувствіе. Точно ждетъ меня потеря любимаго существа.

— А вы, докторъ, женаты? У васъ есть близкіе?

— Ни души. Я одинокъ и не имѣю даже знакомыхъ. Скажите, сударыня, вы вѣрите въ предчувствія?

— О, я вѣрю въ предчувствія.

И въ то время, какъ докторъ и вдовушка толковали о предчувствіяхъ, Ежовъ и слѣдователь Гришуткинъ, то и дѣло вставали изъ-за картъ и подходили къ столу съ закуской. Въ два часа ночи проигравшійся Ежовъ вдругъ вспомнилъ о завтрашнемъ съѣздѣ и хлопнулъ себя по лбу.

— Батюшки! Что же мы дѣлаемъ?! Ахъ, мы беззаконники, беззаконники! Завтра чуть-свѣтъ на съѣздъ ѣхать, а мы играемъ! Спать, спать, тридцать три моментально! Надька, маршъ спать! Объявляю засѣданіе закрытымъ.

— Счастливы вы, докторъ, что можете спать въ такую ночь! — сказала Надежда Ивановна, прощаясь съ докторомъ.—Я не могу спать, когда дождь барабанитъ въ окна и когда стонутъ мои бѣдныя сосны. Пойду сейчасъ и буду скучать за книгой. Я не въ состояніи спать. Вообще, если въ коридорчикѣ на окнѣ противъ моей двери горитъ лампочка, то это значитъ, что я не сплю и меня съѣдаетъ скука...

Докторъ и Гришуткинъ въ отведенной для нихъ комнатѣ нашли двѣ громадныя постели, постланныя на полу изъ перинъ. Докторъ раздѣлся, легъ и укрылся съ головой. Слѣдователь раздѣлся и легъ, но долго ворочался, потомъ всталъ и заходилъ изъ угла въ уголъ. Это былъ безпокойнѣйшій человѣкъ.

— Я все про барыньку думаю, про вдовушку,—сказалъ онъ. — Этакая роскошь! Жизнь бы отдалъ! Глаза, плечи, ножки въ лиловыхъ чулочкахъ... огонь баба! Баба—ой-ой! Это сейчасъ видно! И этакая красота принадлежитъ чортъ знаетъ кому — правовѣду, прокурору! Этому жилистому дуралею, похожему на англичанина! Не выношу, братъ, этихъ правовѣдовъ! Когда ты съ ней о предчувствіяхъ говорилъ, онъ лопался отъ ревности! Что говорить, шикарная женщина! Замѣчательно шикарная! Чудо природы!

— Да, почтенная особа, — сказалъ докторъ, высовывая голову изъ-подъ одѣяла.—Особа впечатлительная, нервная,

отзывчивая, такая чуткая. Мы вотъ съ вами сейчасъ уснемъ, а она, бѣдная, не можетъ спать. Ея нервы не выносятъ такой бурной ночи. Она сказала мнѣ, что всю ночь напролетъ будетъ скучать и читать книжку. Бѣдняжка! Навѣрное, у ней теперь горитъ лампочка...

— Какая лампочка?

— Она сказала, что если около ея двери на окнѣ горитъ лампочка, то это значитъ, что она не спитъ.

— Она тебѣ это сказала? Тебѣ?

— Да, мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ я тебя не понимаю! Вѣдь, ежели она это тебѣ сказала, то значитъ ты счастливѣйшій изъ смертныхъ! Молодецъ докторъ! Молодчина! Хвалю, другъ! Хоть и завидую, но хвалю! Не такъ, братъ, за тебя радъ, какъ за правовѣда, за этого рыжаго каналью! Радъ, что ты ему рога наставишь! Ну, одѣвайся! Маршъ!

Гришуткинъ, когда бывалъ пьянъ, всѣмъ говорилъ «ты».

— Выдумываете вы, Агей Алексѣичъ! Богъ знаетъ что, право...—застѣнчиво отвѣчалъ докторъ.

— Ну, ну... не разговаривай, докторъ! Одѣвайся и валяй... Какъ, бишь, это поется въ «Жизни за Царя»? И на пути любви денекъ срываемъ мы какъ бы цвѣтокъ... Одѣвайся, душа моя. Да ну же! Тимоша! Докторъ! Да ну же, скотина!

— Извините, я васъ не понимаю.

— Да что же тутъ не понимать! Астрономія тутъ, что ли? Одѣвайся и иди къ лампочкѣ, вотъ и все понятіе.

— Странно, что вы такого нелестнаго мнѣнія объ этой особѣ и обо мнѣ.

— Да брось ты философствовать!—разсердился Гришуткинъ.—Неужели ты можешь еще колебаться? Вѣдь это цинизмъ!

Онъ долго убѣждалъ доктора, сердился, умолялъ, даже становился на колѣни и кончилъ тѣмъ, что громко выбра-

нился, плюнулъ и повалился въ постель. Но черезъ четверть часа вдругъ вскочилъ и разбудилъ доктора.

— Послушайте! Вы рѣшительно отказываетесь идти къ ней?—спросилъ онъ строго.

— Ахъ... зачѣмъ я пойду? Какой вы безпокойный человѣкъ, Агей Алексѣичъ! Съ вами ѣздить на вскрытіе — это ужасно!

— Ну такъ, чортъ васъ возьми, я пойду къ ней! Я... я не хуже какого-нибудь правовѣда, или бабы-доктора. Пойду!

Онъ быстро одѣлся и пошелъ къ двери.

Докторъ вопросительно поглядѣлъ на него, какъ бы не понимая, потомъ вскочилъ.

— Вы, полагаю, это шутите?—спросилъ онъ, загораживая Гришуткину дорогу.

— Некогда мнѣ съ тобой разговаривать... Пусти!

— Нѣтъ, я не пущу васъ, Агей Алексѣичъ. Ложитесь спать... Вы пьяны!

— По какому это праву ты, эскулапъ, меня не пустишь?

— По праву человѣка, который обязанъ защитить благородную женщину. Агей Алексѣичъ, опомнитесь, что вы хотите дѣлать! Вы старикъ! Вамъ шестьдесятъ семь лѣтъ!

— Я старикъ?—обидѣлся Гришуткинъ.—Какой это негодяй сказалъ тебѣ, что я старикъ?

— Вы, Агей Алексѣичъ, выпивши и возбуждены. Не хорошо! Не забывайте, что вы человѣкъ, а не животное! Животному прилично подчиняться инстинкту, а вы царь природы, Агей Алексѣичъ!

Царь природы побагровѣлъ и сунулъ руки въ карманы.

— Послѣдній разъ спрашиваю: пустишь ты меня, или нѣтъ? — крикнулъ онъ вдругъ пронзительнымъ голосомъ, точно кричалъ въ полѣ на ямщика.—Каналья!

Но тотчасъ же онъ самъ испугался своего голоса и ото-

шелъ отъ двери къ окну. Онъ хотя былъ и пьянъ, но ему стало стыдно этого своего пронзительнаго крика, который вѣроятно разбудилъ всѣхъ въ домѣ. Послѣ нѣкотораго молчанія къ нему подошелъ докторъ и тронулъ его за плечо. Глаза доктора были влажны, щеки пылали...

— Агей Алексѣичъ! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Послѣ рѣзкихъ словъ, послѣ того, какъ вы, забывъ всякое приличіе, обозвали меня канальей, согласитесь, намъ уже нельзя оставаться подъ одной крышей. Я вами страшно оскорбленъ... Допустимъ, что я виноватъ, но... въ чемъ я, въ сущности, виноватъ? Дама честная, благородная, и вдругъ вы позволяете себѣ подобныя выраженія. Извините, мы болѣе не товарищи.

— И отлично! Не надо мнѣ такихъ товарищей.

— Я уѣзжаю сію минуту, больше оставаться я съ вами не могу, и... надѣюсь, мы больше не встрѣтимся.

— Вы уѣдете на чемъ-съ?

— На своихъ лошадяхъ.

— А я на чемъ же уѣду? Вы что же это! До конца хотите подличать? Вы меня привезли на вашихъ лошадяхъ, на вашихъ же обязаны и увезти.

— Я васъ довезу, если угодно. Только сейчасъ... Я сейчасъ ѣду. Я такъ взволнованъ, что больше не могу здѣсь оставаться.

Затѣмъ Гришуткинъ и Свистицкій, молча одѣлись и вышли на дворъ. Разбудили Мишку, потомъ сѣли въ тарантасъ и поѣхали...

— Циникъ...—бормоталъ всю дорогу слѣдователь.—Если не умѣешь обращаться съ порядочными женщинами, то сиди дома, не бывай въ домахъ, гдѣ женщины...

Себя ли это бранилъ онъ, или доктора, трудно было понять. Когда тарантасъ остановился около его квартиры, онъ спрыгнулъ и, скрываясь за воротами, проговорилъ:

— Не желаю быть знакомымъ!

Прошло три дня. Докторъ, окончивъ свою визитацію, лежалъ у себя на диванѣ и, отъ нечего-дѣлать, читалъ въ «Календарѣ для врачей» фамиліи петербургскихъ и московскихъ докторовъ, стараясь отыскать самую звучную и красивую. На душѣ у него было тихо, хорошо, плавно, какъ на небѣ, въ синевѣ котораго неподвижно стоитъ жаворонокъ, и это благодаря тому, что въ прошлую ночь онъ видѣлъ во снѣ пожаръ, что означало счастье. Вдругъ послышался шумъ подъѣхавшихъ саней (выпалъ снѣжокъ) и на порогѣ показался слѣдователь Гришуткинъ. Это былъ неожиданный гость. Докторъ поднялся и поглядѣлъ на него сконфуженно и со страхомъ. Гришуткинъ кашлянулъ, потупилъ глаза и медленно направился къ дивану.

— Я пріѣхалъ извиниться, Тимофей Васильичъ, — началъ онъ.—Я былъ по отношенію къ вамъ немножко нелюбезенъ и даже, кажется, сказалъ вамъ какую-то непріятность. Вы, конечно, поймете мое тогдашнее возбужденное состояніе, вслѣдствіе наливки, выпитой у той старой канальи, и извините...

Докторъ привскочилъ и, со слезами на глазахъ, пожалъ протянутую руку.

— Ахъ... помилуйте! Марья, чаю!

— Нѣтъ, не надо чаю.... Некогда. Вмѣсто чаю, если можно, прикажите квасу подать. Выпьемъ квасу и поѣдемъ трупъ вскрывать.

— Какой трупъ?

— Да все тотъ же унтеръ-офицерскій, который тогда ѣздили вскрывать, да не доѣхали.

Гришуткинъ и Свистицкій выпили квасу и поѣхали на вскрытіе

— Конечно, я извиняюсь, — говорилъ дорогой слѣдователь,—я тогда погорячился, но все же, знаете ли, обидно, что вы не наставили роговъ этому прокурору... ккканальѣ.

Проѣзжая черезъ Алимоново, они увидѣли около трактира ежовскую тройку...

— Ежовъ тутъ! — сказалъ Гришуткинъ. — Его лошади. Зайдемте, повидаемся... Выпьемъ зельтерской воды и кстати на сидѣлочку поглядимъ. Тутъ знаменитая сидѣлка! Баба ой-ой! Чудо природы!

Путники вылѣзли изъ саней и пошли въ трактиръ. Тамъ сидѣли Ежовъ и Тюльпанскій и пили чай съ клюквеннымъ морсомъ.

— Вы куда? Откуда?—удивился Ежовъ, увидѣвъ Гришуткина и доктора.

— На вскрытіе все ѣздимъ, да никакъ не доѣдемъ. Въ заколдованный кругъ попали. А вы куда?

— Да на съѣздъ, батенька!

— Зачѣмъ такъ часто? Вѣдь, вы третьяго дня ѣздили!

— Кой чортъ, ѣздили... У прокурора зубы болѣли, да и я не въ себѣ какъ-то былъ всѣ эти дни. Ну, что пить будете? Присаживайтесь, тридцать три моментально. Водки, или пива? Дай-ка намъ, братъ сидѣлочка, того и другого. Ахъ, что за сидѣлка!

— Да, знаменитая сидѣлка,—согласился слѣдователь.— Замѣчательная сидѣлка. Баба ой-ой-ой!

Черезъ два часа изъ трактира вышелъ докторскій Мишка и сказалъ генеральскому кучеру, чтобы тотъ распрягъ и поводилъ лошадей.

— Баринъ велѣлъ... Въ карты засѣли! — сказалъ онъ и махнулъ рукой.—Теперь до завтраго отсюда не выберемся. Н-ну, и исправникъ ѣдетъ! Стало-быть, до послѣ-завтра тутъ сидѣть будемъ!

Къ трактиру подкатилъ исправникъ. Узнавъ ежовскихъ лошадей, онъ пріятно улыбнулся и вбѣжалъ по лѣсенкѣ...

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЯ.

(РАЗСКАЗЪ ОТСТАВНОГО КОЛЛЕЖСКАГО РЕГИСТРАТОРА.)

Въ пятницу на масленой всѣ отправились ѣсть блины къ Алексѣю Иванычу Козулину. Козулина вы не знаете; для васъ, быть-можетъ, онъ ничтожество, нуль, для нашего же брата, не парящаго высоко подъ небесами, онъ великъ, всемогущъ, высокомудръ. Отправились къ нему всѣ, составляющіе его, такъ сказать, подножіе. Пошелъ и я съ папашей.

Блины были такіе великолѣпные, что выразить вамъ не могу, милостивый государь: пухленькіе, рыхленькіе, румяненькіе. Возьмешь одинъ, чортъ его знаетъ, обмакнешь его въ горячее масло, съѣшь—другой самъ въ ротъ лѣзетъ. Деталями, орнаментами и комментаріями были: сметана, свѣжая икра, семга, тертый сыръ. Винъ и водокъ цѣлое море. Послѣ блиновъ осетровую уху ѣли, а послѣ ухи куропатокъ съ подливкой. Такъ укомплектовались, что папаша мой тайкомъ разстегнулъ пуговки на животѣ и, чтобы кто не замѣтилъ сего либерализма, накрылся салфеткой. Алексѣй Иванычъ, на правахъ нашего начальника, которому все позволено, разстегнулъ жилетку и сорочку. Послѣ обѣда, не вставая изъ-за стола, закурили, съ дозволенія началь-

ства, сигары и повели бесѣду. Мы слушали, а его превосходительство, Алексѣй Иванычъ, говорилъ. Сюжетцы были все больше юмористическаго характера, масленичнаго... Начальникъ разсказывалъ и видимо желалъ казаться остроумнымъ. Не знаю, сказалъ ли онъ что-нибудь смѣшное, но только помню, что папаша ежеминутно толкалъ меня въ бокъ и говорилъ:

— Смѣйся!

Я раскрывалъ широко ротъ и смѣялся. Разъ даже взвизгнулъ отъ смѣха, чѣмъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

— Такъ, такъ! — зашепталъ папаша. — Молодецъ! Онъ глядитъ на тебя и смѣется... Это хорошо; можетъ, въ самомъ дѣлѣ, дастъ тебѣ мѣсто помощника письмоводителя!

— Нда-съ! — сказалъ между прочимъ Козулинъ, начальникъ нашъ, пыхтя и отдуваясь. — Теперь мы блины кушаемъ, наисвѣжайшую икру употребляемъ, жену бѣлотѣлую ласкаемъ. А дочки у меня такія красавицы, что не только ваша братія смиренная, а даже князья и графы засматриваются и вздыхаютъ. А квартира? Хе-хе-хе... То-то вотъ! Не ропщите, не сѣтуйте и вы, покуда до конца не доживете! Все бываетъ, ну и всякія перемѣны бываютъ... Ты теперь, положимъ, ничтожество, нуль, соринка... изюминка— а кто знаетъ? Можетъ-быть, современемъ и того... судьбы человѣческія за вихоръ возьмешь! Всякое бываетъ!

Алексѣй Иванычъ помолчалъ, покачалъ головой и продолжалъ:

— А прежде-то, прежде что было! А? Боже ты мой! Памяти своей не вѣришь. Безъ сапогъ, въ рваныхъ штанишкахъ, со страхомъ и трепетомъ... За цѣлковый, бывало, двѣ недѣли работаешь. Да не дадутъ тебѣ этотъ цѣлковый, нѣтъ! а скомкаютъ да въ лицо бросятъ: лопай! И всякій тебя раздавить можетъ, уколоть, обухомъ хватить... Всякій оконфузить можетъ... Идешь съ докладомъ, глядишь,

а у дверей собачонка сидитъ. Подойдешь ты къ этой собачонкѣ, да за лапочку, за лапочку. Извините, молъ, что мимо прошелъ. Съ добрымъ утромъ-съ! А собачонка на тебя: рррр... Швейцаръ тебя локтемъ—толкъ! а ты ему: «мелкихъ нѣтъ, Иванъ Потапычъ!.. извините-съ!» А больше всего я натерпѣлся и поношеній разныхъ вынесъ отъ этого вотъ сига копченаго, отъ этого вотъ... крокодила! Вотъ отъ этого самаго смиренника, отъ Курицына!

И Алексѣй Иванычъ указалъ на маленькаго, сгорбленнаго старичка, сидѣвшаго рядомъ съ моимъ папашей. Старичокъ мигалъ утомленными глазками и съ отвращеніемъ курилъ сигару. Обыкновенно онъ никогда не куритъ, но если начальство предлагаетъ ему сигару, то онъ считаетъ неприличнымъ отказываться. Увидѣвъ устремленный на него палецъ, онъ страшно сконфузился и завертѣлся на стулѣ.

— Много я претерпѣлъ по милости этого смиренника! — продолжалъ Козулинъ. — Я вѣдь къ нему къ первому подъ начало попалъ. Привели меня къ нему смирненькаго, сѣренькаго, ничтожненькаго и посадили за его столъ. И сталъ онъ меня ѣсть... Что ни слово—то ножъ острый, что ни взглядъ—то пуля въ грудь. Теперь-то онъ червячкомъ глядитъ, убогенькимъ, а прежде что было! Нептунъ! Небеса разверзеся! Долго онъ меня терзалъ! Я и писалъ ему, и за пирожками бѣгалъ, перья чинилъ, тещу его старую по театрамъ водилъ. Всякія угожденія ему дѣлалъ. Табакъ нюхать выучился! Нда... А все для него... Нельзя, думаю, надо, чтобъ табакерка при мнѣ постоянно была на случай, ежели спроситъ. Курицынъ, помнишь? Приходитъ къ нему однажды моя матушка покойница и проситъ его, старушечка, чтобъ онъ сынка, меня то-есть, на два дня къ тетушкѣ отпустилъ, наслѣдство дѣлить. Какъ накинется на нее, какъ вытаращитъ бѣльмы, какъ закричитъ: «Да онъ у тебя лѣнтяй, да онъ у тебя дармоѣдъ, да чего ты, дура,

смотришь!.. Подъ судъ, говоритъ, попадетъ!» Пошла старушечка домой да и слегла, заболѣла отъ перепугу, чуть не померла въ ту пору...

Алексѣй Иванычъ вытеръ глаза платочкомъ и залпомъ выпилъ стаканъ вина.

— Женить меня на своей собирался, да я на ту пору... къ счастью горячкой заболѣлъ, полгода въ больницѣ пролежалъ. Вотъ что прежде было! Вотъ какъ живали! А теперь? Пфи! А теперь я... я надъ нимъ... Онъ мою тещу въ театры водитъ, онъ мнѣ табакерку подаетъ и вотъ сигару куритъ. Хе-хе-хе... Я ему въ жизнь перчику... перчику! Курицынъ!!

— Чего изволите-съ? — спросилъ Курицынъ, вставая и вытягиваясь въ струнку.

— Трагедію представь!

— Слушаю!

Курицынъ вытянулся, нахмурился, поднялъ вверхъ руку, скорчилъ рожу и пропѣлъ сиплымъ, дребезжащимъ голосомъ:

— Умри, вѣроломная! Крррови жажду!!

Мы покатились со смѣху.

— Курицынъ! Съѣшь этотъ самый кусокъ хлѣба съ перчикомъ!

Сытый Курицынъ взялъ большой кусокъ ржаного хлѣба, посыпалъ его перцемъ и сжевалъ при громкомъ смѣхѣ.

— Всякія перемѣны бываютъ,—продолжалъ Козулинъ.— Сядь, Курицынъ! Когда встанемъ, пропоешь что-нибудь... Тогда ты, а теперь я... Да... Такъ и померла старушечка... Да...

Козулинъ поднялся и покачнулся...

— А я—молчокъ, потому что маленькій, сѣренькій... Мучители... Варвары... А теперь за то я... Хе-хе-хе... А ну-ка ты! Ты! Тебѣ говорятъ, безусый!

И Козулинъ ткнулъ пальцемъ въ сторону папаши.

— Бѣгай вокругъ стола и пой пѣтушкомъ!

Папаша мой улыбнулся, пріятно покраснѣлъ и засѣменилъ вокругъ стола. Я за нимъ.

— Ку-ку-реку! — заголосили мы оба и побѣжали быстрѣе.

Я бѣгалъ и думалъ:

«Быть мнѣ помощникомъ письмоводителя!»

ВОРОНА.

Было не больше шести часовъ вечера, когда блуждавшій по городу поручикъ Стрекачевъ, идя мимо большого трехъ-этажнаго дома, случайно бросилъ взглядъ на розовыя занавѣски бельэтажа.

— Тутъ мадамъ Дуду живетъ...—вспомнилъ онъ.—Давно ужъ я у нея не былъ. Не зайти ли?

Но прежде, чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, Стрекачевъ вынулъ изъ кармана кошелекъ и робко взглянулъ въ него. Увидѣлъ онъ тамъ одинъ скомканный, пахнущій керосиномъ рубль, пуговицу, двѣ копейки и—больше ничего.

— Мало... Ну, да ничего, — рѣшилъ онъ. — Зайду такъ, посижу немножко.

Черезъ минуту Стрекачевъ стоялъ уже въ передней и полною грудью вдыхалъ густой запахъ духовъ и глицериноваго мыла. Пахло еще чѣмъ-то, чего описать нельзя, но что можно обонять въ любой женской, такъ-называемой одинокой квартирѣ: смѣсь женскихъ пачулей съ мужской сигарой. На вѣшалкѣ висѣло нѣсколько манто, ватерпруфовъ и одинъ мужской, лоснящійся цилиндръ. Войдя въ залу, поручикъ увидѣлъ то же, что видѣлъ онъ и въ прошломъ году: піанино съ порванными нотами, вазочку съ

увядающими цвѣтами, пятно на полу отъ пролитаго ликера... Одна дверь вела въ гостиную, другая въ комнатку, гдѣ m-me Дуду спала или играла въ пикетъ съ учителемъ танцевъ Вронди, старцемъ, очень похожимъ на Оффенбаха. Если взглянуть въ гостиную, то прямо видна была дверь и изъ нея выглядывалъ край кровати съ кисейнымъ, розовымъ пологомъ. Тамъ жили «воспитанницы» m-me Дуду, Барбъ и Бланшъ.

Въ залѣ никого не было. Поручикъ направился въ гостиную и тутъ увидѣлъ живое существо. За круглымъ столомъ, развалясь на диванѣ, сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ съ щетинистыми волосами и синими, мутными глазами, съ холоднымъ потомъ на лбу и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто вылѣзалъ изъ глубокой ямы, въ которой ему было и темно, и страшно. Одѣтъ онъ былъ щегольски, въ новую триковую пару, которая носила еще на себѣ слѣды утюжной выправки; на груди болтался брелокъ; на ногахъ лакированные штиблеты съ пряжками, красные чулки. Молодой человѣкъ подпиралъ кулаками свои пухлыя щеки и тускло глядѣлъ на стоявшую передъ нимъ бутылочку зельтерской. Тутъ же на другомъ столѣ было нѣсколько бутылокъ, тарелка съ апельсинами.

Взглянувъ на вошедшаго поручика, франтъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ. Удивленный Стрекачевъ сдѣлалъ шагъ назадъ... Во франтѣ съ трудомъ узналъ онъ писаря Филенкова, котораго онъ не далѣе какъ сегодня утромъ распекалъ въ канцеляріи за безграмотно написанную бумагу, за то, что слово «капуста» онъ написалъ такъ: «копусста».

Филенковъ медленно поднялся и уперся руками о столъ. Минуту онъ не спускалъ глазъ съ лица поручика и даже посинѣлъ отъ внутренняго напряженія.

— Ты какъ же это сюда попалъ? — строго спросилъ у него Стрекачевъ.

— Я, ваше благородіе, — залепеталъ писарь, потуп

взоръ,—на днѣ рожденія-съ... При всеобщей повинной военности, когда всѣхъ уравняли, которые...

— Я тебя спрашиваю, какъ ты сюда попалъ? — возвысилъ голосъ поручикъ.—И что это за костюмъ?

— Я, ваше благородіе, чувствую свою виновность, но... ежели взять, что при всеобщей повинной... военной всеобщности всѣхъ уравняли, и къ тому какъ я все-таки человѣкъ образованный, не могу на днѣ рожденія мамзель Барбъ существовать въ формѣ нижняго чина, то я и надѣлъ оный костюмъ соотвѣтственно своему домашнему обиходу, какъ я, значитъ, потомственный почетный гражданинъ.

Увидѣвъ, что глаза поручика становятся все сердитѣе, Филенковъ умолкъ и нагнулъ голову, словно ожидая, что его сейчасъ трахнутъ по затылку. Поручикъ раскрылъ ротъ, чтобы произнести «пошелъ вонъ!», но въ это время въ гостиную вошла блондинка съ поднятыми бровями, въ капотѣ ярко-желтаго цвѣта. Узнавъ поручика, она взвизгнула и бросилась къ нему.

— Вася! Офицеръ!!

Увидѣвъ, что Барбъ (это была одна изъ воспитанницъ m-me Дуду) фамильярна съ поручикомъ, писарь оправился и ожилъ. Растопыривъ пальцы, онъ выскочилъ изъ-за стола и замахалъ руками.

— Ваше благородіе! — заговорилъ онъ, захлебываясь. — Со днемъ рожденія имѣю честь поздравить любимаго существа! Въ Парижѣ такой не сыщешь! Именно-съ! Огонь! Трехъ сотенныхъ не пожалѣлъ, а сшилъ ей этотъ капотъ по случаю дня рожденія любимаго существа! Ваше благородіе, шампанскаго! За новорожденную!

— А гдѣ Блапшъ?—спросилъ поручикъ.

— Сейчасъ выйдетъ, ваше благородіе! — отвѣтилъ писарь, хотя вопросъ относился не къ нему, а къ Барбъ. — Сію минуту! Дѣвица а ля компрене аревуаръ консоме! На-

медни купецъ изъ Костромы пріѣзжалъ, пятьсотъ отвалилъ... Легко ли дѣло, пятьсотъ! Я тыщу дамъ, только спервоначалу характеръ мой уважь! Такъ ли я разсуждаю? Ваше благородіе, пожалуйте-съ!

Писарь подалъ поручику и Барбъ по стакану шампанскаго, а самъ выпилъ рюмку водки. Поручикъ выпилъ, но тотчасъ же спохватился.

— Ты, я вижу, позволяешь себѣ лишнее,—сказалъ онъ.— Ступай-ка отсюда и скажи Демьянову, чтобы онъ тебя посадилъ на сутки.

— Ваше благородіе, да, можетъ, вы думаете, что я какой ни-на-есть свинья? Такъ вы думаете? Господи! Да вѣдь мой папаша потомственный почетный гражданинъ, орденовъ кавалеръ! Меня, ежели желаете знать, генералъ крестилъ. А вы думаете, что я, ежели писарь, то ужъ и свинья?.. Пожалуйте еще стаканчикъ... шипучечки... Барбъ, лупи! Не стѣсняйся, за все можемъ заплатить. При современной образованности всѣхъ уравняли. Генеральскій или купеческій сынъ идетъ на службу все равно какъ мужикъ. Я, ваше благородіе, былъ и въ гимназіи, и въ реальномъ, и въ коммерческомъ... Вездѣ выгоняли! Барбъ, лупи! Бери радужную, посылай за дюжинкой! Ваше благородіе, стаканчикъ!

Вошла m-me Дуду высокая, полная дама съ ястребинымъ лицомъ. За ней сѣменилъ Вронди, похожій на Оффенбаха. Немного погодя вошла и Бланшъ, маленькая брюнетка, лѣтъ 19-ти, со строгимъ лицомъ и съ греческимъ носомъ, повидимому, еврейка. Писарь выбросилъ еще одну радужную.

— Жарь на всѣ! Жги! Позвольте мнѣ эту вазу разбить! Отъ чувствъ!

M-me Дуду начала разсказывать, что теперь всякая честная дѣвушка можетъ составить себѣ приличную партію, и что дѣвушкамъ пить неприлично, а если она и позволяетъ

своимъ дѣвочкамъ пить, то только потому, что надѣется, что мужчины порядочные, а будь мужчины другіе, она и сидѣть бы имъ здѣсь не позволила.

Отъ вина и сосѣдства Бланшъ у поручика стала кружиться голова, и онъ забылъ о писарѣ.

— Музыку! — кричалъ отчаяннымъ голосомъ писарь. — Подавай музыку! На основаніи приказа за номеромъ сто двадцатымъ предлагаю вамъ танцовать! Ти-ише! — продолжалъ орать во все горло писарь, думая, что это не онъ самъ кричитъ, а кто-то другой.—Ти-ише! Я желаю, чтобъ танцовали! Вы должны мой характеръ уважить! Качучу! Качучу!

Барбъ и Бланшъ посовѣтовались съ m-me Дуду, старикъ Вронди сѣлъ за піанино. Танецъ начался. Филенковъ, топая въ тактъ ногами, слѣдилъ за движеніями четырехъ женскихъ ногъ и ржалъ отъ удовольствія.

— Рви! Вѣрно! Чувствуй! Отдирай, примерзло!

Немного погодя, вся компанія поѣхала въ колясках въ «Аркадію». Филенковъ ѣхалъ съ Барбъ, поручикъ съ Бланшъ, Вронди съ m-me Дуду. Въ «Аркадіи» заняли столъ и потребовали ужинъ. Тутъ Филенковъ до того допился, что охрипъ и потерялъ способность махать руками. Онъ сидѣлъ мрачный и говорилъ, моргая глазами, какъ бы собираясь заплакать:

— Кто я? Нешто я человѣкъ? Я ворона! Потомственный почетный гражданинъ... — передразнилъ онъ себя. — Ворона ты, а не гра... гражданинъ.

Поручикъ, отуманенный виномъ, почти не замѣчалъ его. Разъ только, увидѣвъ въ туманѣ его пьяную физіономію, онъ нахмурилъ брови и сказалъ:

— Ты, я вижу, позволяешь себѣ очень...

Но тотчасъ же потерялъ способность соображать и чокнулся съ нимъ.

Изъ «Аркадіи» поѣхали въ Крестовскій садъ. Тутъ m-me

Дуду простилась съ молодежью, сказавъ, что она вполнѣ надѣется на порядочность мужчинъ, и уѣхала съ Вронди. Потомъ потребовали для освѣженія кофе съ коньякомъ и ликеровъ. Потомъ квасу и водки, и зернистой икры. Писарь вымазалъ себѣ лицо икрой и сказалъ:

— Я теперь арабъ или въ родѣ какъ бы нечистый духъ.

На другой день утромъ, поручикъ, чувствуя въ головѣ свинецъ, а во рту жаръ и сухость, отправился къ себѣ въ канцелярію. Филенковъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ въ писарской формѣ и дрожащими руками сшивалъ какія-то бумаги. Лицо его было сумрачно, не гладко, точно булыжникъ, щетинистые волосы глядѣли въ разныя стороны, глаза слипались... Увидѣвъ поручика, онъ тяжело поднялся, вздохнулъ и вытянулся во фронтъ. Поручикъ, злой и не опохмелившійся, отвернулся и занялся своимъ дѣломъ. Минутъ десять длилось молчаніе, но вотъ глаза его встрѣтились съ мутными глазами писаря, и въ этихъ глазахъ прочелъ онъ все: красныя занавѣсочки, раздирательный танецъ, «Аркадію», профиль Бланшъ...

— При всеобщей повинной военности... — забормоталъ Филенковъ,—когда даже... профессоровъ въ солдаты берутъ... когда всѣхъ уравняли... и даже свобода гласности...

Поручикъ хотѣлъ распечь его, послать къ Демьянову, но махнулъ рукой и сказалъ тихо:

— А ну тебя къ чорту!

И вышелъ изъ канцеляріи.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ.

Петръ Петровичъ Стрижинъ, племянникъ полковницы Ивановой, тотъ самый, у котораго въ прошломъ году украли новыя калоши, вернулся съ крестинъ ровно въ два часа ночи. Чтобы не разбудить своихъ, онъ осторожно раздѣлся въ передней, на цыпочкахъ, чуть дыша, пробрался къ себѣ въ спальню и, не зажигая огня, сталъ готовиться ко сну.

Стрижинъ ведетъ жизнь трезвую и регулярную, выраженіе лица у него душеспасительное, книжки онъ читаетъ только духовно-нравственныя, но на крестинахъ отъ радости, что Любовь Спиридоновна благополучно разрѣшилась отъ бремени, онъ позволилъ себѣ выпить четыре рюмки водки и стаканъ вина, напоминавшаго своимъ вкусомъ что-то среднее между уксусомъ и касторовымъ масломъ. Горячіе же напитки подобны морской водѣ или славѣ: чѣмъ больше пьешь, тѣмъ сильнѣе жаждешь... И теперь, раздѣваясь, Стрижинъ чувствовалъ непреодолимое желаніе выпит

— «У Дашеньки, кажется, есть водка въ шкапу, въ правомъ углу,—думалъ онъ.—Если я выпью одну рюмку, то она не замѣтитъ».

Послѣ нѣкотораго колебанія, пересиливъ свой страхъ, Стрижинъ направился къ шкапу. Отворивъ осторожно дверцу,

онъ нащупалъ въ правомъ углу бутылку и рюмку, налилъ, поставилъ бутылку на мѣсто, потомъ перекрестился и выпилъ. И тотчасъ же произошло нѣчто въ родѣ чуда. Со страшной силой, точно бомбу, Стрижина вдругъ отбросило отъ шкапа къ сундуку. Въ глазахъ его засверкало, дыханіе сперло, по всему тѣлу пробѣжало такое ощущеніе, какъ-будто онъ упалъ въ болото, полное пьявокъ. Ему показалось, что вмѣсто водки онъ проглотилъ кусокъ динамита, который взорвалъ его тѣло, домъ, весь переулокъ... Голова, руки, ноги—все оторвалось и полетѣло куда-то къ чорту, въ пространство...

Минуты три онъ лежалъ на сундукѣ неподвижно, не дыша, потомъ поднялся и спросилъ себя:

— Гдѣ я?

Первое, что онъ ясно ощутилъ, прійдя въ себя, это былъ рѣзкій запахъ керосина.

— Батюшки мои, это я вмѣсто водки керосину выпилъ!— ужаснулся онъ.—Святители угодники!

Отъ мысли, что онъ отравился, его бросило и въ холодъ, и въ жаръ. Что ядъ былъ дѣйствительно принятъ, свидѣтельствовали, кромѣ запаха въ комнатѣ, жженіе во рту, искры въ глазахъ, звонъ колоколовъ въ головѣ и колотье въ желудкѣ. Чувствуя приближеніе смерти и не обманывая себя напрасными надеждами, онъ пожелалъ проститься съ близкими и отправился въ спальню Дашеньки. (Будучи вдовымъ, онъ у себя въ квартирѣ держалъ вмѣсто хозяйки свою свояченицу Дашеньку, старую дѣву).

— Дашенька!—сказалъ онъ плачущимъ голосомъ, входя въ спальню.—Дорогая Дашенька!

Что-то заворочалось въ потемкахъ и испустило глубокій вздохъ.

— Дашенька!

— А? Что?—быстро заговорилъ женскій голосъ.—Это вы,

Петръ Петровичъ? Уже вернулись? Ну, что? Какъ назвали дѣвочку? Кто былъ кумой?

— Кумой была Наталья Андреевна Великосвѣтская, а кумомъ—Павелъ Иванычъ Безсонницынъ... Я... я, Дашенька, кажется, умираю. А новорожденную назвали Олимпіадой въ честь ихней благодѣтельницы... Я... я, Дашенька, выпилъ керосину...

— Вотъ еще! Нешто тамъ подавали керосинъ?

— Признаться, я хотѣлъ, не спросясь васъ, водки выпить и... и Богъ наказалъ: по нечаянности я въ потемкахъ керосину выпилъ... Что мнѣ дѣлать?

Дашенька, услышавъ, что безъ ея разрѣшенія отворяли шкапъ, оживилась... Она быстро зажгла свѣчку, прыгнула съ постели и въ одной сорочкѣ, весноватая, костлявая, въ папильоткахъ, зашлепала босыми ногами къ шкапу.

— Кто же это вамъ позволилъ?—спросила она строго, оглядывая внутренность шкапа.—Нешто водка для васъ поставлена?

— Я... я, Дашенька, пилъ не водку, а керосинъ...—пробормоталъ Стрижинъ, отирая холодный потъ.

— А зачѣмъ вамъ керосинъ трогать? Развѣ это ваше дѣло? Для васъ онъ поставленъ? Или, по-вашему, керосинъ денегъ не стоитъ? А? Да вы знаете, почемъ теперь керосинъ? Знаете?

— Дорогая Дашенька!—простоналъ Стрижинъ.— Вопросъ идетъ о жизни и смерти, а вы о деньгахъ!

— Напился пьяный и въ шкапъ суетъ свой носъ!—крикнула Дашенька, сердито хлопнувъ дверцей.—О, изверги, мучители! Страдалица я, несчастная, ни днемъ, ни ночью покою! Аспиды-василиски, проды окаянные, чтобъ вамъ на томъ свѣтѣ такъ жилось! Завтра же съѣзжаю! Я дѣвица и не позволю вамъ стоять передо мною въ одномъ нижнемъ бѣльѣ! Вы не смѣете глядѣть на меня, когда я не одѣта!

И пошла, и пошла... Зная, что разсерженную Дашеньку

не уймешь ни мольбами, ни клятвами, ни даже пальбой изъ пушекъ, Стрижинъ махнулъ рукой, одѣлся и рѣшилъ сходить къ доктору. Но доктора легко найти только тогда, когда онъ не нуженъ. Избѣгавъ три улицы и позвонившись разъ пять къ доктору Чепхарьянцу и семь разъ къ доктору Бултыхину, Стрижинъ побѣжалъ въ аптеку: авось поможетъ аптекарь. Тутъ, послѣ долгаго ожиданія, къ нему вышелъ маленькій, чернявый и кудрявый фармацевтъ, заспанный, въ халатѣ, и съ такимъ серьёзнымъ и умнымъ лицомъ, что даже стало страшно.

— Вамъ что угодно? — спросилъ онъ тономъ, какимъ могутъ говорить только очень умные и солидные фармацевты іудейскаго вѣроисповѣданія.

— Ради Бога... прошу васъ! — проговорилъ Стрижинъ, задыхаясь.—Дайте мнѣ чего-нибудь... Я сейчасъ по нечаянности керосину выпилъ! Умираю!

— Прошу васъ не волноваться и отвѣчать на вопросы, которые я буду вамъ задавать. Уже одинъ тотъ фактъ, что вы волнуетесь, не дозволяетъ мнѣ понимать васъ. Вы выпили керосину? Да-а?

— Да, керосину! Спасите пожалуйста!

Фармацевтъ хладнокровно и серьёзно подошелъ къ конторкѣ, раскрылъ книгу и погрузился въ чтеніе. Прочитавъ двѣ страницы, онъ пожалъ однимъ плечомъ, потомъ другимъ, состроилъ презрительную гримасу и, подумавъ, вышелъ въ смежную комнату. Часы пробили четыре. И когда они показывали десять минутъ пятаго, фармацевтъ вернулся съ другой книгой и опять погрузился въ чтеніе.

— Гм!—сказалъ онъ, какъ бы недоумѣвая. —Уже одинъ тотъ фактъ, что вы чувствуете себя нехорошо, нужно чтобъ вы обратились не въ аптеку, а къ врачу.

— Но я уже былъ у докторовъ! Не дозвонился!

— Гм... Вы насъ, фармацевтовъ, не считаете за людей и безпокоите даже въ четыре часа ночи, а каждая собаке,

каждый кошке имѣетъ покой... Вы ничего не желаете понимать, и, по-вашему, мы не люди и въ насъ нервы долженъ быть, какъ веровка.

Стрижинъ выслушалъ фармацевта, вздохнулъ и пошелъ домой.

— Стало-быть, суждено умереть! —думалъ онъ.

А во рту у него горѣло и пахло керосиномъ, въ желудкѣ рѣзало, въ ушахъ раздавалось: бумъ, бумъ, бумъ! Каждую минуту ему казалось, что конецъ его уже близокъ, что сердце его уже не бьется...

Прійдя домой, онъ поспѣшилъ написать: «Прошу въ моей смерти никого не винить», потомъ помолился Богу, легъ и укрылся съ головой. До утра онъ не спалъ и ждалъ смерти, и все время ему мерещилось, какъ его могила покрывается молодою зеленью и какъ надъ нею щебечутъ птички...

А утромъ онъ сидѣлъ на кровати и, улыбаясь, говорилъ Дашенькѣ:

— Кто ведетъ правильную и регулярную жизнь, дорогая сестрица, того никакая отрава не возьметъ. Вотъ хоть бы меня взять въ примѣръ. Былъ я на краю погибели, умиралъ, мучился, а теперь ничего. Только во рту пожгло и въ глоткѣ саднитъ, а все тѣло здорово, слава Богу... А отчего? Потому что регулярная жизнь.

— Нѣтъ, это значитъ—керосинъ плохой!—вздыхала Дашенька, думая о расходахъ и глядя въ одну точку.—Значитъ, лавочникъ мнѣ далъ не лучшаго, а того, что полторы копейки фунтъ. Страдалица я, несчастная, изверги-мучители, чтобъ вамъ на томъ свѣтѣ такъ жилось, ироды окаянные...

И пошла, и пошла...

ХОРИСТКА.

Однажды, когда она еще была моложе, красивѣе и голосистѣе, у нея на дачѣ, въ антресоляхъ, сидѣлъ Николай Петровичъ Колпаковъ, ея обожатель. Было нестерпимо жарко и душно. Колпаковъ только что пообѣдалъ и выпилъ цѣлую бутылку плохого портвейна, чувствовалъ себя не въ духѣ и нездорово. Оба скучали и ждали когда спадетъ жара, чтобъ пойти гулять.

Вдругъ неожиданно въ передней позвонили. Колпаковъ, который былъ безъ сюртука и въ туфляхъ, вскочилъ и вопросительно поглядѣлъ на Пашу.

— Должно-быть, почтальонъ, или, можетъ, подруга, — сказала пѣвица.

Колпаковъ не стѣснялся ни подругъ Паши, ни почтальоновъ, но на всякій случай взялъ въ охапку свое платье и пошелъ въ смежную комнату, а Паша побѣжала отворять дверь. Къ ея великому удивленію, на порогѣ стоялъ не почтальонъ и не подруга, а какая-то незнакомая женщина, молодая, красивая, благородно одѣтая и, по всѣмъ видимостямъ, изъ порядочныхъ.

Незнакомка была блѣдна и тяжело дышала, какъ отъ ходьбы по высокой лѣстницѣ.

— Что вамъ угодно?—спросила Паша.

Барыня не сразу отвѣтила. Она сдѣлала шагъ впередъ, медленно оглядѣла комнату и сѣла съ такимъ видомъ, какъ будто не могла стоять отъ усталости или нездоровья; потомъ она долго шевелила блѣдными губами, стараясь что-то выговорить.

— Мой мужъ у васъ?—спросила она наконецъ, поднявъ на Пашу свои большіе глаза съ красными, заплаканными вѣками.

— Какой мужъ?—прошептала Паша и вдругъ испугалась такъ, что у нея похолодѣли руки и ноги.—Какой мужъ?—повторила она, начиная дрожать.

— Мой мужъ... Николай Петровичъ Колпаковъ.

— Нѣ... нѣтъ, сударыня... Я... я никакого мужа не знаю.

Прошла минута въ молчаніи. Незнакомка нѣсколько разъ провела платкомъ по блѣднымъ губамъ и, чтобы побороть внутреннюю дрожь, задерживала дыханіе, а Паша стояла передъ ней неподвижно, какъ вкопанная, и глядѣла на нее съ недоумѣніемъ и страхомъ.

— Такъ его, вы говорите, нѣтъ здѣсь?—спросила барыня уже твердымъ голосомъ и какъ-то странно улыбаясь.

— Я... я не знаю, про кого вы спрашиваете.

— Гадкая вы, подлая, мерзкая...—пробормотала незнакомка, оглядывая Пашу съ ненавистью и отвращеніемъ.—Да, да... вы гадкая. Очень, очень рада, что, наконецъ, могу высказать вамъ это!

Паша почувствовала, что на эту даму въ черномъ, съ сердитыми глазами и съ бѣлыми, тонкими пальцами, она производитъ впечатлѣніе чего-то гадкаго, безобразнаго, и ей стало стыдно своихъ пухлыхъ, красныхъ щекъ, рябинъ на носу и чолки на лбу, которая никакъ не зачесывалась наверхъ. И ей казалось, что если бы она была худенькая, не напудренная и безъ чолки, то можно было бы скрыть,

что она непорядочная, и было бы не такъ страшно и стыдно стоять передъ незнакомой, таинственной дамой.

— Гдѣ мой мужъ?—продолжала дама.—Впрочемъ, здѣсь онъ, или нѣтъ, мнѣ все равно, но должна я вамъ сказать, что обнаружена растрата и Николая Петровича ищутъ... Его хотятъ арестовать. Вотъ что вы надѣлали!

Барыня встала и въ сильномъ волненіи прошлась по комнатѣ. Паша глядѣла на нее и отъ страха не понимала.

— Сегодня же его найдутъ и арестуютъ, — сказала барыня и всхлипнула, и въ этомъ звукѣ слышались оскорбленіе и досада. — Я знаю, кто довелъ его до такого ужаса! Гадкая, мерзкая! Отвратительная. продажная тварь! (у барыни губы покривились и поморщился носъ отъ отвращенія). Я безсильна... слушайте вы, низкая женщина!.. я безсильна, вы сильнѣе меня, но есть кому вступиться за меня и моихъ дѣтей! Богъ все видитъ! Онъ справедливъ! Онъ взыщетъ съ васъ за каждую мою слезу, за всѣ безсонныя ночи! Будетъ время, вспомните вы меня!

Опять наступило молчаніе. Барыня ходила по комнатѣ и ломала руки, а Паша все еще глядѣла на нее тупо, съ недоумѣніемъ, не понимала и ждала отъ нея чего-то страшнаго.

— Я, сударыня, ничего не знаю, — проговорила она и вдругъ заплакала.

— Лжете вы!—крикнула барыня и злобно сверкнула на нее глазами. — Мнѣ все извѣстно! Я давно уже знаю васъ! Я знаю, въ послѣдній мѣсяцъ онъ просиживалъ у васъ каждый день!

— Да. Такъ что же? Что жъ изъ этого? У меня бываетъ много гостей, но я никого не неволю. Вольному воля.

— Я говорю вамъ: обнаружена растрата! Онъ растратилъ на службѣ чужія деньги! Ради такой... какъ вы, ради васъ онъ рѣшился на преступленіе. Послушайте,—сказала барыня рѣшительнымъ тономъ, останавливаясь передъ Па-

шей.—У васъ не можетъ быть принциповъ, вы живете для того только, чтобъ приносить зло, это цѣль ваша, но нельзя же думать, что вы такъ низко пали, что у васъ не осталось и слѣда человѣческаго чувства! У него есть жена, дѣти... Если его осудятъ и сошлютъ, то я и дѣти умремъ съ голода... Поймите вы это! А между тѣмъ есть средство спасти его и насъ отъ нищеты и позора. Если я сегодня внесу девятьсотъ рублей, то его оставятъ въ покоѣ. Только девятьсотъ рублей!

— Какіе девятьсотъ рублей?—тихо спросила Паша.—Я... я не знаю... Я не брала.

— Я не прошу у васъ девятисотъ рублей... у васъ нѣтъ денегъ, да и не нужно мнѣ вашего. Я прошу другого... Мужчины обыкновенно такимъ, какъ вы, дарятъ драгоцѣнныя вещи. Возвратите мнѣ только тѣ вещи, которыя дарилъ вамъ мой мужъ!

— Сударыня, они никакихъ вещей мнѣ не дарили! — взвизгнула Паша, начиная понимать.

— Гдѣ же деньги? Онъ растратилъ свое, мое и чужое... Куда же все это дѣвалось? Послушайте, я прошу васъ! Я была возмущена и наговорила вамъ много непріятнаго, но я извиняюсь. Вы должны меня ненавидѣть, я знаю, но если вы способны на состраданіе, то войдите въ мое положеніе! Умоляю васъ, отдайте мнѣ вещи!

— Гм... — сказала Паша и пожала плечами. — Я бы съ удовольствіемъ, но, накажи меня Богъ, они ничего мнѣ не давали. Вѣрьте совѣсти. Впрочемъ, правда ваша, — смутилась пѣвица, — они какъ-то привезли мнѣ двѣ штучки. Извольте, я отдамъ, ежели желаете...

Паша выдвинула одинъ изъ туалетныхъ ящичковъ и достала оттуда дутый золотой браслетъ и жидкое колечко съ рубиномъ.

— Извольте!—сказала она, подавая эти вещи гостьѣ.

Барыня вспыхнула, и лицо ея задрожало. Она оскорбилась.

— Что же вы мнѣ даете? — сказала она. — Я не милостыни прошу, а того, что̀ принадлежитъ не вамъ... что̀ вы, пользуясь вашимъ положеніемъ, выжали изъ моего мужа... этого слабаго, несчастнаго человѣка... Въ четвергъ, когда я видѣла васъ съ мужемъ на пристани, на васъ были дорогіе броши и браслеты. Стало-быть, нечего разыгрывать передо мной невиннаго барашка! Я въ послѣдній разъ прошу: дадите вы мнѣ вещи, или нѣтъ?

— Какія вы, ей-Богу, странныя... — сказала Паша, начиная обижаться.—Завѣряю васъ, что отъ вашего Николая Петровича я, кромѣ этой браслеты и колечка, ничего не видѣла. Они привозили мнѣ только сладкіе пирожки.

— Сладкіе пирожки... — усмѣхнулась незнакомка. — Дома дѣтямъ ѣсть нечего, а тутъ сладкіе пирожки. Вы рѣшительно отказываетесь возвратить вещи?

Не получивъ отвѣта, барыня сѣла и, о чемъ-то думая, уставилась въ одну точку.

— Что же теперь дѣлать? — проговорила она. — Если я не достану девятисотъ рублей, то и онъ погибъ, и я съ дѣтьми погибла. Убить эту мерзавку, или на колѣни стать передъ ней, что ли?

Барыня прижала платокъ къ лицу и зарыдала.

— Я прошу васъ!—слышалось сквозь ея рыданья.—Вы же вѣдь разорили и погубили мужа, спасите его... Вы не имѣете къ нему состраданія, но дѣти... дѣти... Чѣмъ дѣти виноваты?

Паша вообразила маленькихъ дѣтей, которыя стоятъ на улицѣ и плачутъ отъ голода, и сама зарыдала.

— Что же я могу сдѣлать, сударыня? — сказала она. — Вы говорите, что я мерзавка и разорила Николая Петровича, а я вамъ, какъ предъ истиннымъ Богомъ... завѣряю васъ, никакой пользы я отъ нихъ не имѣю... Въ нашемъ

хорѣ только у одной Моти богатый содержатель, а всѣ мы перебиваемся съ хлѣба на квасъ. Николай Петровичъ образованный и деликатный господинъ, ну, я и принимала. Намъ нельзя не принимать.

— Я прошу вещи! Вещи мнѣ дайте! Я плачу... унижаюсь... Извольте, я на колѣни стану! Извольте!

Паша вскрикнула отъ испуга и замахала руками. Она чувствовала, что эта блѣдная, красивая барыня, которая выражается благородно, какъ въ театрѣ, въ самомъ дѣлѣ можетъ стать передъ ней на колѣни, именно изъ гордости, изъ благородства, чтобы возвысить себя и унизить хористку.

— Хорошо, я отдамъ вамъ вещи! — засуетилась Паша, утирая глаза.—Извольте. Только онѣ не Николая Петровичевы... Я ихъ отъ другихъ гостей получила. Какъ вамъ угодно-съ...

Паша выдвинула верхній ящикъ комода, достала оттуда брошку съ алмазами, коралловую нитку, нѣсколько колецъ, браслетъ, и подала все это дамѣ.

— Возьмите, ежели желаете, только я отъ вашего мужа никакой пользы не имѣла. Берите, богатѣйте!—продолжала Паша, оскорбленная угрозой стать на колѣни. — А ежели вы благородная... законная ему супруга, то и держали бы его при себѣ. Стало-быть! Я его не звала къ себѣ, онъ самъ пришелъ...

Барыня сквозь слезы оглядѣла поданныя ей вещи и сказала:

— Это не все... Тутъ и на пятьсотъ рублей не будетъ.

Паша порывисто вышвырнула изъ комода еще золотые часы, портсигаръ и запонки, и сказала, разводя руками:

— А больше у меня ничего не осталось... Хоть обыщите!

Гостья вздохнула, дрожащими руками завернула вещи въ платочекъ и, не сказавъ ни слова, даже не кивнувъ головой, вышла.

Отворилась изъ сосѣдней комнаты дверь и вошелъ Колпаковъ. Онъ былъ блѣденъ и нервно встряхивалъ головой, какъ будто только что принялъ что-то очень горькое; на глазахъ у него блестѣли слезы.

— Какія вы мнѣ вещи приносили?—набросилась на него Паша.—Когда, позвольте васъ спросить?

— Вещи... Пустое это—вещи! — проговорилъ Колпаковъ и встряхнулъ головой. — Боже мой! Она передъ тобой плакала, унижалась...

— Я васъ спрашиваю: какія вы мнѣ вещи приносили?— крикнула Паша.

— Боже мой, она порядочная, гордая, чистая... даже на колѣни хотѣла стать передъ... передъ этой дѣвкой! И я довелъ ее до этого! Я допустилъ!

Онъ схватилъ себя за голову и простоналъ:

— Нѣтъ, я никогда не прощу себѣ этого! Не прощу! Отойди отъ меня прочь... дрянь! — крикнулъ онъ съ отвращеніемъ, пятясь отъ Паши и отстраняя ее отъ себя дрожащими руками.—Она хотѣла стать на колѣни и... передъ кѣмъ? Передъ тобой! О, Боже мой!

Онъ быстро одѣлся и, брезгливо сторонясь Паши, направился къ двери и вышелъ.

Паша легла и стала громко плакать. Ей уже было жаль своихъ вещей, которыя она сгоряча отдала, и было обидно. Она вспомнила, какъ три года назадъ ее ни за что, ни про что, побилъ одинъ купецъ, и еще громче заплакала.

СТРАХИ.

За все время. пока я живу на этомъ свѣтѣ, мнѣ было страшно только три раза.

Первый настоящій страхъ, отъ котораго шевелились мои волосы и по тѣлу бѣгали мурашки, имѣлъ своей причиной ничтожное, но странное явленіе. Однажды, отъ нечего-дѣлать, ѣхалъ я іюльскимъ вечеромъ на почтовую станцію за газетами. Вечеръ былъ тихій, теплый и почти душный, какъ всѣ тѣ однообразные, іюльскіе вечера, которые, разъ начавшись, правильной, непрерывной чередой тянутся одинъ за другимъ недѣлю—двѣ, иногда и больше, и вдругъ обрываются бурной грозой съ роскошнымъ, надолго освѣжающимъ ливнемъ.

Солнце давно уже сѣло и на всей землѣ лежала сплошная, сѣрая тѣнь. Въ неподвижномъ, застоявшемся воздухѣ сгущались медово-приторныя испаренія травъ и цвѣтовъ.

Ѣхалъ я на простыхъ, ломовыхъ дрогахъ. За моей спиной, положивъ голову на мѣшокъ съ овсомъ, тихо похрапывалъ сынъ садовника Пашка, мальчикъ лѣтъ восьми, котораго я взялъ съ собою на случай, если бы представилась надобность присмотрѣть за лошадью. Путь нашъ лежалъ по узкой, но прямой, какъ линейка, проселочной дорогѣ, которая, какъ

большая змѣя, пряталась въ высокой, густой ржи. Блѣдно догорала вечерняя заря; свѣтлая полоса перерѣзывалась узкимъ, неуклюжимъ облакомъ, которое походило то на лодку, то на человѣка, окутаннаго въ одѣяло...

Проѣхалъ я версты двѣ—три, и вотъ на блѣдномъ фонѣ зари стали вырастать одинъ за другимъ стройные, рослые тополи; вслѣдъ за ними, заблистала рѣка и предо мною вдругъ какъ по волшебству раскинулась богатая картина. Нужно было остановить лошадь, такъ какъ наша прямая дорога обрывалась и ужъ шла внизъ по крутому, поросшему кустарникомъ скату. Мы стояли на горѣ, а внизу подъ нами находилась большая яма, полная сумерекъ, причудливыхъ формъ и простора. На днѣ этой ямы, на широкой равнинѣ, сторожимое тополями и ласкаемое блескомъ рѣки, ютилось село. Оно теперь спало... Его избы, церковь съ колокольней и деревья вырисовывались изъ сѣрыхъ сумерекъ, и на гладкой поверхности рѣки темнѣли ихъ отраженія.

Я разбудилъ Пашку, чтобъ онъ не свалился съ дрогъ, и сталъ осторожно спускаться.

— Пріѣхали въ Луково?—спросилъ Пашка, лѣниво поднимая голову.

— Пріѣхали. Держи вожжи!..

Я сводилъ съ горы лошадь и глядѣлъ на село. Съ перваго-же взгляда меня заняло одно странное обстоятельство: въ самомъ верхнемъ ярусѣ колокольни, въ крошечномъ окнѣ, между куполомъ и колоколами, мерцалъ огонекъ. Этотъ огонь, похожій на свѣтъ потухающей лампадки, то замиралъ на мгновеніе, то ярко вспыхивалъ. Откуда онъ могъ взяться? Происхожденіе его было для меня непонятно. За окномъ онъ не могъ горѣть, потому что въ верхнемъ ярусѣ колокольни не было ни иконъ, ни лампадъ; тамъ, какъ я зналъ, были однѣ только балки, пыль, да паутина; пробраться въ этотъ ярусъ было трудно, потому что ходъ въ него изъ колокольни былъ наглухо забитъ.

Этотъ огонекъ могъ скорѣе всего быть отраженіемъ внѣшняго свѣта, но какъ я ни напрягалъ свое зрѣніе, въ громадномъ пространствѣ, которое лежало передо мной, я не увидѣлъ кромѣ этого огня ни одной свѣтлой точки. Луны не было. Блѣдная, совсѣмъ уже потухавшая полоска зари не могла отражаться, потому что окно съ огонькомъ глядѣло не на западъ, а на востокъ. Эти и другія подобныя соображенія бродили въ моей головѣ все время, пока я спускался съ лошадью внизъ. Внизу я сѣлъ на дроги и еще разъ взглянулъ на огонекъ. Онъ попрежнему мелькалъ и вспыхивалъ.

«Странно», думалъ я, теряясь въ догадкахъ. — «Очень странно».

И мною, мало-по-малу, овладѣло непріятное чувство. Сначала я думалъ, что это досада на то, что я не въ состояніи объяснить простого явленія, но потомъ, когда я вдругъ въ ужасѣ отвернулся отъ огонька и ухватился одной рукой за Пашку, ясно стало, что мною овладѣваетъ страхъ... Меня охватило чувство одиночества, тоски и ужаса, точно меня противъ воли бросили въ эту большую, полную сумерекъ яму, гдѣ я одинъ-на-одинъ стоялъ съ колокольней, глядѣвшей на меня своимъ краснымъ глазомъ.

— Паша!—окликнулъ я, закрывая въ ужасѣ глаза.

— Ну?

— Паша, что это свѣтится на колокольнѣ?

Пашка поглядѣлъ черезъ мое плечо на колокольню и зѣвнулъ.

— А кто жъ его знаетъ!

Этотъ короткій разговоръ съ мальчикомъ нѣсколько успокоилъ меня, но не надолго. Пашка, замѣтивъ мое безпокойство, устремилъ свои большіе глаза на огонекъ, поглядѣлъ еще разъ на меня, потомъ опять на огонекъ...

— Мнѣ страшно!—прошепталъ онъ.

Тутъ ужъ, не помня себя отъ страха, я обхватилъ мальчика одной рукой, прижался къ нему и сильно ударилъ по лошади.

— Глупо!—говорилъ я себѣ.—Это явленіе страшно только потому, что непонятно... Все непонятное таинственно и потому страшно.

Я убѣждалъ себя и въ то же время не переставалъ стегать по лошади. Пріѣхавъ на почтовую станцію, я нарочно проболталъ со смотрителемъ цѣлый часъ, прочелъ двѣ-три газеты, но безпокойство все еще не покидало меня. На обратномъ пути огонька уже не было, но зато силуэты избъ, тополей и гора, на которую пришлось въѣзжать, казались мнѣ одушевленными. А отчего былъ тотъ огонекъ, до сихъ поръ я не знаю.

Другой страхъ, пережитый мною, былъ вызванъ не менѣе ничтожнымъ обстоятельствомъ... Я возвращался со свиданія. Былъ часъ ночи—время, когда природа обыкновенно погружена въ самый крѣпкій и самый сладкій, предъутренній сонъ. Въ этотъ же разъ природа не спала и ночь нельзя было назвать тихой. Кричали коростели, перепелы, соловьи, кулички, трещали сверчки и медвѣдки. Надъ травой носился легкій туманъ, а на небѣ мимо луны куда-то безъ оглядки бѣжали облака. Не спала природа, точно боялась проспать лучшія мгновенія своей жизни.

Я шелъ по узкой тропинкѣ у самаго края желѣзнодорожной насыпи. Лунный свѣтъ скользилъ по рельсамъ, на которыхъ уже лежала роса. Большія тѣни отъ облаковъ то и дѣло пробѣгали по насыпи. Далеко впереди покойно горѣлъ тусклый, зеленый огонекъ.

«Значитъ, все благополучно»... думалъ я, глядя на него.

На душѣ у меня было тихо, покойно и благополучно. Шелъ я со свиданія, спѣшить мнѣ было некуда, спать не хотѣлось, а здоровье и молодость чувствовались въ каж-

домъ вздохѣ, въ каждомъ моемъ шагѣ, глухо раздававшемся въ однообразномъ гулѣ ночи. Не помню, что я тогда чувствовалъ, но помню, что мнѣ было хорошо, очень хорошо!

Пройдя не больше версты, я вдругъ услышалъ позади себя однозвучный, похожій на журчанье большого ручья, рокотъ. Съ каждой секундой онъ становился все громче и громче и слышался все ближе и ближе. Я оглянулся: въ ста шагахъ отъ меня темнѣла роща, изъ которой я только что вышелъ; тамъ насыпь красивымъ полукругомъ поворачивала направо и исчезала въ деревьяхъ. Я остановился въ недоумѣніи и сталъ ждать. Тотчасъ же на поворотѣ показалось большое, черное тѣло, которое съ шумомъ понеслось по направленію ко мнѣ и съ быстротою птицы пролетѣло возлѣ меня, по рельсамъ. Прошло меньше чѣмъ полминуты, и пятно исчезло, рокотъ смѣшался съ гуломъ ночи.

Это былъ обыкновенный товарный вагонъ. Самъ по себѣ онъ не представлялъ ничего особеннаго, но появленіе его одного, безъ локомотива, да еще ночью, меня озадачило. Откуда онъ могъ взяться и какія силы мчали его съ такой страшной быстротой по рельсамъ? Откуда и куда онъ летѣлъ?

Будь я съ предразсудками, я порѣшилъ бы, что это черти и вѣдьмы покатили на шабашъ, и пошелъ бы далѣе, но теперь это явленіе было для меня рѣшительно необъяснимо. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ и путался въ догадкахъ, какъ муха въ паутинѣ...

Я вдругъ почувствовалъ, что я одинокъ, одинъ какъ перстъ на всемъ громадномъ пространствѣ, что ночь, которая казалась уже нелюдимой, засматриваетъ мнѣ въ лицо и сторожитъ мои шаги; всѣ звуки, крики птицъ и шопотъ деревьевъ казались уже зловѣщими, существующими только для того, чтобы пугать мое воображеніе. Я какъ сумасшедшій рванулся съ мѣста и, не отдавая себѣ отчета, побѣ-

жалъ, стараясь бѣжать быстрѣй и быстрѣй. И тотчасъ же я услышалъ то, на что раньше не обращалъ вниманія, а именно жалобный стонъ телеграфныхъ проволокъ.

— Чортъ знаетъ что!—стыдилъ я себя.—Это малодушіе, глупо!..

Но малодушіе сильнѣе здраваго смысла. Я укоротилъ свои шаги только, когда добѣжалъ до зеленаго огонька, гдѣ увидѣлъ темную желѣзнодорожную будку и возлѣ нея на насыпи человѣческую фигуру, вѣроятно, сторожа.

— Ты видѣлъ?—спросилъ я, задыхаясь.

— Кого? Чаво ты?

— Тутъ вагонъ пробѣжалъ!..

— Видалъ...—проговорилъ мужикъ нехотя.—Отъ товарнаго поѣзда оторвался. На сто двадцать первой верстѣ уклонъ... на гору поѣздъ-тащитъ. Цѣпи въ заднемъ вагонѣ не выдержали, ну онъ оторвался и назадъ... Поди теперь, догоняй!.

Странное явленіе было объяснено и фантастичность его исчезла. Страхъ пропалъ, и я могъ продолжать путь дальше.

Третій хорошій страхъ мнѣ пришлось испытать, когда я однажды ранней весною возвращался съ тяги. Были вечернія сумерки. Лѣсная дорога была покрыта лужами отъ только что бывшаго дождя, и почва всхлипывала подъ ногами. Багровая заря сквозила черезъ весь лѣсъ, крася бѣлые стволы березъ и молодую листву. Я былъ утомленъ и едва двигался.

Верстахъ въ 5—6 отъ дома, проходя лѣсной дорогой, я неожиданно встрѣтился съ большой черной собакой изъ породы водолазовъ. Пробѣгая мимо, песъ пристально посмотрѣлъ на меня, прямо мнѣ въ лицо и побѣжалъ дальше.

«Хорошая собака...» подумалъ я,—«чья она?»

Я оглянулся. Песъ стоялъ въ десяти шагахъ и не отрывалъ глазъ отъ меня. Минуту мы, молча, разсматривали

другъ друга, затѣмъ песъ, вѣроятно польщенный моимъ вниманіемъ, медленно подошелъ ко мнѣ и замахалъ хвостомъ...

Я пошелъ дальше. Песъ за мной.

«Чья эта собака?» спрашивалъ я себя.» Откуда?»

За 30—40 верстъ я зналъ всѣхъ помѣщиковъ и зналъ ихъ собакъ. Ни у одного изъ нихъ не было такого водолаза. Откуда же онъ могъ взяться здѣсь въ глухомъ лѣсу, на дорогѣ, по которой никто никогда не ѣздилъ и только возили дрова? Отстать отъ какого-нибудь проѣзжаго онъ едва ли могъ, потому что по этой дорогѣ проѣзжать барамъ было некуда.

Я сѣлъ на пень отдохнуть и началъ разсматривать своего спутника. Онъ тоже сѣлъ, поднялъ голову и устремилъ на меня пристальный взоръ... Онъ глядѣлъ и не моргалъ. Не знаю, подъ вліяніемъ ли тишины, лѣсныхъ тѣней и звуковъ, или, быть-можетъ, вслѣдствіе утомленія, отъ пристальнаго взгляда обыкновенныхъ собачьихъ глазъ мнѣ стало вдругъ жутко. Я вспомнилъ про Фауста и его бульдога и про то, что нервные люди иногда вслѣдствіе утомленія бываютъ подвержены галлюцинаціямъ. Достаточно было этого, чтобы я быстро поднялся и быстро пошелъ дальше. Водолазъ за мной...

— Пошелъ прочь!—крикнулъ я.

Псу, вѣроятно, понравился мой голосъ, потому что онъ весело подпрыгнулъ и побѣжалъ впереди меня.

— Пошелъ прочь!—крикнулъ я еще разъ.

Песъ оглянулся, пристально поглядѣлъ на меня и весело замахалъ хвостомъ. Очевидно, его забавлялъ мой грозный тонъ. Мнѣ бы слѣдовало приласкать его, но Фаустовскій бульдогъ не выходилъ изъ моей головы, и чувство страха становилось все острѣй и острѣй... Наступали потемки, которыя меня окончательно смутили, и я всякій разъ, когда

песъ подбѣгалъ ко мнѣ и билъ меня своимъ хвостомъ, малодушно закрывалъ глаза. Повторилась та же исторія, что съ огонькомъ въ колокольнѣ и съ вагономъ: я не выдержалъ и побѣжалъ...

Дома у себя я засталъ гостя, стараго пріятеля, который, поздоровавшись, началъ мнѣ жаловаться, что пока онъ ѣхалъ ко мнѣ, то заблудился въ лѣсу, и у него отстала хорошая, дорогая собака.

ПОСЛѢ ТЕАТРА.

Надя Зеленина, вернувшись съ мамой изъ театра, гдѣ давали «Евгенія Онѣгина», и придя къ себѣ въ комнату, быстро сбросила платье, распустила косу и въ одной юбкѣ и въ бѣлой кофточкѣ поскорѣе сѣла за столъ, чтобы написать такое письмо, какъ Татьяна.

«Я люблю васъ,—написала она,—но вы меня не любите, не любите!»

Написала и засмѣялась.

Ей было только шестнадцать лѣтъ и она еще никого не любила. Она знала, что ее любятъ офицеръ Горный и студентъ Груздевъ, но теперь, послѣ оперы, ей хотѣлось сомнѣваться въ ихъ любви. Быть нелюбимой и несчастной—какъ это интересно! Въ томъ, когда одинъ любитъ больше, а другой равнодушенъ, есть что-то красивое, трогательное и поэтическое. Онѣгинъ интересенъ тѣмъ, что совсѣмъ не любитъ, а Татьяна очаровательна, потому что очень любитъ, и если бы они одинаково любили другъ друга и были счастливы, то, пожалуй, показались бы скучными.

«Перестаньте же увѣрять, что вы меня любите,—продолжала Надя писать, думая объ офицерѣ Горномъ.—Повѣрить вамъ я не могу. Вы очень умны, образованы, серьезны, у

васъ громадный талантъ и, быть-можетъ, васъ ожидаетъ блестящая будущность, а я не интересная, ничтожная дѣвушка, и вы сами отлично знаете, что въ вашей жизни я буду только помѣхой. Правда, вы увлеклись мною и вы думали, что встрѣтили во мнѣ вашъ идеалъ, но это была ошибка и вы теперь уже спрашиваете себя въ отчаяніи: зачѣмъ я встрѣтилъ эту дѣвушку? И только ваша доброта мѣшаетъ вамъ сознаться въ этомъ!..»

Надѣ стало жаль себя, она заплакала и продолжала:

«Мнѣ тяжело оставить маму и брата, а то бы я надѣла монашескую рясу и ушла, куда глаза глядятъ. А вы бы стали свободны и полюбили другую. Ахъ, если бы я умерла!»

Сквозь слезы нельзя было разобрать написаннаго; на столѣ, на полу и на потолкѣ дрожали короткія радуги, какъ будто Надя смотрѣла сквозь призму. Писать было нельзя, она откинулась на спинку кресла и стала думать о Горномъ.

Боже мой, какъ интересны, какъ обаятельны мужчины! Надя вспомнила, какое прекрасное выраженіе, заискивающее, виноватое и мягкое, бываетъ у офицера, когда съ нимъ спорятъ о музыкѣ, и какія при этомъ онъ дѣлаетъ усилія надъ собой, чтобы его голосъ не звучалъ страстно. Въ обществѣ, гдѣ холодное высокомѣріе и равнодушіе считаются признакомъ хорошаго воспитанія и благороднаго нрава, слѣдуетъ прятать свою страсть. И онъ прячетъ, но это ему не удается, и всѣ отлично знаютъ, что онъ страстно любитъ музыку. Безконечные споры о музыкѣ, смѣлыя сужденія людей не понимающихъ, держатъ его въ постоянномъ напряженіи, онъ напуганъ, робокъ, молчаливъ. Играетъ онъ на роялѣ великолѣпно, какъ настоящій піанистъ, и если бы онъ не былъ офицеромъ, то навѣрное былъ бы знаменитымъ музыкантомъ.

Слезы высохли на глазахъ. Надя вспомнила, что Горный объяснился ей въ любви въ симфоническомъ собраніи

и потомъ внизу около вѣшалокъ, когда со всѣхъ сторонъ дулъ сквозной вѣтеръ.

«Я очень рада, что вы, наконецъ, познакомились со студентомъ Груздевымъ,—продолжала она писать.—Онъ очень умный человѣкъ и вы, навѣрное, его полюбите. Вчера онъ былъ у насъ и просидѣлъ до двухъ часовъ. Всѣ мы были въ восторгѣ и я жалѣла, что вы не пріѣхали къ намъ. Онъ говорилъ много замѣчательнаго».

Надя положила на столъ руки и склонила на нихъ голову, и ея волосы закрыли письмо. Она вспомнила, что студентъ Груздевъ тоже любитъ ее и что онъ имѣетъ такое же право на ея письмо, какъ и Горный. Въ самомъ дѣлѣ, не написать ли лучше Груздеву? Безъ всякой причины въ груди ея шевельнулась радость: сначала радость была маленькая и каталась въ груди, какъ резиновый мячикъ, потомъ она стала шире, больше и хлынула какъ волна. Надя уже забыла про Горнаго и Груздева, мысли ея путались, а радость все росла и росла, изъ груди она пошла въ руки и въ ноги, и казалось, будто легкій прохладный вѣтерокъ подулъ на голову и зашевелилъ волосами. Плечи ея задрожали отъ тихаго смѣха, задрожалъ и столъ, и стекло на лампѣ, и на письмо брызнули изъ глазъ слезы. Она была не въ силахъ остановить этого смѣха и, чтобы показать самой себѣ, что она смѣется не безъ причины, она спѣшила вспомнить что-нибудь смѣшное.

— Какой смѣшной пудель! — проговорила она, чувствуя, что ей становится душно отъ смѣха. — Какой смѣшной пудель!

Она вспомнила, какъ Груздевъ вчера послѣ чаю шалилъ съ пуделемъ Максимомъ и потомъ разсказалъ про одного очень умнаго пуделя, который погнался на дворѣ за вороном, а воронъ оглянулся на него и сказалъ.

— Ахъ, ты, мошенникъ!

Пудель, не знавшій, что онъ имѣетъ дѣло съ ученымъ

вороном, страшно сконфузился и отступилъ въ недоумѣніи, потомъ сталъ лаять.

— Нѣтъ, буду лучше любить Груздева, — рѣшила Надя и разорвала письмо.

Она стала думать о студентѣ, объ его любви, о своей любви, но выходило такъ, что мысли въ головѣ расплывались и она думала обо всемъ: о мамѣ, объ улицѣ, о карандашѣ, о роялѣ... Думала она съ радостью и находила, что все хорошо, великолѣпно, а радость говорила ей, что это еще не все, что немного погодя будетъ еще лучше. Скоро весна, лѣто, ѣхать съ мамой въ Горбики, пріѣдетъ въ отпускъ Горный, будетъ гулять съ нею по саду и ухаживать. Пріѣдетъ и Груздевъ. Онъ будетъ играть съ нею въ крокетъ и въ кегли, разсказывать ей смѣшныя, или удивительныя вещи. Ей страстно захотѣлось сада, темноты, чистаго неба, звѣздъ. Опять ея плечи задрожали отъ смѣха и показалось ей, что въ комнатѣ запахло полынью и будто въ окно ударила вѣтка.

Она пошла къ себѣ на постель, сѣла и, не зная, что дѣлать со своею большою радостью, которая томила ее, смотрѣла на образъ, висѣвшій на спинкѣ ея кровати, и говорила:

— Господи! Господи! Господи!

НЕНАСТЬЕ.

Въ темныя окна стучали крупныя дождевыя капли. Это былъ одинъ изъ тѣхъ противныхъ дачныхъ дождей, которые, обыкновенно, разъ начавшись, тянутся долго, по недѣлямъ, пока озябнувшій дачникъ, привыкнувъ, не погружается въ совершенную апатію. Было холодно, чувствовалась рѣзкая, непріятная сырость. Теща присяжнаго повѣреннаго Квашина и его жена, Надежда Филипповна, одѣтыя въ ватерпруфы и шали, сидѣли въ столовой за обѣденнымъ столомъ. На лицѣ старухи было написано, что она, слава Богу, сыта, одѣта, здорова, выдала единственную дочку за хорошаго человѣка и теперь со спокойною совѣстью можетъ раскладывать пасьянсъ; дочь ея, небольшая, полная блондинка лѣтъ двадцати, съ кроткимъ, малокровнымъ лицомъ, поставивъ локти на столъ, читала книгу; судя по глазамъ, она не столько читала, сколько думала свои собственныя мысли, которыхъ не было въ книгѣ. Обѣ молчали. Слышался шумъ дождя и изъ кухни доносились протяжные зѣвки кухарки.

Самого Квашина не было дома. Въ дождливые дни онъ не пріѣзжалъ на дачу, оставался въ городѣ; сырая дачная погода дурно вліяла на его бронхитъ и мѣшала работать. Онъ держался того мнѣнія, что видъ сѣраго неба и дожде-

выя слезы на окнахъ отнимаютъ энергію и нагоняютъ хандру. Въ городѣ же, гдѣ больше комфорта, ненастье почти не замѣтно.

Послѣ двухъ пасьянсовъ старуха смѣшала карты и взглянула на дочь.

— Я загадывала, будетъ ли завтра хорошая погода и пріѣдетъ ли нашъ Алексѣй Степанычъ, — сказала она. — Ужъ пятый день, какъ его нѣтъ... Наказалъ Богъ погодой...

Надежда Филипповна равнодушно поглядѣла на мать, встала и прошлась изъ угла въ уголъ.

— Вчера барометръ поднимался, — сказала она въ раздумьѣ,—а сегодня, говорятъ, опять падаетъ.

Старуха разложила карты въ три длинныхъ ряда и покачала головой.

— Соскучилась?—спросила она, взглянувъ на дочь.

— Конечно!

— То-то я вижу. Какъ не соскучиться? Ужъ пятый день его нѣтъ. Бывало, въ маѣ, самое большое два дня, ну три, а теперь — шутка ли? — пятый день! Я ему не жена и то соскучилась. А вчера, какъ сказали мнѣ, что барометръ поднимается, я для него, для Алексѣя Степаныча-то, велѣла цыпленка зарѣзать и карасей почистить. Любитъ онъ. Покойный твой отецъ видѣть рыбы не могъ, а онъ любитъ. Всегда съ аппетитомъ кушаетъ.

— У меня за него сердце болитъ,—сказала дочь.—Намъ скучно, а вѣдь ему, мама, еще скучнѣе.

— Еще бы! День-денской по судамъ, а ночью, какъ сычъ, одинъ въ пустой квартирѣ.

— И что ужасно, мама, онъ тамъ одинъ, безъ прислуги, некому самоваръ поставить или воды подать. Почему бы не нанять на лѣтніе мѣсяцы лакея? Да и вообще къ чему эта дача, если онъ не любитъ? Говорила ему—не нужно, такъ нѣтъ. «Для твоего, говоритъ, здоровья». А какое мое

здоровье? Я и болѣю-то оттого, что онъ изъ-за меня такія муки терпитъ.

Глядя черезъ плечо матери, дочь замѣтила ошибку въ пасьянсѣ, нагнулась къ столу и стала поправлять. Наступило молчаніе. Обѣ глядѣли въ карты и воображали себѣ, какъ ихъ Алексѣй Степанычъ одинъ-одинешенекъ сидитъ теперь въ городѣ, въ своемъ мрачномъ, пустомъ кабинетѣ и работаетъ, голодный, утомленный, тоскующій по семьѣ...

— А знаешь, что, мама? — сказала вдругъ Надежда Филипповна, и глаза ея засвѣтились. — Если завтра будетъ такая же погода, то я съ утреннимъ поѣздомъ поѣду къ нему въ городъ! По крайней мѣрѣ я хоть объ его здоровьѣ узнаю, погляжу на него, чаемъ его напою.

И обѣ стали удивляться, какъ эта мысль, такая простая и легко исполнимая, раньше не приходила имъ въ голову. До города всего полчаса ѣзды, да потомъ на извозчикѣ минутъ двадцать. Онѣ поговорили еще немного и, довольныя, легли спать, вмѣстѣ въ одной комнатѣ.

— Охо-хо-хо... Господи, прости насъ грѣшныхъ!—вздохнула старуха, когда часы въ залѣ пробили два. — Не спится!

— Ты не спишь, мама?—спросила дочь шопотомъ.—А я все объ Алешѣ думаю. Какъ бы онъ своего здоровья не испортилъ въ городѣ! Обѣдаетъ онъ и завтракаетъ Богъ знаетъ гдѣ, въ ресторанахъ, да въ трактирахъ.

— Я и сама объ этомъ думала, — вздохнула старуха. — Спаси и сохрани, Царица небесная. А дождь-то, дождь!

Утромъ дождь уже не стучалъ въ окна, но небо по-вчерашнему было сѣро. Деревья стояли печальныя и при каждомъ налетѣ вѣтра сыпали съ себя брызги. Слѣды человѣческихъ ногъ на грязныхъ тропинкахъ, канавки и колеи были полны воды. Надежда Филипповна рѣшила ѣхать.

— Кланяйся же ему,—говорила старуха, укутывая дочь.— Скажи, чтобъ не очень-то по своимъ судамъ... И отдохнуть

надо. Пускай, когда на улицу выходитъ, шею кутаетъ: погода—спаси Богъ! Да возьми ему туда цыпленка; домашнее, хоть и холодное, а все же лучше, чѣмъ въ трактирѣ.

Дочь уѣхала, сказавъ, что вернется съ вечернимъ поѣздомъ или завтра утромъ.

Но вернулась она гораздо раньше, передъ обѣдомъ, когда старуха сидѣла у себя въ спальнѣ на сундукѣ и, подремывая, придумывала, что бы такое изжарить къ вечеру для зятя.

Дочь, войдя къ ней въ комнату, блѣдная, разстроенная, и не сказавъ ни слова, не снимая шляпы, опустилась на постель и прислонилась головой къ подушкѣ.

— Да что съ тобой?—изумилась старуха.—Отчего такъ скоро? Алексѣй Степанычъ гдѣ?

Надежда Филипповна подняла голову и сухими, умоляющими глазами поглядѣла на мать.

— Онъ обманываетъ насъ, мама!—проговорила она.

— Да что ты, Христосъ съ тобой! — испугалась старуха и съ ея головы сползъ чепецъ.—Кто станетъ насъ съ тобой обманывать? Помилуй, Господи!

— Онъ обманываетъ насъ, мама!—повторила дочь, и подбородокъ у нея задрожалъ.

— Откуда ты взяла?—крикнула старуха, блѣднѣя.

— Наша квартира заперта. Дворникъ говоритъ, что въ эти пять дней Алеша ни разу домой не приходилъ. Онъ не дома живетъ! Не дома! Не дома!

Она замахала руками и громко заплакала, произнося только:

— Не дома! Не дома!

Съ нею сдѣлалась истерика.

— Что же это такое? — бормотала старуха въ ужасѣ. — Вѣдь онъ же писалъ третьяго дня, что изъ дому не выходитъ! Ночуетъ онъ гдѣ? Святители-угодники!

Надежда Филипповна ослабѣла и не могла даже снять съ

себя шляпу. Точно ей дали дурману, она безсмысленно поводила глазами и судорожно хватала мать за руки.

— Нашла кому повѣрить: дворнику! — говорила старуха, суетясь около дочери и плача.—Экая ревнивая! Не станетъ онъ обманывать... Да и какъ онъ смѣетъ обманывать? Развѣ мы какія-нибудь? Мы хоть и купеческаго званія, а онъ не имѣетъ права, потому что ты ему законная жена! Мы жаловаться можемъ! Я за тобой двадцать тысячъ дала! Ты не безприданница!

И старуха сама разрыдалась и махнула рукой, и тоже ослабѣла, и легла на свой сундукъ. Обѣ онѣ не замѣтили, какъ на небѣ показались голубыя пятна, разрѣдились облака, какъ въ саду по мокрой травѣ осторожно скользнулъ первый лучъ, какъ повеселѣвшіе воробьи запрыгали около лужъ, въ которыхъ отражались бѣгущія облака.

Къ вечеру пріѣхалъ Квашинъ. Передъ выѣздомъ изъ города онъ побывалъ у себя на квартирѣ и узналъ отъ дворника, что въ его отсутствіе пріѣзжала жена.

— А вотъ и я!—сказалъ онъ весело, входя въ комнату тещи и дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ заплаканныхъ, суровыхъ лицъ. — А вотъ и я! Пять сутокъ не видались!

Онъ быстро поцѣловалъ руки женѣ и тещѣ и, съ видомъ человѣка, который радъ, что покончилъ съ тяжелой работой, повалился въ кресло.

— Уфъ!—сказалъ онъ, выпуская изъ легкихъ весь воздухъ.— То-есть, вотъ какъ замучился! Едва сижу! Почти пять сутокъ... день и ночь жилъ, какъ на бивуакахъ! На квартирѣ ни разу не былъ, можете себѣ представить! Все время возился съ конкурсомъ Шипунова и Иванчикова, пришлось работать у Галдѣева, въ его конторѣ, при магазинѣ... Не ѣлъ, не пилъ, спалъ на какой-то скамейкѣ, весь иззябся... Минуты свободной не было, некогда было даже у себя на квартирѣ побывать. Такъ, Надюша, я и не былъ дома...

И Квашинъ, держась за бока, точно у него отъ работы болѣла поясница, искоса поглядѣлъ на жену и тещу, чтобы узнать, какъ подѣйствовала его ложь, или, какъ онъ самъ называлъ, дипломатія. Теща и жена поглядывали другъ на друга съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто нежданно-негаданно нашли драгоцѣнность, которую потеряли... Лица у нихъ сіяли, глаза горѣли...

— Голубчикъ ты мой, — заговорила теща, вскакивая, — что же это я сижу? Чаю! Скорѣй чаю! Можетъ, ѣсть хочешь?

— Конечно, хочетъ! — сказала жена, срывая съ своей головы платокъ, смоченный въ уксусѣ. — Мама, подавайте скорѣй вино и закуску! Наталья, собирай на столъ! Ахъ, Боже мой, ничего не готово!

И обѣ, испуганныя, счастливыя, засуетились, забѣгали по комнатамъ. Старуха не могла уже безъ смѣха глядѣть на дочь, которая оклеветала ни въ чемъ неповиннаго человѣка, а дочери было совѣстно...

Скоро столъ былъ накрытъ. Квашинъ, отъ котораго пахло мадерой и ликерами, и который еле дышалъ отъ сытости, жаловался на голодъ, насильно жевалъ и все говорилъ про конкурсъ Шипунова и Иванчикова, а жена и теща не отрывали глазъ отъ его лица и думали:

«Какой онъ у насъ умный, ласковый! Какой онъ красивый!»

«Важно!» думалъ Квашинъ, ложась послѣ ужина на большую, пухлую перину.—«Хоть и купчихи онѣ, хоть Азія, а все же есть своеобразная прелесть, и день-два въ недѣлю можно провести здѣсь со вкусомъ...»

Онъ укрылся, согрѣлся и проговорилъ, засыпая:

— Важно!

ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ.

У регента соборной церкви Градусова сидѣлъ адвокатъ Калякинъ и, вертя въ рукахъ повѣстку отъ мирового на имя Градусова, говорилъ:

— Что ни говорите, Досифей Петровичъ, а вы виноваты-съ. Я уважаю васъ, цѣню ваше расположеніе, но при всемъ томъ съ прискорбіемъ долженъ вамъ замѣтить, что вы были неправы. Да-съ, неправы. Вы оскорбили моего кліента Деревяшкина... Ну, за что вы его оскорбили?

— Кой чортъ его оскорблялъ? — горячился Градусовъ, высокій старикъ съ узкимъ, мало обѣщающимъ лбомъ, густыми бровями и съ бронзовой медалькой въ петлицѣ. — Я ему только мораль нравственную прочелъ, только! Дураковъ нужно учить! Ежели дураковъ не учить, то тогда отъ нихъ прохода не будетъ.

— Но, Досифей Петровичъ, вы ему не наставленіе прочли. Вы, какъ заявляетъ онъ въ своемъ прошеніи, публично тыкали на него, называли его осломъ, мерзавцемъ и тому подобное... и даже разъ подняли руку, какъ бы желая нанести ему оскорбленіе дѣйствіемъ.

— Какъ же его не бить, ежели онъ того стоитъ? Не понимаю!

— Но поймите же, что вы не имѣете на это никакого права!

— Я не имѣю права? Ну, ужъ это извините-съ... Подите кому другому разсказывайте, а меня не морочьте, сдѣлайте милость. Онъ у меня послѣ того, какъ его изъ архіерейскаго хора честью по шеѣ попросили, въ моемъ хорѣ десять лѣтъ прослужилъ. Я ему благодѣтель, ежели желаете знать. Ежели онъ сердится, что я его изъ хора прогналъ, то самъ же онъ виноватъ. Я его за философію прогналъ. Философствовать можетъ только образованный человѣкъ, который курсъ кончилъ, а ежели ты дуракъ, не высокаго ума, то ты сиди себѣ въ уголку и молчи... Молчи да слушай, какъ умные говорятъ, а онъ, болванъ, бывало такъ и норовитъ, чтобъ что-нибудь этакое запустить. Тутъ спѣвка, или обѣдня идетъ, а онъ про Бисмарка, да про разныхъ тамъ Гладстоновъ. Вѣрите ли, газету, каналья, выписывалъ! А сколько разъ я его за русско-турецкую войну по зубамъ билъ, такъ вы себѣ представить не можете! Тутъ нужно пѣть, а онъ наклонится къ тенорамъ, да и давай имъ разсказывать про то, какъ наши динамитомъ турецкій броненосецъ «Люфти-Джелилъ» взорвали... Нешто это порядокъ? Конечно, пріятно, что наши побѣдили, но изъ этого не слѣдуетъ, что пѣть не надо... Можешь и послѣ обѣдни поговорить. Свинья, однимъ словомъ.

— Стало-быть, вы и прежде его оскорбляли!

— Прежде онъ и не обижался. Чувствовалъ, что я это для его же пользы, понималъ!.. Зналъ, что старшимъ и благодѣтелямъ грѣхъ прекословить, а какъ въ полицію въ писаря поступилъ—ну, и шабашъ, зазнался, пересталъ понимать. Я, говоритъ, теперь не пѣвчій, а чиновникъ. На коллежскаго регистратора, говоритъ, экзаменъ держать буду. Ну, и дуракъ, говорю... Поменьше бы ты, говорю, философію разводилъ, да почаще бы носъ утиралъ, такъ это лучше было бы, чѣмъ о чинахъ думать. Тебѣ, говорю, не чины

свойственны, а убожество. И слушать не хочетъ! Да вотъ хоть бы взять этотъ случай,—за что онъ на меня мировому подалъ? Ну, не хамово ли отродье? Сижу я въ трактирѣ Самоплюева и съ нашимъ церковнымъ старостой чай пью. Публики тьма, ни одного свободнаго мѣста... Гляжу, и онъ сидитъ тутъ же, со своими писарями пиво трескаетъ. Франтъ такой, морду поднялъ, оретъ... руками размахиваетъ... Прислушиваюсь — про холеру говоритъ... Ну, что вы съ нимъ тутъ подѣлаете? Философствуетъ! Я, знаете ли, молчу, терплю... Болтай, думаю, болтай... Языкъ безъ костей... Вдругъ на бѣду машина заиграла... Расчувствовался онъ, хамъ, поднялся и говоритъ своимъ пріятелямъ: «Выпьемъ, говоритъ, за процвѣтаніе! Я, говоритъ, сынъ своего отечества и славянофилъ своей родины! Положу свою единственную грудь! Выходите, враги, на одну руку! Кто со мной не согласенъ, того я желаю видѣть!» И какъ стукнетъ кулакомъ по столу! Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ... Подхожу къ нему и говорю деликатно: «Послушай, Осипъ... Ежели ты, свинья, ничего не понимаешь, то лучше молчи и не разсуждай: Образованный человѣкъ можетъ умствовать, а ты смирись. Ты тля, пепелъ...» Я ему слово, онъ мнѣ десять... Пошло и пошло... Я ему, конечно, на пользу, а онъ по глупости... Обидѣлся—вотъ и подалъ мировому...

— Да,—вздохнулъ Калякинъ.—Плохо... Изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ и чортъ знаетъ что вышло. Человѣкъ вы семейный, уважаемый, а тутъ судъ этотъ, разговоры, перетолки, арестъ... Покончить это дѣло нужно, Досифей Петровичъ. Есть у васъ одинъ выходъ, на который соглашается и Деревяшкинъ. Вы пойдете сегодня со мной въ трактиръ Самоплюева въ шесть часовъ, когда собираются тамъ писаря, актеры и прочая публика, при которой вы оскорбили его, и извинитесь передъ нимъ. Тогда онъ возьметъ свое прошеніе назадъ. Поняли? Полагаю, что вы согласитесь, Досифей Петровичъ... Говорю вамъ, какъ другу...

Вы оскорбили Деревяшкина, осрамили его, а главное заподозрили его похвальныя чувства и даже... профанировали эти чувства. Въ наше время, знаете ли, нельзя такъ. Надо поосторожнѣй. Вашимъ словамъ приданъ оттѣнокъ этакій, какъ бы вамъ сказать, который въ наше время, однимъ словомъ, не того... Сейчасъ безъ четверти шесть... Угодно вамъ идти со мной?

Градусовъ замоталъ головой, но когда Калякинъ нарисовалъ ему въ яркихъ краскахъ «оттѣнокъ», приданный его словамъ, и могущія быть отъ этого оттѣнка послѣдствія, Градусовъ струсилъ и согласился.

— Вы смотрите же, извинитесь, какъ слѣдуетъ, по формѣ,—училъ его адвокатъ по пути въ трактиръ.—Подойдите къ нему и на «вы»... «извините... беру свои слова назадъ» и прочее тому подобное.

Прійдя въ трактиръ, Градусовъ и Калякинъ нашли въ немъ цѣлое сборище. Тутъ сидѣли купцы, актеры, чиновники, полицейскіе писаря — вообще вся «шваль», имѣвшая обыкновеніе собираться въ трактирѣ по вечерамъ, пить чай и пиво. Между писарями сидѣлъ и самъ Деревяшкинъ, малый неопредѣленнаго возраста, бритый, съ большими не моргающими глазами, придавленнымъ носомъ и такими жесткими волосами, что, при взглядѣ на нихъ, являлось желаніе чистить сапоги... Его лицо было такъ счастливо устроено, что разъ взглянувши на него, можно было узнать все: что онъ и пьяница, и поетъ басомъ, и глупъ, но не настолько, чтобъ не считать себя очень умнымъ человѣкомъ. Увидѣвъ входящаго регента, онъ приподнялся и какъ котъ пошевелилъ усами. Сборище, повидимому предувѣдомленное о томъ, что будетъ публичное покаяніе, навострило уши.

— Вотъ... Господинъ Градусовъ согласенъ!—сказалъ Калякинъ, входя.

Регентъ кое-съ-кѣмъ поздоровался, громко высморкался, покраснѣлъ и подошелъ къ Деревяшкину.

— Извините... — забормоталъ онъ, не глядя на него и пряча въ карманъ платокъ.—При всемъ обществѣ беру свои слова назадъ.

— Извиняю! — пробасилъ Деревяшкинъ и, побѣдоносно взглянувъ на всю публику, сѣлъ.—Я удовлетворенъ! Господинъ адвокатъ, прошу прекратить мое дѣло!

— Я извиняюсь, — продолжалъ Градусовъ. — Извините... Не люблю неудовольствій... Хочешь, чтобъ я тебѣ «вы» говорилъ, изволь, буду... Хочешь, чтобъ я тебя за умнаго почиталъ, изволь... Мнѣ наплевать... Я, братъ, не злопамятенъ. Шутъ съ тобой...

— Да вы позвольте-съ! Вы извиняйтесь, а не ругайтесь!

— Какъ же мнѣ еще извиняться? Я извиняюсь! Только что вотъ не «выкнулъ», такъ это по забывчивости. Не на колѣнки же мнѣ становиться... Извиняюсь и даже благодарю Бога, что у тебя хватило ума это дѣло прекратить. Мнѣ некогда по судамъ шляться... Вѣкъ я не судился, судиться не буду и тебѣ не совѣтую... вамъ то-есть...

— Конечно! Не желаете ли выпить для санстефанскаго миру?

— И выпить можно... Только ты, братъ, Осипъ, свинья... Это я не то что ругаюсь, а такъ... къ примѣру... Свинья, братъ! Помнишь, какъ ты у меня въ ногахъ валялся, когда тебя изъ архіерейскаго хора по шеѣ? А? И ты смѣешь на благодѣтеля жалобу подавать? Рыло ты, рыло! И тебѣ не стыдно? Господа посѣтители, и ему не стыдно?

— Позвольте-съ! Это опять выходитъ ругательство!

— Какое ругательство? Я тебѣ только говорю, наставляю... Помирился и въ послѣдній разъ говорю, я ругаться не думаю... Стану я съ тобой, съ лѣшимъ, связываться послѣ того, какъ ты на своего благодѣтеля жалобу подалъ! Да ну тебя къ чорту! И говорить съ тобой не желаю! А ежели я тебя сейчасъ свиньей нечаянно обозвалъ, такъ ты и есть свинья... Вмѣсто того, чтобъ за благодѣтеля вѣчно Бога

молить, что онъ тебя десять лѣтъ кормилъ да нотамъ выучилъ, ты жалобу глупую подаешь, да разныхъ чертей адвокатовъ подсылаешь.

— Позвольте же, Досифей Петровичъ,—обидѣлся Калякинъ. — Не черти у васъ были, а я былъ!.. Поосторожнѣй, прошу васъ!

— Да нешто я про васъ? Ходите хоть каждый день, милости просимъ. Только мнѣ удивительно, какъ это вы курсъ кончили, образованіе получили, а вмѣсто того, чтобъ этого индюка наставлять, руку его держите. Да я бы его на вашемъ мѣстѣ въ острогѣ сгноилъ! И потомъ, чего вы сердитесь? Вѣдь я извинялся? Чего же вамъ отъ меня еще нужно? Не понимаю! Господа посѣтители, вы будьте свидѣтелями, я извинялся, а извиняться въ другой разъ передъ какимъ-нибудь дуракомъ я не намѣренъ!

— Вы сами дуракъ!—прохрипѣлъ Осипъ и въ негодованіи ударилъ себя по груди.

— Я дуракъ? Я? И ты можешь мнѣ это говорить?..

Градусовъ побагровѣлъ и затрясся...

— И ты осмѣлился? На же тебѣ!.. И кромѣ того, что я тебѣ, подлецу, сейчасъ оплеуху далъ, я еще на тебя мировому подамъ! Я покажу тебѣ, какъ оскорблять! Господа, будьте свидѣтели! Господинъ околоточный, что же вы стоите тамъ и смотрите? Меня оскорбляютъ, а вы смотрите? Жалованье получаете, а какъ за порядкомъ смотрѣть, такъ и не ваше дѣло? А? Вы думаете, что на васъ и суда нѣтъ?

Къ Градусову подошелъ околоточный и—началась исторія.

Черезъ недѣлю Градусовъ стоялъ передъ мировымъ судьей и судился за оскорбленіе Деревяшкина, адвоката и околоточнаго надзирателя, при исполненіи послѣднимъ своихъ служебныхъ обязанностей. Сначала онъ не понималъ, истецъ онъ или обвиняемый, потомъ же, когда мировой приговорилъ его «по совокупности» къ двухмѣсячному аресту, то онъ горько улыбнулся и проворчалъ:

— Гм... Меня оскорбили, да я же еще и сидѣть долженъ... Удивленіе... Надо, господинъ мировой судья, по закону судить, а не умствуя. Ваша покойная маменька, Варвара Сергѣевна, дай Богъ ей царство небесное, такихъ, какъ Осипъ, сѣчь приказывала, а вы имъ поблажку даете... Что жъ изъ этого выйдетъ? Вы ихъ, шельмовъ, оправдаете, другой оправдаетъ... Куда же идти тогда жаловаться?

— Приговоръ можетъ быть обжалованъ въ двухнедѣльный срокъ... и прошу не разсуждать! Можете идти!

— Конечно... Нынче вѣдь на одно жалованье не проживешь,—проговорилъ Градусовъ и подмигнулъ значительно.— Поневолѣ, ежели кушать хочется, невиннаго въ кутузку засадишь... Это такъ... И винить нельзя...

— Что-съ?!

— Ничего-съ... Это я такъ... насчетъ хапенъ зи гевезенъ... Вы думаете, какъ вы въ золотой цѣпѣ, такъ на васъ и суда нѣтъ? Не безпокойтесь... Выведу на чистую воду!

Закипѣло дѣло «объ оскорбленіи судьи»; но вступился соборный протоіерей, и дѣло кое-какъ замяли

Перенося свое дѣло въ съѣздъ, Градусовъ былъ убѣжденъ, что не только его оправдаютъ, но даже Осипа посадятъ въ острогъ. Такъ онъ думалъ и во время самаго разбирательства. Стоя передъ судьями, онъ велъ себя миролюбиво, сдержанно, не говоря лишнихъ словъ. Разъ только, когда предсѣдатель предложилъ ему сѣсть, онъ обидѣлся и сказалъ:

— Нешто въ законахъ написано, чтобъ регентъ рядомъ со своимъ пѣвчимъ сидѣлъ?

А когда съѣздъ утвердилъ приговоръ мирового судьи, онъ прищурилъ глаза...

— Какъ-съ? Что-съ?—спросилъ онъ.—Это какъ же прикажете понимать-съ? Это вы о чемъ же-съ?

— Съѣздъ утвердилъ приговоръ мирового судьи. Если вы недовольны, то можете подавать въ сенатъ.

— Такъ-съ. Чувствительно васъ благодаримъ, ваше превосходительство, за скорый и праведный судъ. Конечно, на одно жалованье не проживешь, это я отлично понимаю, но извините-съ, мы и неподкупный судъ найдемъ.

Не стану приводить всего того, что̀ Градусовъ наговорилъ съѣзду... Въ настоящее время онъ судится за «оскорбленіе съѣзда», и слушать не хочетъ, когда знакомые стараются объяснить ему, что онъ виноватъ... Онъ убѣжденъ въ своей невинности и вѣруетъ, что рано или поздно ему скажутъ спасибо за открытыя имъ злоупотребленія.

— Ничего съ этимъ дуракомъ не подѣлаешь! — говоритъ соборный настоятель, безнадежно помахивая рукой. — Не понимаетъ!

БѢГЛЕЦЪ.

Это была длинная процедура. Сначала Пашка шелъ съ матерью подъ дождемъ, то по скошенному полю, то по лѣснымъ тропинкамъ, гдѣ къ его сапогамъ липли желтые листья, шелъ до тѣхъ поръ, пока не разсвѣло. Потомъ онъ часа два стоялъ въ темныхъ сѣняхъ и ждалъ, когда отопрутъ дверь. Въ сѣняхъ было не такъ холодно и сыро, какъ на дворѣ, но при вѣтрѣ и сюда залетали дождевые брызги. Когда сѣни мало-по-малу биткомъ набились народомъ, стиснутый Пашка припалъ лицомъ къ чьему-то тулупу, отъ котораго сильно пахло соленой рыбой, и вздремнулъ. Но вотъ щелкнула задвижка, дверь распахнулась и Пашка съ матерью вошелъ въ пріемную. Тутъ опять пришлось долго ждать. Всѣ больные сидѣли на скамьяхъ, не шевелились и молчали. Пашка оглядывалъ ихъ и тоже молчалъ, хотя видѣлъ много страннаго и смѣшного. Разъ только, когда въ пріемную, подпрыгивая на одной ногѣ, вошелъ какой-то парень, Пашкѣ самому захотѣлось также попрыгать; онъ толкнулъ мать подъ локоть, прыснулъ въ рукавъ и сказалъ:

— Мама, гляди: воробей!

— Молчи, дѣтка, молчи!—сказала мать.

Въ маленькомъ окошечкѣ показался заспанный фельдшеръ.

— Подходи записываться!—пробасилъ онъ.

Всѣ, въ томъ числѣ и смѣшной подпрыгивающій парень, потянулись къ окошечку. У каждаго фельдшеръ спрашивалъ имя и отчество, лѣта, мѣстожительство, давно ли боленъ и проч. Изъ отвѣтовъ своей матери Пашка узналъ, что зовутъ его не Пашкой, а Павломъ Галактіоновымъ, что ему семь лѣтъ, что онъ неграмотенъ и боленъ съ самой Пасхи.

Вскорѣ послѣ записыванія нужно было ненадолго встать; черезъ пріемную прошелъ докторъ въ бѣломъ фартукѣ и подпоясанный полотенцемъ. Проходя мимо подпрыгивающаго парня, онъ пожалъ плечами и сказалъ пѣвучимъ теноромъ:

— Ну, и дуракъ! Что жъ, развѣ не дуракъ? Я велѣлъ тебѣ придти въ понедѣльникъ, а ты приходишь въ пятницу. По мнѣ хоть вовсе не ходи, но вѣдь, дуракъ этакой, нога пропадетъ!

Парень сдѣлалъ такое жалостное лицо, какъ-будто собрался просить милостыню, заморгалъ и сказалъ:

— Сдѣлайте такую милость, Иванъ Миколаичъ!

— Тутъ нечего—Иванъ Миколаичъ!—передразнилъ докторъ.—Сказано въ понедѣльникъ, и надо слушаться. Дуракъ, вотъ и все...

Началась пріемка. Докторъ сидѣлъ у себя въ комнаткѣ и выкликалъ больныхъ по очереди. То и дѣло изъ комнатки слышались пронзительные вопли, дѣтскій плачъ, или сердитые возгласы доктора:

— Ну, что орешь? Рѣжу я тебя, что ли? Сиди смирно!

Настала очередь Пашки.

— Павелъ Галактіоновъ!—крикнулъ докторъ.

Мать обомлѣла, точно не ждала этого вызова, и, взявъ Пашку за руку, повела его въ комнатку. Докторъ сидѣлъ у стола и машинально стучалъ по толстой книгѣ молоточкомъ.

— Что болитъ?—спросилъ онъ, не глядя на вошедшихъ.

— У парнишки болячка на локтѣ, батюшка,—отвѣтила мать, и лицо ея приняло такое выраженіе, какъ-будто она въ самомъ дѣлѣ ужасно опечалена Пашкиной болячкой.

— Раздѣнь его!

Пашка, пыхтя, распуталъ на шеѣ платокъ, потомъ вытеръ рукавомъ носъ и сталъ не спѣша стаскивать тулупчикъ.

— Баба, не въ гости пришла!—сказалъ сердито докторъ.— Что возишься? Вѣдь ты у меня не одна тутъ.

Пашка торопливо сбросилъ тулупчикъ на землю и съ помощью матери снялъ рубаху... Докторъ лѣниво поглядѣлъ на него и похлопалъ его по голому животу.

— Важное, братъ Пашка, ты себѣ пузо отрастилъ,— сказалъ онъ и вздохнулъ.—Ну, показывай свой локоть.

Пашка покосился на тазъ съ кровяными помоями, поглядѣлъ на докторскій фартукъ и заплакалъ.

— Ме-е! — передразнилъ докторъ.—Женить пора баловника, а онъ реветъ! Безсовѣстный.

Стараясь не плакать, Пашка поглядѣлъ на мать, и въ этомъ его взглядѣ была написана просьба: «ты же не разсказывай дома, что я въ больницѣ плакалъ!»

Докторъ осмотрѣлъ его локоть, подавилъ, вздохнулъ, чмокнулъ губами, потомъ опять подавилъ.

— Бить тебя, баба, да некому,—сказалъ онъ.—Отчего ты раньше его не приводила? Рука-то вѣдь пропащая! Глядика-сь, дура, вѣдь это суставъ болитъ!

— Вамъ лучше знать, батюшка...—вздохнула баба.

— Батюшка... Сгноила парню руку, да теперь и батюшка. Какой онъ работникъ безъ руки? Вотъ вѣкъ цѣлый и будешь съ нимъ няньчиться. Небось, какъ у самой прыщъ на носу вскочитъ, такъ сейчасъ же въ больницу бѣжишь, а мальчишку полгода гноила. Всѣ вы такія.

Докторъ закурилъ папироску. Пока папироска дымила, онъ распекалъ бабу и покачивалъ головой въ тактъ пѣсни, которую напѣвалъ мысленно, и все думалъ о чемъ-то. Голый Пашка стоялъ передъ нимъ, слушалъ и глядѣлъ на дымъ. Когда же папироса потухла, докторъ встрепенулся и заговорилъ тономъ ниже:

— Ну, слушай, баба. Мазями да каплями тутъ не поможешь. Надо его въ больницѣ оставить.

— Ежели нужно, батюшка, то почему не оставить?

— Мы ему операцію сдѣлаемъ. А ты, Пашка, оставайся,— сказалъ докторъ, хлопая Пашку по плечу. — Пусть мать ѣдетъ, а мы съ тобой, братъ, тутъ останемся. У меня, братъ, хорошо, разлюли малина! Мы съ тобой, Пашка, вотъ какъ управимся, чижей пойдемъ ловить, я тебѣ лисицу покажу! Въ гости вмѣстѣ поѣдемъ! А? Хочешь? А мать за тобой завтра пріѣдетъ! А?

Пашка вопросительно поглядѣлъ на мать.

— Оставайся, дѣтка!—сказала та.

— Остается, остается! — весело закричалъ докторъ. — И толковать нечего! Я ему живую лисицу покажу! Поѣдемъ вмѣстѣ на ярмарку леденцы покупать! Марья Денисовна, сведите его наверхъ!

Докторъ, повидимому, веселый и покладистый малый, радъ былъ компаніи; Пашка захотѣлъ уважить его, тѣмъ болѣе, что отродясь не бывалъ на ярмаркѣ и охотно бы поглядѣлъ на живую лисицу, но какъ обойтись безъ матери? Подумавъ немного, онъ рѣшилъ попросить доктора оставить въ больницѣ и мать, но не успѣлъ онъ раскрыть рта, какъ фельдшерица уже вела его вверхъ по лѣстницѣ. Шелъ онъ и, разинувъ ротъ, глядѣлъ по сторонамъ. Лѣстница, полы и косяки—все громадное, прямое и яркое—были выкрашены въ великолѣпную желтую краску и издавали вкусный запахъ постнаго масла. Всюду висѣли лампы, тянулись половики, торчали въ стѣнахъ мѣдные краны. Но больше всего Пашкѣ понравилась кровать, на которую его посадили, и сѣрое шершавое одѣяло. Онъ потрогалъ руками подушки и одѣяло, оглядѣлъ палату и рѣшилъ, что доктору живется очень недурно.

Палата была не велика и состояла только изъ трехъ кроватей. Одна кровать стояла пустой, другая была занята

Пашкой, а на третьей сидѣлъ какой-то старикъ съ кислыми глазами, который все время кашлялъ и плевалъ въ кружку. Съ Пашкиной кровати видна была въ дверь часть другой палаты съ двумя кроватями: на одной спалъ какой-то очень блѣдный, тощій человѣкъ съ каучуковымъ пузыремъ на головѣ; на другой, разставивъ руки, сидѣлъ мужикъ съ повязанной головой, очень похожій на бабу.

Фельдшерица, усадивъ Пашку, вышла и немного погодя вернулась, держа въ охапкѣ кучу одежи.

— Это тебѣ,—сказала она.—Одѣвайся.

Пашка раздѣлся и не безъ удовольствія сталъ облачаться въ новое платье. Надѣвши рубаху, штаны и сѣрый халатикъ, онъ самодовольно оглядѣлъ себя и подумалъ, что въ такомъ костюмѣ недурно бы пройтись по деревнѣ. Его воображеніе нарисовало, какъ мать посылаетъ его на огородъ къ рѣкѣ нарвать для поросенка капустныхъ листьевъ; онъ идетъ, а мальчишки и дѣвчонки окружили его и съ завистью глядятъ на его халатикъ.

Въ палату вошла сидѣлка, держа въ рукахъ двѣ оловянныхъ миски, ложки и два куска хлѣба. Одну миску она поставила передъ старикомъ, другую—передъ Пашкой.

— Ѣшь!—сказала она.

Взглянувъ въ миску, Пашка увидѣлъ жирныя щи, а въ щахъ кусокъ мяса, и опять подумалъ, что доктору живется очень недурно и что докторъ вовсе не такъ сердитъ, какимъ показался сначала. Долго онъ ѣлъ щи, облизывая послѣ каждаго хлебка ложку, потомъ, когда, кромѣ мяса, въ мискѣ ничего не осталось, покосился на старика и позавидовалъ, что тотъ все еще хлебаетъ. Со вздохомъ онъ принялся за мясо, стараясь ѣсть его возможно дольше, но старанія его ни къ чему не привели: скоро исчезло и мясо. Остался только кусокъ хлѣба. Не вкусно ѣсть одинъ хлѣбъ безъ приправы, но дѣлать было нечего, Пашка подумалъ и съѣлъ хлѣбъ. Въ это время вошла сидѣлка съ но-

выми мисками. На этотъ разъ въ мискахъ было жаркое съ картофелемъ.

— А гдѣ же хлѣбъ-то?—спросила сидѣлка.

Вмѣсто отвѣта Пашка надулъ щеки и выдыхнулъ воздухъ.

— Ну, зачѣмъ сожралъ?—сказала укоризненно сидѣлка.— А съ чѣмъ же ты жаркое ѣсть будешь?

Она вышла и принесла новый кусокъ хлѣба. Пашка отродясь не ѣлъ жаренаго мяса и, испробовавъ его теперь, нашелъ, что оно очень вкусно. Исчезло оно быстро и послѣ него остался кусокъ хлѣба больше, чѣмъ послѣ щей. Старикъ, пообѣдавъ, спряталъ свой оставшійся хлѣбъ въ столикъ; Пашка хотѣлъ сдѣлать то же самое, но подумалъ и съѣлъ свой кусокъ.

Наѣвшись, онъ пошелъ прогуляться. Въ сосѣдней палатѣ, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ видѣлъ въ дверь, находилось еще четыре человѣка. Изъ нихъ только одинъ обратилъ на себя его вниманіе. Это былъ высокій, крайне исхудалый мужикъ съ угрюмымъ волосатымъ лицомъ; онъ сидѣлъ на кровати и все время, какъ маятникомъ, кивалъ головой и махалъ правой рукой. Пашка долго не отрывалъ отъ него глазъ. Сначала маятникообразныя, мѣрныя киванія мужика казались ему курьезными, производимыми для всеобщей потѣхи, но когда онъ вглядѣлся въ лицо мужика, ему стало жутко, и онъ понялъ что этотъ мужикъ нестерпимо боленъ. Пройдя въ третью палату. онъ увидѣлъ двухъ мужиковъ съ темно-красными лицами, точно вымазанными глиной. Они неподвижно сидѣли на кроватяхъ и со своими странными лицами, на которыхъ трудно было различить черты, походили на языческихъ божковъ.

— Тетка, зачѣмъ они такіе?—спросилъ Пашка у сидѣлки.

— У нихъ, парнишка, оспа.

Вернувшись къ себѣ въ палату, Пашка сѣлъ на кровать и сталъ дожидаться доктора, чтобы идти съ нимъ ловить

чижей или ѣхать на ярмарку. Но докторъ не шелъ. Въ дверяхъ сосѣдней палаты мелькнулъ не надолго фельдшеръ. Онъ нагнулся къ тому больному, у котораго на головѣ лежалъ мѣшокъ со льдомъ, и крикнулъ:

— Михайло!

Спавшій Михайло не шевельнулся. Фельдшеръ махнулъ рукой и ушелъ. Въ ожиданіи доктора, Пашка осматривалъ своего сосѣда-старика. Старикъ, не переставая, кашлялъ и плевалъ въ кружку; кашель у него былъ протяжный, скрипучій. Пашкѣ понравилась одна особенность старика: когда онъ, кашляя, вдыхалъ въ себя воздухъ, то въ груди его что-то свистѣло и пѣло на разные голоса.

— Дѣдъ, что это у тебя свиститъ?—спросилъ Пашка.

Старикъ ничего не отвѣтилъ. Пашка подождалъ немного и спросилъ:

— Дѣдъ, а гдѣ лисица?

— Какая лисица?

— Живая.

— Гдѣ-жъ ей быть? Въ лѣсу!

Прошло много времени, но докторъ все еще не являлся. Сидѣлка принесла чай и побранила Пашку за то, что онъ не оставилъ себѣ хлѣба къ чаю; приходилъ еще разъ фельдшеръ и принимался будить Михайлу; за окнами посинѣло, въ палатахъ зажглись огни, а докторъ не показывался. Было уже поздно ѣхать на ярмарку и ловить чижей; Пашка растянулся на постели и сталъ думать. Вспомнилъ онъ леденцы, обѣщанные докторомъ, лицо и голосъ матери, потемки въ своей избѣ, печку, ворчливую бабку Егоровну... и ему стало вдругъ скучно и грустно. Вспомнилъ онъ, что завтра мать придетъ за нимъ, улыбнулся и закрылъ глаза.

Его разбудилъ шорохъ. Въ сосѣдней палатѣ кто-то шагалъ и говорилъ полушопотомъ. При тускломъ свѣтѣ ночниковъ и лампадъ, возлѣ кровати Михайлы двигались три фигуры.

— Понесемъ съ кроватью, аль такъ?—спросила одна изъ нихъ.

— Такъ. Не пройдешь съ кроватью. Эка, померъ не вовремя, царство небесное!

Одинъ взялъ Михайлу за плечи, другой—за ноги и приподняли: руки Михайлы и полы его халата слабо повисли въ воздухѣ. Третій—это былъ мужикъ, похожій на бабу—закрестился, и всѣ трое, безпорядочно стуча ногами и ступая на полы Михайлы, пошли изъ палаты.

Въ груди спавшаго старика раздавались свистъ и разноголосое пѣніе. Пашка прислушался, взглянулъ на темныя окна и въ ужасѣ вскочилъ съ кровати.

— Ма-а-ма!—простоналъ онъ басомъ.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ бросился въ сосѣднюю палату. Тутъ свѣтъ лампадки и ночника еле-еле прояснялъ потемки; больные, потревоженные смертью Михайлы, сидѣли на своихъ кроватяхъ; мѣшаясь съ тѣнями, всклоченные, они представлялись шире, выше ростомъ и, казалось, становились все больше и больше; на крайней кровати въ углу, гдѣ было темнѣе, сидѣлъ мужикъ и кивалъ головой и рукой.

Пашка, не разбирая дверей, бросился въ палату оспенныхъ, оттуда въ коридоръ, изъ коридора влетѣлъ въ большую комнату, гдѣ лежали и сидѣли на кроватяхъ чудовища съ длинными волосами и со старушечьими лицами. Пробѣжавъ черезъ женское отдѣленіе, онъ опять очутился въ коридорѣ, увидѣлъ перила знакомой лѣстницы и побѣжалъ внизъ. Тутъ онъ узналъ пріемную, въ которой сидѣлъ утромъ, и сталъ искать выходной двери.

Задвижка щелкнула, пахнулъ холодный вѣтеръ, и Пашка, спотыкаясь, выбѣжалъ на дворъ. У него была одна мысль—бѣжать и бѣжать! Дороги онъ не зналъ, но былъ увѣренъ, что если побѣжитъ, то непремѣнно очутится дома у матери. Ночь была пасмурная, но за облаками свѣтила луна. Пашка побѣжалъ отъ крыльца прямо впередъ, обогнулъ сарай и

наткнулся на пустые кусты; постоявъ немного и подумавъ, онъ бросился назадъ къ больницѣ, обѣжалъ ее и опять остановился въ нерѣшимости: за больничнымъ корпусомъ бѣлѣли могильные кресты.

— Ма-амка!—закричалъ онъ и бросился назадъ.

Пробѣгая мимо темныхъ, суровыхъ строеній, онъ увидѣлъ одно освѣщенное окно.

Яркое красное пятно въ потемкахъ казалось страшнымъ, но Пашка, обезумѣвшій отъ страха, не знавшій куда бѣжать, повернулъ къ нему. Рядомъ съ окномъ было крыльцо со ступенями и парадная дверь съ бѣлой дощечкой; Пашка взбѣжалъ на ступени, взглянулъ въ окно, и острая, захватывающая радость вдругъ овладѣла имъ. Въ окно онъ увидѣлъ веселаго, покладистаго доктора, который сидѣлъ за столомъ и читалъ книгу. Смѣясь отъ счастья, Пашка протянулъ къ знакомому лицу руки, хотѣлъ крикнуть, но невѣдомая сила сжала его дыханіе, ударила по ногамъ; онъ покачнулся и безъ чувствъ повалился на ступени.

Когда онъ пришелъ въ себя, было уже свѣтло, и очень знакомый голосъ, обѣщавшій вчера ярмарку, чижей и лисицу, говорилъ возлѣ него:

— Ну, и дуракъ, Пашка! Развѣ не дуракъ? Бить бы тебя, да некому.

ПРОИСШЕСТВІЕ.

(Разсказъ ямщика.)

Вотъ въ этомъ лѣсочкѣ, что за балкой, случилась, сударь, исторія. Мой покойный батенька, царство имъ небесное, везли къ барину пятьсотъ цѣлковыхъ денегъ; тогда наши и шепелевскіе мужики снимали у барина землю въ аренду, такъ батенька везли деньги за полгода. Человѣкъ они были богобоязненный, писаніе читали, и чтобы обсчитать кого, или обидѣть, или, скажемъ не ровенъ часъ, обжулить—это не дай Богъ, и мужики ихъ очень обожали, и когда нужно было кого въ городъ послать — по начальству, или съ деньгами, то ихъ посылали. Были они выдѣляющее изъ обыкновеннаго, но не въ обиду будь сказано, сидѣла въ нихъ малодушная фантазія. Любили они муху зашибить. Бывало мимо кабака проѣхать нѣтъ возможности: зайдутъ, выпьютъ стаканчикъ—и унеси ты мое горе! Знали они за собой эту слабость и, когда общественныя деньги возили, то, чтобъ не заснуть, или случаемъ не обронить завсегда брали съ собой меня, или сестрицу Анютку.

По совѣсти сказать, все наше семейство до водки очень охотники. Я грамотный, въ городѣ въ табачномъ магазинѣ служилъ шесть лѣтъ и могу поговорить со всякимъ образованнымъ господиномъ, и разныя хорошія слова могу гово-

рить, но какъ я читалъ въ одной книжкѣ, что водка есть кровь сатаны, такъ это доподлинно вѣрно, сударь. Отъ водки я потемнѣлъ съ лица, и нѣтъ во мнѣ никакой сообразности, и вотъ, изволите видѣть, служу въ ямщикахъ, какъ неграмотный мужикъ, какъ невѣжа.

Такъ вотъ, разсказываю я вамъ, везли батенька деньги къ барину, съ ними Анютка ѣхала, а въ тѣ поры Анюткѣ было семь годочковъ, не то восемь—дура-дурой, отъ земли не видать. До Каланчика проѣхали благополучно, тверезы были, а какъ доѣхали до Каланчика, да зашли къ Мойсейкѣ въ кабакъ, началась у нихъ фантазія эта самая. Выпили они три стаканчика и давай похваляться при народѣ:

— Чѣловѣкъ, говорятъ, я небольшой, простой, а въ карманѣ пятьсотъ цѣлковыхъ; захочу, говорятъ, такъ и кабакъ, и всю посуду, и Мойсейку съ его жидовкой и жиденятами куплю. Все, говорятъ, могу купить и выкупить.

Этакимъ, значитъ, манеромъ пошутили, а потомъ этого стали жаловаться:

—Бѣда, говорятъ, православные, быть богатымъ человѣкомъ, купцомъ или въ родѣ. Нѣтъ денегъ, нѣтъ и заботы, есть деньги, держись все время за карманъ, чтобъ злые люди не украли. Страшно жить на свѣтѣ, у котораго денегъ много.

Пьяный народъ, конечно, слушалъ, смекалъ и на усъ себѣ моталъ. А тогда тутъ на Каланчикѣ чугунку строили и всякой швали и босоногой команды было видимо-невидимо, словно саранчи. Батенька потомъ спохватились, да ужъ поздно было. Слово не воробей, вылетитъ—не поймаешь. Ѣдутъ они, сударь, лѣсочкомъ, и вдругъ это самое, кто-то сзади верхомъ скачетъ. Батенька былъ не робкаго десятка,—этого нельзя сказать, но усумнились; тамъ, въ лѣсочкѣ, дорога непроѣзжая, только сѣно да дрова возятъ, и скакать тамъ некому и незачѣмъ, особливо въ рабочую пору. За хорошимъ дѣломъ не поскачешь.

— Какъ будто погоня,—говорятъ батенька Анюткѣ,—ужъ больно шибко скачутъ. Въ кабакѣ-то надо было мнѣ молчать, типунъ мнѣ на языкъ. Ой, дочка, чуетъ мое сердце, тутъ что-то не доброе!

Пораздумались они малое время насчетъ своего опаснаго положенія и говорятъ сестрицѣ моей Анюткѣ:

— Дѣло выходитъ не основательное, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ погоня. Какъ ни какъ, милая Аннушка, возьми-ка ты, братъ, деньги, схорони ихъ себѣ въ подолъ и поди за кустъ, спрячься. Не ровенъ часъ, если нападутъ, проклятые, такъ ты бѣги къ матери и отдай ей деньги, пускай она ихъ старшинѣ снесетъ. Только ты, гляди, никому на глаза не попадайся, бѣги гдѣ лѣсомъ, гдѣ балочкой, чтобъ тебя никто не увидѣлъ. Бѣги себѣ да Бога милосерднаго призывай. Христосъ съ тобой!

Батенька сунулъ Анюткѣ узелокъ съ деньгами, а она выглядѣла кустъ, какой погуще, и спряталась. Погодя немного, подскочили къ батенькѣ трое верховыхъ; одинъ здоровый, мордастый, въ кумачевой рубахѣ и большихъ сапогахъ, и другіе два оборванные, ошарпанные, знать, съ чугунки. Какъ батенька сумнѣвались, такъ и вышло, сударь, дѣйствительно. Тотъ, что въ кумачевой рубахѣ, мужикъ здоровый, сильный, выдѣляющее изъ обыкновеннаго, лошадь остановилъ и всѣ трое принялись за батеньку.

— Стой, такой-сякой! Гдѣ деньги?

— Какія такія деньги? Пошелъ къ лѣшему!

— А тѣ деньги, что барину везешь, за аренду! Давай, такой-сякой, чортъ лысый, а то душу загубимъ, пропадешь безъ покаянія!

И начали они надъ батенькой свою подлость показывать, а батенька замѣсто того, чтобъ просить ихъ, плакать или что̀, разсердились и начали ихъ отдѣлывать, по всей, значитъ, строгости.

— Что вы, говорятъ, окаянные пристали? Сволочной вы

народъ, Бога въ васъ нѣтъ, нѣтъ на васъ холеры! Не денегъ вамъ надо, а розогъ, чтобъ потомъ года три спина чесалась. Уходите, болваны, а то обороняться стану! У меня пистолетъ шестистволка за пазухой есть!

А разбойники отъ такихъ словъ еще пуще, и стали бить батеньку, чѣмъ попадя.

Обыскали они всю повозку, обшарили всего батеньку и даже сапоги съ него сняли; когда увидѣли, что отъ битья батенька только пуще ругаются, стали они его на разныя манеры мучить. Анютка, тѣмъ временемъ, сидѣла за кустомъ и, сердечная, все видѣла. Когда ужъ увидѣла, что батенька лежатъ на землѣ и храпятъ, схватилась она съ мѣста и что есть духу побѣжала гдѣ кустикомъ, гдѣ балочкой, назадъ къ дому. Дѣвчонка она была малая, безъ всякаго понятія, дороги не знала и бѣжала такъ, куда глаза глядятъ. До дому было верстъ девять. Другой бы въ одинъ часъ добѣжалъ, а малое дитя, извѣстно, шагъ впередъ, два въ сторону, да и не всякое тебѣ можетъ босыми ногами по лѣснымъ колючкамъ; тоже надо привычку имѣть, а наши дѣвченки все, бывало, на печкѣ гомозятся, или на дворѣ, а въ лѣсъ боялись бѣгать.

Къ вечеру Анютка кое-какъ добѣжала до жилья, глядитъ— чья-то изба. А то была изба лѣсничаго за Сухоруковымъ, въ казенномъ лѣсу, купцы тогда арендовали, уголь жгли. Постучалась. Выходитъ къ ней баба, жена лѣсника. Анютка сейчасъ, первое дѣло, въ слезы и объяснила ей все, какъ есть, все на чистоту, и даже про деньги объяснила. Лѣсничиха разжалобилась.

— Сердечная ты моя! Ягодка! Это тебя, такую махонькую, Богъ сохранилъ! Дѣточка моя родная! Пойдемъ въ избу, я тебѣ хоть поѣсть дамъ!

Значитъ, стала подъѣзжать къ Анюткѣ, покормила ее, напоила и даже поплакала съ ей вмѣстѣ и такъ ее разуважила, что дѣвчонка даже, подумай, узелокъ ей съ деньгами отдала.

— Я, ясочка, спрячу, а завтра, говоритъ, по утру отдамъ и до дому тебя провожу, касатка.

Взяла баба деньги, а Анютку уложила спать на печкѣ, гдѣ о ту пору сушились вѣники. И на этой самой печкѣ, на вѣникахъ, спала дочка лѣсника, такая же махонькая, какъ и наша Анютка. И потомъ Анютка намъ разсказывала, духъ такой отъ вѣниковъ былъ, медомъ пахло! Легла Анютка, а спать не можетъ, потихоньку плачетъ: батеньку жалко и страшно. Только, сударь, проходитъ часъ-другой, и видитъ она, въ избу входятъ тѣ три разбойника, что батеньку мучили. Вотъ тотъ, что мордастый въ кумачевой рубахѣ, атаманъ ихній, подходитъ къ бабѣ и говоритъ:

— Ну, жена, только даромъ душу загубили. Нынче, говоритъ, въ обѣдъ мы человѣка убили. Убить-то убили, а денегъ ни гроша не нашли.

Стало-быть этотъ-то, въ кумачевой рубахѣ, лѣсничихинъ мужъ выходитъ.

— Пропалъ задаромъ человѣкъ,—говорятъ его товарищи, оборванные,—понапрасну мы грѣхъ на душу приняли.

Лѣсничиха поглядѣла на всѣхъ трехъ и усмѣхается.

— Чего, дура, смѣешься?

— А то смѣюсь, что вотъ я и души не сгубила, и грѣха на душеньку свою не принимала, а деньги нашла.

— Какія деньги? Что брешешь?

— А вотъ погляди, какъ я брешу.

Лѣсничиха развязала узелокъ и показала имъ, окаянная, деньги, потомъ разсказала все, какъ пришла къ ей Анютка, какъ говорила Анютка и прочее. Душегубы обрадовались, стали дѣлиться промежъ себя, чуть не подрались, потомъ, значитъ, сѣли за столъ трескать. А Анютка лежитъ, бѣдная, слышитъ всѣ ихнія слова и трясется, какъ жидъ на сковородѣ. Что тутъ дѣлать? И изъ ихнихъ словъ она узнала, что батенька померли и лежатъ поперекъ дороги, и мерещится ей, глупенькой, будто бѣднаго батеньку ѣдятъ

волки и собаки, будто лошадь наша ушла далеко въ лѣсъ и ее тоже волки съѣли, и будто саму Анютку за то, что денегъ не уберегла, въ острогъ посадятъ, бить будутъ.

А разбойники налопались и послали бабу за водкой. Пять рублей ей дали, чтобы и водки купила, и сладкаго вина. Пошло у нихъ на чужія деньги и пьянство и пѣсни. Пили, пили, собаки, и опять бабу послали чтобъ, значитъ, пить безъ конца краю.

— Будемъ до утра гулять!—кричатъ.—Денегъ у насъ теперь много, жалѣть нечего! Пей, да ума не прошивай!

Этакъ, къ полночи, когда всѣ были здорово урѣзавши, баба побѣжала за водкой третій разъ, а лѣсникъ прошелся раза два по избѣ, а самъ шатается.

— А, что, говоритъ, братцы, вѣдь дѣвченку прибрать надо! Ежели мы ее такъ оставимъ, такъ она на насъ будетъ первая доказчица.

Посудили, порядили и такъ рѣшили: не быть Анюткѣ живой—зарѣзать. Извѣстно, зарѣзать невиннаго младенца страшно, за такое дѣло нешто пьяный возьмется, или угорѣлый. Можетъ, съ часъ спорили, кому убивать, другъ дружку нанимали, чуть не подрались опять и—никто не согласенъ; тогда и бросили жребій. Лѣснику досталось. Выпилъ онъ еще полный стаканъ, крякнулъ и пошелъ въ сѣни за топоромъ.

А Анютка дѣвка не промахъ. Даромъ, что дура, а надумала, скажи на милость, такое, что не всякому и грамотному на умъ вскочитъ. Можетъ Господь надъ ней сжалился и на это время разсудокъ ей послалъ, а можетъ поумнѣла отъ страха, а только, на повѣрку, вышло, что она хитрѣй всѣхъ. Встала потихоньку, Богу помолилась, взяла тулупчикъ тотъ самый, что ее лѣсничиха укрыла; и, понимаешь, съ ней на печкѣ лѣсникова дѣвочка лежала, однихъ годочковъ съ ней, — она эту дѣвочку укрыла тулупчикомъ, а съ нея взяла бабью кофту и накинула на себя. Помѣня-

лась, значитъ. Накинула себѣ на голову и такъ прошла черезъ избу, мимо пьяницъ, а тѣ думали, что это лѣсникова дочка, и даже не взглянули. На ее счастье бабы въ избѣ не было, за водкой пошла, а то бы, пожалуй, не миновать ей топора, потому бабій глазъ видючій, какъ у кобца. У бабы глазъ острый.

Вышла Анютка изъ избы и давай Богъ ноги, куда глаза глядятъ. Всю ночь по лѣсу путалась, а утромъ выбралась на опушку и побѣжала по дорогѣ. Далъ Богъ, повстрѣчался ей писарь Егоръ Данилычъ, царство небесное. Шелъ онъ съ удочками рыбу ловить. Разсказала ему Анютка все дочиста. Онъ скорѣй назадъ—до рыбы ли тутъ?—въ деревню, собралъ мужиковъ и айда къ лѣснику.

Пришли туда, а душегубы всѣ въ повалку, натрескавшись, лежатъ, гдѣ кто упалъ. Съ ними и пьяная баба. Обыскали ихъ первымъ дѣломъ, забрали деньги. а когда поглядѣли на печку, то—съ нами крестная сила! Лежитъ лѣсникова дѣвочка на вѣникахъ, подъ тулупчикомъ, а голова вся въ крови, топоромъ зарублена. Побудили мужиковъ и бабу, связали руки назадъ и повели въ волость. Баба воетъ, а лѣсникъ только мотаетъ головой и проситъ:

— Опохмѣлиться бы братцы! Голова болитъ.

Потомъ своимъ порядкомъ судъ былъ въ городѣ, наказывали по всей строгости законовъ.

Такъ вотъ какая исторія случилась, сударь, за тѣмъ лѣсомъ, что за балкой. Уже еле видать его, садится за нимъ солнышко красное. Разговорился я съ вами, а лошади встали, словно и онѣ слушаютъ. Эй вы, милыя, хорошія! Бѣгите веселѣй, баринъ, господинъ хорошій, на чай пожалуетъ! Эй вы, голуби!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Мыслитель 5
Дочь Альбіона 9
На чужбинѣ 14
Кухарка женится 19
Шило въ мѣшкѣ. 25
Драма. 30
Произведеніе искусства 37
Орденъ 42
Смерть чиновника 46
Канитель 50
Хирургія 53
Винтъ. 58
Капитанскій мундиръ. 63
Живая хронологія 70
Восклицательный знакъ. (Святочный разсказъ) 74
Ну, публика! 80
Пересолилъ. 85
Налимъ 90
Хамелеонъ. 96
Клевета. 101
Шведская спичка. (Уголовный разсказъ) 106
Художество 130
Упразднили! 137

стр.
Унтеръ Пришибеевъ 144
Анюта 149
Въ Москвѣ на Трубной площади 155
Лошадиная фамилія. 160
Трагикъ. 165
Страдальцы. 170
Наканунѣ поста 177
Житейская мелочь 183
Маска 190
Переполохъ 197
Шуточка 206
Писатель 212
На Страстной недѣлѣ 217
Perpetuum mobile 223
Торжество побѣдителя. (Разсказъ отставного коллежскаго регистратора) 232
Ворона 237
Неосторожность 243
Хористка 248
Страхи 255
Послѣ театра. 263
Ненастье 267
Изъ огня да въ полымя 273
Бѣглецъ. 281
Происшествіе. (Разсказъ ямщика) 290

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 084202107